

Юрий Ленчевский
Как СМЕРШ спас Сталина. Покушения на Вождя

Победа будет за нами!

Юрий Ленчевский

Как СМЕРШ спас Сталина. Покушения на Вождя

Дизайн переплета Юрия Щербакова

В коллаже на переплете использована фотография: Николай Петров / РИА Новости

© Ленчевский Ю.С., 2015

© ООО «Яуза-пресс», 2015

Предисловие

В книге рассказывается о блестящей операции военной контрразведки СМЕРШ по предотвращению попытки убийства Сталина. Этому способствовала ридиоигра советских контрразведчиков, начатая в июне 1944 года. Затем радиоигра «Туман» получила свое развитие уже в сентябре 1944 года. Она интересна из-за уникальности участников. Семейный дуэт Шилова – Таврин вошел в историю «Тайной войны» как исполнитель покушения на И. Сталина. Об этом написано достаточно много, но немало загадок, инсинуации версий, всевозможных слухов и домыслов. В последнее время средства массовой информации, кино, театр, общественные и политические деятели разных направлений слишком громогласно, но не вполне убедительно, а подчас односторонне, превратно и даже ложно изображают исторические события.

За перо берутся дилетанты, а иногда лица, которые за «зеленые» занимаются фальсификацией нашей истории.

К тому же наши люди слишком мало знают о фактах проявления террора в отношении советских лидеров, а также многих зарубежных государственных и политических деятелей. Многие на веру воспринимают разные мифы. Что делать!

Люди еще верят печатному слову, каналам телевидения. Тем не менее тема террора всегда привлекала к себе внимание читателей и исследователей и являлась предметом наивысшего интереса рядовых граждан. Она актуальна и в наше время, ибо терроризм возведен в ранг государственной политики. Он часто является предвестником крупных политических потрясений и конфликтов, какими были Первая и Вторая мировые войны. В наши дни это особенно актуально. Поэтому так важно противодействовать идеологии терроризма и способствовать ее развенчанию.

Автор подробно рассказывает об операции СМЕРШа по предотвращению попытки «Цеппелина» убить И. Сталина. Это заметный эпизод деятельности СМЕРШа, о котором последнее время немало рассказано в печати, показано на экранах телевидения, особенно в программе «Звезда».

Интерес к истории российских спецслужб неуклонно растет. Свидетельство тому – постоянно увеличивающееся количество публикаций в прессе, издаваемых книг, передач на телевидении, кинофильмов, посвященных этой теме.

Что касается истории российской военной контрразведки, то она насыщена драматическими подробностями от ее создания и первых успехов в борьбе со шпионажем против Красной армии до конкретных разведок в наши дни.

«Некоторые страницы этой летописи – как, например, славная история военной контрразведки СМЕРШ, одной из самых эффективных и боеспособных структур советских органов госбезопасности, – в той или иной степени известны широкому кругу читателей, но большая часть из них до сих пор проходит под грифом «Секретно». Ведь тайная война продолжается и сегодня, интерес иностранных спецслужб к Вооруженным силам возрождающейся России возрастает, а потому военные контрразведчики, несущие службу везде, где находятся российские войска, остаются бойцами переднего края, основным

оружием которых является опыт и оперативное мастерство, в том числе накопленный и переданный им в наследство предыдущим поколением», – сказал Александр Георгиевич Безверхний, начальник департамента Военной контрразведки ФСБ РФ.

В период пресловутой перестройки в средствах массовой информации шла волна очернительства человека в военной форме. Особенно изощрялись некоторые «деятели» и авторы по части чекистов. Обвиняли их в том, что происходило в стране более 70 лет назад.

История не книга, из нее страниц не вырвешь, что было, то было... Были трагические события в жизни страны. Нельзя отрицать факта репрессий в 30-е годы. 14 тысяч чекистов было репрессировано, расстреляно. Начатая в конце 80-х годов, античекистская кампания в 90-е начала набирать обороты. Масштаб кампании исключает ее стихийность. Речь идет о войне, объявленной чекистам как новому врагу. И она продолжается в наши дни. Нарастает. Это информационно-психологическая война. Но не только. Никакие войны такого масштаба не могут сводиться к информационно-психологической составляющей. Опыт показывает: они всегда имеют крупную цель. Цель политическую, геополитическую, стратегическую. Реальной мишенью является не та или иная власть, а страна.

Множество небылиц, а то и прямой подлог в статьях и книгах о специальных операциях советских органов госбезопасности вынуждают внести ясность в этот вопрос.

Некоторые авторы в своем неприятии заслуг чекистов в жизни государства, в период Великой Отечественной войны, а некоторые, не скрывающие ненависти к чекистам, пытаются пнуть и СМЕРШ.

Напечатанных страницах, на телевидении встречаются и правдивые повествования о чекистах, их самоотверженной работе, опасных героических делах. Этому способствует то, что достоянием гласности стали многие архивные дела. Читатель и зритель узнают для себя немало нового, интересного. Однако есть материалы, которые не будут раскрыты никогда. Это документы, касающиеся сотрудников органов безопасности на конфиденциальной основе – об агентуре. Утечка подобных материалов недопустима! И верю – не случится никогда.

Была война... Память о ней не изгладится и через многие десятилетия. Все, что пережито поколением участников Великой Отечественной войны, не принадлежит им одним. Это – история. А ее надо помнить и знать.

Наш рассказ о буднях военной контрразведки в трудные годы Великой Отечественной войны, первое послевоенное время. Рассказ о СМЕРШе – это и рассказ о правде на войне. Там были подвиги, но было и предательство. Людям полезно об этом знать. Тема же предательства – тема вечная.

О СМЕРШе обстоятельно рассказывается в книгах автора: «Они из СМЕРШа», изданной в 2008 году издательством «Граница» ФСБ России, «СМЕРШ без грифа «Секретно», изданной издательством «Яуза», «ЭКСМО» в 2009 году, в книге «Пришло время рассказать» издательства «Патриот» 2011 года, в книге «Поединок» издательства «Граница» 2011 года и книге «Сталинский СМЕРШ» – «За завесой секретности» «Яуза», «ЭКСМО» 2013 года. Автор удостоен ряда литературных премий, три из них – международного литературного конкурса.

Следует отметить роман талантливого писателя Владимира Богомолова «Момент истины. (В августе 1944-го)»... Этот роман переиздан много-много раз! Его автор привел придуманные им документы СМЕРШа, которые, пожалуй, не отличить от достоверных. Заслуга Богомолова еще и в том, что он в СМЕРШе не служил, но создал книгу, наиболее правдиво отражающую реалии работы органов СМЕРШ.

Автор стремится показать, что контрразведка – это не красивая жизнь. «Яркие женщины, рестораны, музыка, джаз, обаятельные шпионы и шпионки. Это в кино, в книгах... Кино же и жизнь жанры разные. Военная контрразведка – это огромная, тяжелая работа... Соленая работа и кровь...» Контрразведчики, конечно, люди разные. Среди них и хорошие, и плохие. Вот только на передовой находились они вместе с бойцами, случалось, ходили в атаку. Работали сутками, а бывало, после гибели командира заменяли его.

Сколько их погибло, пропало без вести!.. Десятки преданных своему делу профессионалов. Патриотов!

Память же о тех, кто приближал нашу Великую Победу, незыблема.

Затея покушения на Сталина обошлась немцам в более четырех миллионов марок.

Глава первая. Покушение на Сталина на мосту и выстрелы с берега

Вокруг посягательства на жизнь И. В. Сталина накручено немало былей и небылиц. Порой трудно отличить подлинные факты от вымыслов и легенд. Не ушел от этой темы и А. Антонов-Овсеенко. Однако его познания далеки от истинного положения вещей, а публикации грешат неточностью, тенденциозны, встречается в них и явная ложь. (Понятна его реакция на репрессию отца.) Достоверные факты могут быть только в документах и в рассказах чекистов.

Мост, Лаврентий Берия и Сергей Гоглидзе

Дачу Сталина построили в самом устье реки Лашупсе, впадающей в дивное высокогорное озеро Рица. Там, на высоте полутора километров над уровнем моря, на берегу, обрамленном мощными вершинами, он в довоенное время иногда проводил свой отпуск.

Однажды по дороге на дачу произошел случай, который зафиксирован как первая попытка покушения на жизнь вождя. Во всяком случае, так интерпретировал происшедший инцидент на мосту Лаврентий Берия. В этой истории много темного. По версии А. Антонова-Овсеенко, данный инцидент был подстроен самим Берией, чтобы товарищ Сталин понял: на Лаврентия Павловича можно положиться.

Антонов-Овсеенко описывал эту историю так. Берия тогда еще работал в Грузии, но постепенно приучал «хозяина» к своей роли неперемногого спутника-охранителя. Провожал он Сталина на Рицу и в этот раз. Поехали внушительным кортежем на пяти бронированных ЗИСах. Впереди охрана, за ней Сталин, следом Берия вместе с наркомом внутренних дел Грузии Сергеем Гоглидзе.

Лаврентий Берия широко известен. О нем было множество публикаций, его сын Серго тоже написал об отце книгу, в которой масса неточностей, вранья. Автор показал свой уровень торжествующей некомпетентности, всячески оправдывал отца. Труд писателя Антона Владимировича Антонова-Овсеенко справедливо оценил заслуженный юрист России Андрей Сухомлинов:

«А вот сын другого известного большевика В. Антонова-Овсеенко – Антон Владимирович, напротив, привел такие сведения о Берии, что приходится только удивляться фантазии автора».

Последнее время как грибы после дождя появляются все новые и новые книги о Лаврентии Берии. Сколько бы ни писали, ни говорили о Берии, автор считает целесообразным привести читателю библиографическую справку о нем, опубликованную в массовом календаре-справочнике на 1941 год государственным социально-экономическим издательством (Соцэкгиз):

Лаврентий Павлович Берия родился 29 марта 1899 г. в селении Мерхеули (Грузинская ССР) в бедной крестьянской семье. В партию большевиков т. Берия вступил в марте 1917 года в Баку. В 1918–1920 гг., в период господства муссаватистов и меньшевиков в Закавказье, т. Берия вел активную подпольную работу в Баку и Грузии. В 1920 г. т. Берия был арестован меньшевистским правительством Грузии. По настоянию С. М. Кирова, который работал в то время полномочным представителем Советской России в Грузии, т. Берия был выслан из Грузии в Советский Азербайджан. С 1921 г. т. Берия на руководящей работе в органах советской разведки. С ноября 1931 г. – первый секретарь ЦК КП (б) Грузии, а в 1932 г. и первый секретарь Закавказского крайкома ВКП (б)...

С конца 1938 г. т. Берия – народный комиссар внутренних дел СССР. С XVII съезда –

член ЦК ВКП (б), с марта 1939 г. – кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б). Т. Берия – один из виднейших руководителей ВКП (б) и ближайших учеников и соратников товарища Сталина...»

А вот как о Берии рассказывает Андрей Сухомлинов¹:

«Противоречивые оценки личности Лаврентия Берии, а также всей ситуации вокруг него и заставили меня – бывшего военного прокурора – взяться за перо и попытаться представить читателю истинную и объективную картину.

Правда, порой слышишь – а зачем все это? Прошло полвека, ушли из жизни очевидцы событий, многое забыто. Новое поколение не знает, кто такой Берия. Ему, поколению, наплевать, виновен он или нет. Зачем ворошить старое?

Позволю себе не согласиться с таким заявлением. Кто-то из великих сказал, что история существует для того, чтобы познавать будущее. Поэтому ее и нужно изучать. Тем более что исторические тайны остаются и раскрываются весьма непросто. Причем во всем мире. Российская история не исключение. Кто рискнет сказать, что раскрыты все тайны Ивана Грозного, Петра I, Николая II, Сталина, Хрущева, Брежнева?

В одном ряду с ними стоит и Лаврентий Берия, который почти четверть века возглавлял органы НКВД – вначале Закавказья, где он прошел путь от рядового сотрудника местной ЧК до наркома внутренних дел Грузии. С 1938 по 1945 год Берия – нарком внутренних дел СССР. Позже он возглавил спецкомитет по атомной промышленности при Совете Министров СССР, а с 1953 года вновь возглавил МВД страны.

Да, Берия и руководимая им система служили тоталитарному режиму Сталина. Это был инструмент для развертывания невиданных политических репрессий, жертвы которых исчислялись миллионами. Этому служили ГУЛАГ и другие механизмы принуждения, находившиеся в руках Берии, в том числе и специальная «особая группа при НКВД», в задачи которой входило проведение террористических актов. Такого беззакония не знала ни одна страна мира.

За усердие в этой работе Берия был удостоен высших наград и званий: Героя Социалистического Труда и Маршала Советского Союза, награжден пятью орденами Ленина, семью орденами Трудового и Боевого Красного Знамени. Ему была присуждена Сталинская премия.

Однако именно в те годы мы стали могучей державой, победили в войне, преодолели разруху и голод, страну признал мир.

В этом заслуга и Берии как одного из руководителей страны.

Все те годы органы и войска НКВД стояли на страже правопорядка, боролись с преступностью, уничтожали бандитов, грабителей и ворье, охраняли государственную границу и жизненно важные объекты, участвовали в «стройках века», которые были все-таки нужны стране. В трудную годину войны дивизии НКВД сражались на главных направлениях обороны Москвы и Кавказа. Партизанское движение, разведка, в том числе и агентурная во фронтовом тылу, тоже шли по линии НКВД – НКГБ. Только в оккупированные районы Московской области в 1941 году было направлено для выполнения диверсионных заданий в тылу врага 5429 человек. Показателен и такой факт. 24 июня 1945 года на Параде Победы почетное право бросить 200 поверженных гитлеровских знамен к подножию Мавзолея было доверено воинам НКВД из дивизии имени Дзержинского. А после войны советские чекисты громили недобитое националистическое подполье на Украине и в Прибалтике, вылавливали карателей и полицаяв в Белоруссии, охраняли правопорядок на освобожденных территориях и участвовали в восстановлении разрушенных городов. Работу, к сожалению, до конца не довели: дожившие до наших дней седовласые представители украинской повстанческой армии – откровенные пособники нацистов – сейчас требуют от президента Украины льгот

---

¹ Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М.: Детектив-Пресс, 2004.

участников Великой Отечественной войны.

В ходе совместной работы бойцов «невидимого фронта» и советских ученых-атомщиков наша страна стала ядерной державой. Именно за эту работу Берия был удостоен высших наград.

Работа партизан. Немецкий эшелон с живой силой и техникой подорван бойцами оперативной группы

Когда умер Сталин, в верхнем эшелоне власти, и прежде всего внутри Президиума ЦК

КПСС, развернулась жесткая борьба за лидерство. Руководители страны в те дни нарочито настойчиво с трибун вещали о единстве, объединении, необходимости сплотиться, но на самом деле рвались к власти. Увереннее всех рвался Берия. Это и понятно: в его руках сосредоточилась невиданная сила – все спецслужбы страны – объединенное МВД. Кроме этого – все архивы, дела и документы по репрессиям. За 118 дней он развил такую активность, которая смертельно напугала остальных. Он открыто говорил о недостатках, ошибках и извращениях, допущенных в сталинский период, вносил предложения, которые без преувеличения можно теперь назвать революционными. Правильность многих из них позже подтвердилась историей. Соратникам оставалось одно – убрать его, обвинив в тяжких преступлениях, «сделав» врагом народа, особо не задумываясь над абсурдностью обвинений. Так Берия из почти народного героя превратился в народного врага, изменника, шпиона, насильника, развратника и т. п.

О его действительных злодеяниях – политических репрессиях, убийствах, нарушениях законности, издевательствах, похищениях людей – в официальном обвинении сказано очень мало; его уничтожили и растоптали с помощью других обвинений и, убрав с политической арены, освободили место для себя, обеспечив собственное спокойное существование. Хотя и непродолжительное.

Летом 1953 года Берия и еще шесть человек его ближайшего окружения по МВД: В. Меркулов, Б. Кобулов, С. Гоглидзе, В. Деканозов, П. Мешик и Л. Влодзимирский – были арестованы и 23 декабря 1953 года по приговору специального судебного присутствия Верховного суда СССР расстреляны. Все они были признаны виновными в государственных (контрреволюционных) преступлениях, в том числе и в измене Родине в форме шпионажа. Кроме того, им вменялись ошибочные взгляды на ряд вопросов внутренней и внешней политики, кадровой работы, недостатки в организации Работы МВД и внешней разведки, а также неправильные, по мнению суда, отношения с партийными органами в центре и на местах. У Берии в обвинении, кроме того, фигурируют изнасилование его любовницы в 1949 году, служба в 1919 году контрреволюционному правительству Азербайджана, а в 1920 году – тайная связь с охранкой меньшевистского правительства Грузии, являвшейся, как следует из приговора, «филиалом английской разведки». Берия признан виновным в попытке установления в 1941 году тайной связи с Гитлером, а в 1953 году – с руководителями Югославии Тито и Ранковичем, в попытке передать после войны иностранным государствам часть территории СССР, а в 1942 году еще и изменить Родине при обороне Кавказа. В приговоре перечислено несколько преступных эпизодов, связанных с политическими репрессиями, убийствами, террором, злоупотреблениями.

Прошло почти 50 лет, и 29 мая 2000 года Военная коллегия Верховного суда РФ пересмотрела в порядке надзора это уголовное дело. Действия Деканозова, Мешика и Влодзимирского – менее активных соучастников – были перекалвалифицированы на обычное воинское преступление и расценены судом как злоупотребление властью при наличии особо отягчающих обстоятельств. Приговор был изменен, и мера наказания определена в 25 лет лишения свободы каждому. В данном случае был применен закон РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий».

Приговор в отношении Берии, Меркулова, Гоглидзе и Кобулова оставлен без изменения, поскольку, по мнению Военной коллегии Верховного суда РФ, указанный выше закон к ним применен быть не может: они не являются жертвами политических репрессий. Поэтому и пересмотр дела в рамках этого закона в отношении их невозможен. А другого закона нет. Таким образом, они продолжают оставаться изменниками Родины и шпионами.

Ну что сказать? Конечно, руки их по локоть в людской крови. Они ошибались, совершали тяжчайшие преступления, усердствуя и выполняя незаконные распоряжения власти, не смея ей перечить. Но убежден, что шпионами и изменниками Родины они никогда не были.

Наркомат внутренних дел Грузии тогда возглавил Гоглидзе. Кто он?

Гоглидзе Сергей Арсеньевич (1901–1953). Генерал-полковник (1945). Родился в Грузии

в селе Корта Рачинского уезда Кутаисской губернии. Окончил коммерческое училище в Ташкенте и курсы усовершенствования высшего состава при военной академии имени М. В. Фрунзе. С 17 лет служил в Красной армии. С 1921 г. – в войсках ВЧК в Туркестане, Сибири, затем в штабе войск ГПУ в Москве. В 1922–1923 гг. был уполномоченным по укреплению охраны западной границы, в 1923–1928 гг. – инструктором, инспектором политической инспекции войск ВЧК – ГПУ Закавказья. С 1928 по 1934 г. он занимал должности помощника, зам. начальника, начальника Управления погранохраны и войск ГПУ Закавказья. В 1934–1938 гг. Гоглидзе – народный комиссар внутренних дел ЗСФСР, начальник Управления НКВД по Грузинской ССР. В ноябре 1935 г. ему присвоено звание комиссара госбезопасности 2 ранга. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. В ноябре 1938 – феврале 1941 г. возглавлял Управление НКВД по Ленинградской области. В марте 1939 г. на XVIII съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК ВКП (б). В апреле – июле 1941 г. – уполномоченный ЦК ВКП (б) и СНК СССР в Молдавии. С июля 1941 г. – начальник УНКВД по Хабаровскому краю и уполномоченный НКВД СССР по Хабаровскому и Приморскому краям, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР. С мая 1943 г. – начальник УНКГБ (с апреля 1946 г. – УМГБ) по Хабаровскому краю и уполномоченный НКГБ СССР (с апреля 1946 г. – МГБ СССР) по Дальнему Востоку. С января 1951 г. – начальник Главного управления охраны МГБ СССР на железнодорожном и водном транспорте. В августе 1951 г. был назначен 1-м зам. министра государственной безопасности СССР; с ноября 1951 г. – министр государственной безопасности Узбекской ССР. С февраля 1952 г. – снова 1-й зам. министра госбезопасности СССР, по совместительству возглавлял 3-е Главное управление (военной контрразведки) МГБ СССР. На XIX съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК КПСС. В марте 1953 г. был снят с поста зам. министра, но оставался начальником 3-го Главного управления и членом коллегии МВД СССР. В июне 1953 г. – в ГДР, руководитель опергруппы МВД СССР по ликвидации произошедших там народных волнений. Там же, в Германии, был арестован.

Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

23 декабря 1953 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Не реабилитирован.

За машиной с Берией и Гоглидзе в четвертой машине ехало несколько человек obsługi, в последней – замыкающие охранники. На полпути, когда миновали впадение Гегги в Бзыбь, Берия остановил кавалькаду. Подойдя к лимузину генсека, он попросил его пересесть в предпоследнюю машину. Сталин послушался. Вместе с ним уселся и Берия.

Обслуга переместилась во вторую машину.

– Почему поменялись местами? – спросил Сталин. Нет, в своих сотрудниках Берия абсолютно уверен, но, как говорится, береженого бог бережет.

– Тяжелое предчувствие, Иосиф Виссарионович... Есть кое-какие сомнения... Один агент сообщил нечто экстраординарное...

Дорога петляла, перепрыгивая с левого берега на правый, потом обратно. Миновали один мост. А на втором мосту произошло нечто невообразимое. Первая машина с охраной благополучно переехала на другой берег. Второй ЗИС, в котором должен был находиться генсек, осторожно взобрался на деревянный настил, и он тут же рухнул под тяжестью автомобиля. Лимузин упал в воду и застрял между валунами.

Впечатление было такое, что прогремел взрыв. Правда, не очень сильный, но его многократно увеличило горное эхо. Охранники схватились за оружие. Часть их бросилась в ущелье искать террористов, другая плотно сомкнула кольцо вокруг остановившейся машины генсека.

Почему мост рухнул именно под вторым автомобилем, из которого незадолго до происшествия пересел в предпоследний «хозяин» в соответствии с настоятельным советом Берии? Случайность? С дьявольской хитростью организованная провокация? Или

действительно Берия располагал какими-то агентурными сведениями?

Экспертизу по свежим следам происшествия не производили. Сваи, опоры не обследовали. Ничего не фотографировали. Никаких актов-протоколов не составляли.

Как было на самом деле с этим мостом, правду об этом инциденте никто никогда не узнает.

Выстрелы с берега

А вот выстрелы с берега в сторону Сталина были. Об этом автору в семидесятые годы минувшего столетия рассказывал чекист Василевский, ставший литератором.

Василевский Лев Петрович (1904–1979). Полковник. Член партии. Родился в г. Курске. С 14 лет трудился слесарем, электромонтером. С 1927 г. работал в полномочном представительстве ОГПУ в ЗСФСР. Служил в погранвойсках, окончил авиашколу, курсы усовершенствования комсостава при Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. В 1936 г. – командир-комиссар отдельной авиачасти Управления пограничной и внутренней охраны УНКВД Казахской АССР (на границе с Китаем, район Синцзян).

В 1937–1938 гг. руководитель линии «Д» (разведывательно-диверсионные операции) резидентуры НКВД ССР в Испании, старший советник Особого отдела Мадридского фронта, начальник оперативной группы НКВД. Владел французским и испанским языками. В 1939–1941 гг. – резидент внешней разведки в Париже (под прикрытием должности генерального консула «Тарасова»). Участвовал в операции по ликвидации Л. Д. Троцкого в Мексике. В 1941–1942 гг. – зам. резидента в Анкаре (Турция). С 1942 г. – зам. начальника 4-го управления НКВД СССР. В 1943–1945 гг. – резидент НКВД – НКГБ в Мексике, действовал под именем Л. А. Тарасова и прикрытием должности советника посольства СССР в этой стране. Ему удалось восстановить связи с агентурой в США и Мексике, привлеченной советскими разведчиками Эйтингоном и И. Р. Григулевичем для проведения операции по ликвидации Троцкого.

С декабря 1945 г. Василевский – зам. начальника отдела «С» НКГБ – МГБ СССР. С 1945 г. – зам. начальника, с 1946 г. – начальник 11-го отдела (научно-техническая разведка) 1-го управления НКГБ – ПГУ МГБ СССР – Отдела НТР КИ при СМ СССР.

В 1948–1951 гг. – пенсионер МГБ, зам. директора Главного управления кинопроката Министерства кинематографии СССР.

В апреле 1953 г. был назначен помощником начальника 9-го отдела МВД СССР (Служба диверсий за границей).

В июле 1953 г. уволен из МВД СССР и в 1954 г. исключен из КПСС за «связи с Берией» и «политические ошибки», допущенные в заграничной работе. Лишен воинского звания. В 1959 г. восстановлен в КПСС, в воинском звании.

Автор более 50 книг и статей по истории Гражданской войны в Испании. Вместе с А. В. Горским (в годы войны резидентом в Англии) перевел знаменитую книгу Рафаэля Саббатини «Одиссея капитана Блада». Автор книги о чекисте Г. С. Сыроежке «Испанская хроника Григория Гранде».

Награжден орденом Красного Знамени, медалями.

В 1933 году, через несколько дней после инцидента на мосту, Сталину захотелось совершить прогулку по воде. Для этой цели снарядили катер. И вот, когда подошли к правому лесистому берегу, раздался выстрел. Берия мгновенно вскочил и заслонил своим телом Сталина. Моторист прибавил ходу, но из-за сосен выстрелили еще несколько раз. Однако катер был уже в безопасной зоне.

Причालив к берегу, Берия организовал поиск террористов. И они были схвачены. Ими оказались... пограничники. Допрошенные лично Гоглидзе, они показали, что действовали по инструкции. Катер со Сталиным отсутствовал в представленной им заявке на прохождение судов в охраняемой зоне. Командир отделения пограничников Лавров дал такое объяснение: увидев движущийся незаявленный катер, пересекающий подведомственную зону, то есть

погранзаставу «Пицунда», он сигналами велел катеру приступить к берегу. А поскольку тот продолжал двигаться прежним курсом, произвел несколько выстрелов вверх.

Однако Гоглидзе сделал иное заключение. Из его докладов вытекало, что имело место покушение. Он даже нашел свидетелей, которые показали, что стрельба велась в сторону моря, то есть по катеру со Сталиным на борту. Несчастный сержант был отдан под трибунал и подлежал расстрелу. Но тут вмешивается Ягода и уговаривает Берия выдать случившееся за обыкновенное разгильдяйство. Лаврентий Павлович, который не хотел портить отношений с тогда могущественным наркомом внутренних дел, согласился. Видимо, поэтому в показаниях Лаврова имеются детали, существенно менявшие дело: стрельба велась, но не преднамеренно, а по недомыслию и недисциплинированности командира отделения пограничников, пытавшегося заполучить катер, чтобы погрузить на него грязное белье.

Лаврову дали пять лет. Понес наказание начальник погранзаставы «Пицунда». Председателя ГПУ Абхазии уволили из органов.

Но своего срока Лавров не отсидел. В 1937 году бывшего пограничника-сержанта, отбывшего наказание в лагере, доставили во внутреннюю тюрьму НКВД в Тбилиси, где, допросив заново, полностью изобличили как врага народа и террориста. Его приговорили к расстрелу. Такую же меру наказания получил и бывший председатель ГПУ Абхазии, уволенный за допущенный инцидент с катером в 1933 году. Обстрелявший катер командир отделения пограничников сержант Лавров был признан участником заговора, имевшим задание совершить террористический акт в отношении Сталина.

Что, открылись какие-то неизвестные прежде обстоятельства? Да нет, все объясняется просто: к тому времени всесильный нарком внутренних дел Ягода находился под арестом, а заменивший его Ежов искал компромат на своего предшественника. Тогда и всплыла вновь история с катером, с покушением на Сталина. Сокрывший деятельность контрреволюционной группы Ягода был расстрелян. А Ежов, раскрывший эту группу с помощью Берии, вырос в глазах Сталина. И Берия тоже. Сначала он стал первым замом Ежова, а спустя несколько месяцев заменил его.

Как бы ни было на самом деле, но оба инцидента – на мосту и особенно с катером – Берия мастерски разыграл в свою пользу, сумел извлечь из них большой политический капитал. Точь-в-точь как Сталин в ситуации с убийством Кирова.

Рядом со Сталиным

У многих возникал вопрос: как Берия встал рядом со Сталиным? Вот как это объясняет генерал М. С. Докучаев, отдавший почти 40 лет жизни службе в системе обеспечения государственной безопасности, из них 15 лет был одним из руководителей 9-го управления КГБ СССР, обеспечившего безопасность высших руководителей страны.

Сталин, желая иметь рядом с собой близкого по национальности человека, совершил большую ошибку, выдвинув Берия на пост наркома внутренних дел. Он не учел его прошлого, а возможно, и не хотел принимать его во внимание, потому что на этом посту ему нужен был свой человек. Мало ли что в прошлом было у многих советских руководителей. Микоян, например, остался по каким-то причинам в живых – один из двадцати семи бакинских комиссаров. Двадцать шесть из них англичане расстреляли, а Микоян остался жив и прекрасно работал на посту наркома пищевой промышленности страны. Поэтому связь Берии с муссаватистами и английской разведкой Сталин, по-видимому, считал не таким уж большим криминалом.

Берия нужен был Сталину по одной весьма важной причине. К этому времени Сталин в течение шести лет был один. У него не было жены, дети были малолетними. Старший сын Яков жил отдельно. Вокруг Сталина образовалась своего рода пустота. Кроме работы, он ничего не знал. Редкие посещения театров, просмотры кинокартин, которые он очень любил, не могли заменить ему личного общения. Друзей почти не осталось. После трагической

смерти жены родственники и близкие стали избегать его. Многие из них были арестованы, ибо Сталин поверил в правдивость доносов на них.

К 1938 году И. В. Сталин уже в течение более 20 лет находился на высоких партийных и государственных должностях. 16 лет из них он являлся первым лицом в партии и государстве. На его плечах лежала великая страна, в которой проходили бурные процессы, жестокая классовая борьба. Он хорошо знал, что многие старые большевики, военные и просто противники не могли смириться с тем, что он занимал такое высокое положение. Они не терпели его и всеми средствами хотели отстранить от власти, освободить партию и народ от этого русского грузина, который, лавируя между ними и сталкивая между собой, всегда брал верх и, главное, твердо вел страну по ленинскому пути к социализму.

К Сталину поступали многочисленные сигналы о готовящихся на него покушениях. Хотя он верил своей охране и с уважением относился к ней, в этой обстановке он все же решил поставить близкого ему человека во главе органов безопасности.

И нужно сказать, что в первые годы работы в Москве Берия проявлял исключительную активность в обеспечении его охраны. Он окружил Сталина подобранными им и верными ему грузинами, которые щедро награждались орденами и медалями и наделялись генеральскими званиями. Как правило, они составляли службу Сталина (повара, снабженцы, коменданты, горничные и т. п.), претендовали на приоритет в его обслуживании и поэтому были не в ладах со службой охраны. В конце концов Сталин приказал выпроводить всех грузин с дачи и из Кремля.

В это время у него появились первые симптомы подозрительности, что свойственно многим руководителям такого уровня. Несомненно, на это оказало определенное влияние массовое раскрытие органами НКВД шпионских и террористических групп и произведенные ими диверсионные акции, показания на процессах оппозиционеров, доклады о негативных высказываниях о нем со стороны товарищей по партии и даже родственников. В итоге у него создалось отрицательное мнение о людях, которых он знал многие годы.

В развенчание мифов о посягательствах на жизнь вождя свою лепту внес Хрущев, приведший в мемуарах немало свидетельств недоверчивости и подозрительности Сталина, которые в последние годы его жизни приняли гротескные формы. За обедом он не притрагивался ни к одному блюду, если кто-нибудь при нем не попробует. Выезжая из Кремля в Кунцево, каждый раз менял маршрут следования, не ставя о нем в известность до последней минуты даже охрану. Усложнил систему охраны Ближней дачи. Все это, а также многочисленные публикации, появившиеся в эпоху горбачевской гласности, убеждали людей, что никаких покушений на Сталина в действительности не было. Они, мол, фабриковались Берией и его подручными.

Охрана Сталина (из закрытых источников)

Мифы, домыслы всегда сопутствуют при описании жизни и деятельности великих личностей, особенно деятелей мирового масштаба.

Даже такой профессионал, как генерал-майор М. С. Докучаев, в своих воспоминаниях приводит не соответствующие действительности факты покушения на Сталина. Он называет террориста Богдана, которого затем устранил Бакаев, один из помощников Зиновьева по Ленинграду. В действительности подобного не было, а сведения о попытке Богдана убить Сталина Докучаев почерпнул из сфальсифицированных материалов судебного процесса деятелей «право-троцкистского блока». Тем не менее приведен текст:

«Из закрытых источников». Из беседы Николая Зеньковича с бывшим заместителем начальника 9-го управления КГБ СССР генерал-майор М. С. Докучаевым.

– Террористу Богдану было поручено убить Сталина на одной из партийных конференций. Он сумел в мае 1934 года проникнуть в зал заседания, но не смог приблизиться к месту, где находился Сталин. К тому же в последний момент Богдан заколебался. На следующий день он был убит у себя на квартире. Его устранил Бакаев, один

из бывших помощников Зиновьева по Ленинграду. Этот отъявленный убийца предполагался Зиновьевым и Каменевым, после совершения государственного переворота, на должность председателя ОГПУ с тем, чтобы замести все следы преступлений оппозиции. Об этом Бакаев поведал на следствии и судебном процессе. Однажды бакаевские боевики стреляли по катеру, полагая, что на нем совершал прогулку Сталин вдоль побережья Черного моря...

– *Были ли еще какие-либо попытки покушения на Сталина?* – спрашивает Зенкевич.

– Были. И не только на него, но и на других членов советского руководства.

– *Выходит, это не легенды?*

– Какие уж тут легенды! В 1942 году террорист несколько дней осуществлял наблюдение на Красной площади за работой сотрудников службы безопасности при проезде из Кремля и по улице Куйбышева автомашин с руководителями партии и правительства. Он примелькался службе охраны, и его стали принимать за своего сотрудника. 6 ноября он появился на Красной площади на автомашине с оружием и представился сотрудникам безопасности как назначенный на этот участок для усиления охраны в предназначенные дни.

– *И что было дальше?*

– Когда из Кремля вышла машина, а в ней сидел Микоян, этот террорист вскочил вовнутрь Лобного места и открыл оттуда огонь по автомашине. Он стрелял метко и расчетливо, но его пули отскакивали от брони автомобиля. Водитель, почувствовав удары по стеклам, быстро свернул к Васильевскому спуску и ушел от обстрела.

– *Никогда не слышал об этой истории...*

– Наверное, как и этих имен – майор госбезопасности Л. А. Степин, капитан Цыба, сержант Вагин? Эти люди вступили в поединок с террористом. В перестрелке тяжелое ранение в ногу получил майор Степин. Впоследствии он стал генерал-майором, скончался в 1989 году. Капитан Цыба успел метнуть гранату вовнутрь Лобного места и тяжело ранил бандита. Цыба с подоспевшим Вагиным схватили его. Майор Степин был награжден орденом Красного Знамени, а капитан Цыба и сержант Вагин – орденами Красной Звезды.

– *Наверное, в охране Сталина были самые отборные сотрудники?*

– Безусловно. Охрана Сталина была обеспечена также новейшими видами вооружения и современными транспортными средствами. С началом войны служба его охраны была значительно усилена, и главным образом на трассах проезда и при проведении крупных общественно-политических мероприятий.

– *Кроме имени Власика и названных вами сейчас трех чекистов, публика совсем не информирована о тех, кто осуществлял охрану Сталина... Не говоря уже о других руководителях советского государства... Сия тайна велика есть?*

– Сегодня уже не тайна. В годы Великой Отечественной войны Сталина охраняли генерал-лейтенанты Н. С. Власик и В. В. Румянцев, генерал-майор С. Ф. Кузьмичев, полковники А. М. Раков, И. В. Хрусталева, М. И. Старостин, К. И. Буров, подполковники М. Г. Старостин, К. Горундаев, И. М. Орлов, Н. Г. Кропотков, Туков, Н. И. Бородачев и другие. В личную охрану Иосифа Виссарионовича входили офицеры Кириллин, Старцев, Ларин, Гусаров, Петров, Косарев, Фомин, Кошеваров, Маринин, Кручинин, Воронцов, Нефедов, Секошин и другие. Всего личная охрана Сталина насчитывала 26 человек. Они работали через сутки, т. е. по 12 человек ежедневно, плюс один-двое на подмену.

– *А кто был у Сталина водителями его машин, поварами? Совершенно неизвестно...*

– Записывайте. Водителями автомобилей Сталина были Н. И. Соловьев, бывший шофер генерала Брусилова, который три дня однажды обслуживал на фронте царя Николая II. Кроме Соловьева, Сталина возили Карпов, Кривченков, Цветков, Гагач и Селяников. Повара? Еду готовили Судзиловский, Бугаков, Моренов, Колобов. Они готовили закуски, по два первых и вторых блюда. Сталин любил перепелок, голубей, а также грузинские блюда.

– *Интересно, а кто охранял других руководителей государства?*

– В различные годы других видных советских руководителей охраняли чекисты, чьи имена действительно широкому кругу людей неизвестны. В. М. Молотова, например, охранял генерал-майор Погудин, офицеры Александров, Карасев, Лагин. М. И. Калинина –

полковники Земской и Жилин, К. Е. Ворошилова – генерал-майоры Хмельницкий и Сахаров, полковники Богачев. Л. М. Кагановича – генерал-майор Суслов, офицеры Ильюшин, Астафьев, Артамонов, Л. П. Берию – полковники Саркисов и Надарая. Н. С. Хрущева – полковники Столяров и Литовченко. Н. А. Булганина – полковник Безрук, Г. М. Маленкова – полковники Захаров и Зиновьев, М. А. Сулова – полковник Назаров, А. Н. Косыгина – полковники Смирнов, Потапов, Карасев.

– *А как было с видными военачальниками? Их тоже охраняли?*

– Конечно. На всех фронтах и во всех горячих точках войны офицеры госбезопасности охраняли Маршалов Советского Союза С. М. Буденного, Г. К. Жукова, С. К. Тимошенко, А. М. Василевского, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского и других представителей Ставки и командующих фронтами. Их охрану осуществляли подразделения безопасности, которыми руководили офицеры Александров, Бедов, Марков, Белов, Шванев, Копылов. Многие из чекистов этой славной когорты героически погибли. Я бы назвал фамилии Зайцева, Реброва, Крутихина, Саенко. Немало получили ранения, выполняя почетную и трудную обязанность по охране высоких советских руководителей и военачальников. Так, во время бомбежки здания ЦК ВКП (б) жизнь секретаря ЦК партии А. С. Щербакова спас сотрудник охраны Сергеев, закрывший его своим телом. То же самое совершил майор Н. Х. Бедов, спасая жизнь маршала Г. К. Жукова во время Курской битвы.

(Беседа состоялась 2 ноября 1994 г.)

Несмотря на некоторые ложные сведения в беседе Докучаева, она дает представление о службе 9-го управления КГБ СССР, о том, кто охранял И. В. Сталина, других руководителей государства, военачальников.

Глава вторая. Сочи – это Мацеста, а Мацеста – это Сочи

Попытка покушения на Сталина в Мацесте. Кадры для террора

В 1938 году была попытка покушения на Сталина в Мацесте. В этом году начался крупномасштабный военный конфликт у озера Хасан. Отряд террористов был сформирован из белогвардейцев, осевших в Маньчжурии. А таких там было много. Они входили в разные организации, такие, как «Его высочества великого князя Никиты Александровича Союз мушкетеров», сотрудничавший с японцами, «Орден крестоносцев». Заметным антисоветским деятелем был Владимир Родзаевский, лидер русских фашистов в Маньчжурии. Он основал организацию – Русскую фашистскую партию, став в ней генеральным секретарем. РФП поддерживала контакты с японцами, оккупировавшими Маньчжурию, и попыталась вести нелегальную работу на советском Дальнем Востоке, куда засылались агенты-диверсанты с заданиями от японской разведки. Филиалы РФП возникли в других городах Маньчжурии, а также в Шанхае и Тяньцзине, даже в Нью-Йорке, в странах Европы и Латинской Америке, в Сирии, Египте, Марокко.

В Харбине Родзаевский и его соратники по РФП, при поддержке и под контролем руководителей японской военной миссии генерала Накамура и майора Акикуса, основали Фашистскую академию, ректором которой стал профессор Н. И. Никифоров, «Российское женское фашистское движение» и целую систему детских и молодежных организаций – «Фашистские крошки» (для детей от 5 до 10 лет), «Авангард» (для мальчиков от 10 до 16 лет), «Союз юных фашисток-авангардисток» и «Антикоммунистический союз молодежи». Имелось у них и вооруженное подразделение – Учебный отряд русских фашистов под командованием бывших царских офицеров, численностью 50 человек, имевший на вооружении винтовки и пулемет. Реальная численность членов РФП, по оценкам исследователей, достигала 4 тысяч человек, хотя сам Родзаевский говорил о 20 тысячах.

Организации русских фашистов были весьма сильны и многочисленны.

Белогвардейцев и лиц, враждебных советскому государству, по другую сторону нашей границы было достаточно. Было из кого рекрутировать лиц для совершения террористического акта.

Отряду террористов была поставлена задача – уничтожить Сталина разрывными пулями из автоматического оружия, которая исключала вероятность уцелеть. Где и как?

Сказочный Сочи

Сталин любил Сочи – создание его рук. Он любил лето на юге; правда, врачи рекомендовали бывать там в прохладное время, осенью. Сталину Сочи напомнил Гори, хотя там нет моря и богатой субтропической растительности.

На гербе Сочи изображены самые характерные его приметы: горный и морской пейзажи, пышная субтропическая растительность, волшебница Мацеста. И, расшифровывая язык геральдики, золотятся слова гордого девиза: «Здоровье – народу». В нем сама идея существования города, смысл каждодневного труда всех работников курорта. Невозможно перечислить их победы, одержанные высоким искусством исцелять, – летопись этих подвигов бесконечна.

Научный подход к делу, неустанные поиски нового, никогда не угасающее чувство ответственности за судьбу и настроение каждого больного и отдыхающего – вот типичные штрихи производственного портрета сочинских медиков.

Пожалуй, не найти такого человека, который бы, приехав в Сочи, не был охвачен очарованием этого дивного уголка Кавказа. Здесь море и горы, ущелья со стремительными речками и альпийские луга, субтропики и вечные снега, полные неожиданностей даже для бывалого туриста. Здесь все носит печать светлой, пронизанной теплом торжественности. Проникая сюда, ветры, кажется, замирают от сказочной красоты, и солнце хмелеет от аромата цветов. Особенно притягательна волшебная сила курорта летом, когда солнце лишь на считанные часы уступает неоновому освещению. Быть может, восхищение, которое вызывает природа, и помогло проектировщикам и строителям блестяще выявить свои творческие возможности и, добившись максимальной гармонии архитектурных форм санаториев, гостиниц, театров, домов отдыха, ресторанов с живописной местностью, сделать этот курорт столь впечатляющим.

Не сразу Сочи стал курортом. Для его развития приложил руки и Сталин.

Каким был Сочи до Великой Октябрьской социалистической революции?

На карте 1914 года «Земельные владения в Сочинском округе» показано 150 владений князей Юсупова, Оболенского, Долгорукова, Муравьева, графини Голенищевой-Кутузовой, министров Ермолова, Витте, генерала Куропаткина, полковника Квитко, действительного статского советника Малевинского и других.

Дагомыс был вотчиной самодержавца всея Руси. Уч-Дере было отдано царскому министру Аракчееву. Пятьсот десятин земли в Головинке было «высочайше пожаловано в вечное и потомственное пользование флигель-адъютанту свиты его величества контр-адмиралу В. Шмидту».

Вот кому принадлежал в ту пору курорт. Вот кто тогда им и пользовался.

Забота о здоровье народа не входила в планы царского правительства. Курортная местность, которая по своим климатическим и бальнеологическим факторам соперничала с модными курортами буржуазной Европы, влачила жалкое существование. Рядом с роскошными особняками в Сочи соседствовали пустыри, свалки.

Попытки энтузиастов того времени привлечь внимание владельцев курортов к вопросам постановки лечебного дела обычно наталкивались на косность. Вся медицинская работа находилась тогда в руках частнопрактикующих врачей.

«Никакого курорта здесь нет и не может быть, – утверждал в газете «Черноморское побережье» за 10 ноября 1910 года некий случайный турист. – Бывает временами

пленительное море, воздух чище, чем в Москве и Петербурге, светлее небо. Но дики люди, жалки нравы и бедность».

В ненастье заштатный уездный городок утонул в грязи, ночью погружался в темноту, зимой вымирал. Лишь летом оживлялись его немощные улицы. В частных пансионатах, гостиницах и дачах появлялись владельцы фабрик и заводов, царские генералы, купцы. Гремела медь оркестра в «Кавказской Ривьере», кутили в единственном модном ресторане прожигатели жизни. Но наступала осень, и вновь становилось пустынным благодатное взморье.

Мацестинские источники находились в первобытном состоянии. Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов отдал их Сочинскому благотворительному обществу и на первоначальное обустройство пожертвовал ему... 600 рублей.

Позже предприниматели соорудили на Мацесте три барака с ваннами и бассейн. В помещениях купались в основном люди имущие, а в бассейне – те, кто не мог оплатить стоимость процедур. Мужчины купались в одну часть дня, женщины и дети – в другую...

Старожилы помнят, как служители чуть ли не до кипения подогревали минеральную воду в котле, затем разбавляли ее холодной и локтем проверяли температуру. Какой концентрации была вода, никто не знал. Когда человеку от газов становилось плохо, его вытаскивали на «божий воздух». Это была «первая помощь»...

В те годы отсюда, с грязной и пыльной стоянки, к целебным источникам Мацесты выезжали, громыхая по булыжной мостовой, извозчики. Долог был путь их пассажиров на ванны – узкая дорога, насчитывавшая 126 головокружительных поворотов, змеей петляла среди зарослей побережья.

Главную радость гостям Сочи доставляет море.

Оно полно своеобразной романтики, столь часто очаровывавшей поэтов. Они воспевают и медную игру легких волн, и неукротимую силу бушующего прибоя, с ревом бросающегося на берег. В их стихах звучит и смятение кипящей пены, и спокойная ясность зеркальной глади, и хрупкость накатывающейся волны, и полное грез свечение глубин.

Ласковое, зовущее в свои объятия Черное море...

Без него невозможно представить себе сочинский курорт.

Даже самые равнодушные к природе люди, оказавшись в гостях у моря, преображаются, становясь завсегдатаями золотистых пляжей, убежденными «солнцепоклонниками».

Сталин иногда появлялся на безлюдном пляже, ненадолго окунался в волны моря. Однако основательно пользовался ваннами Мацесты.

О склонах горы у виадука в открывшийся простор моря смотрит будто выросшая из камня девушка-горянка с красивым и гордым лицом. Широким движением рук она как бы обнимает гору и дает силу источнику, бьющему из скалы. Не надо читать надпись у основания, чтобы понять, что этот образ – олицетворение Мацесты. Скульптура появилась тут недавно, но, кажется, этот образ всегда жил где-то подспудно, так же как и источник. И вот гора разверзлась, и вместе с источником родился облик девушки, сильной, как стихия.

Бальнеофизиотерапевтическое объединение «Мацеста» – крупнейшее в стране.

Мацестинское лечение сочетается с климатическим и физиотерапевтическим, с лечебной физкультурой, диетическим питанием, медикаментами. Новые, более эффективные методики резко сократили случаи обострений, считавшиеся ранее неизбежными, расширили диапазон применения ванн, позволили врачам добиваться положительных результатов при лечении больных.

Сталин любил бывать в Мацесте. И принимал там лечебные ванны. Там японцы и намеревались совершить на него покушение. Для этого они привлекли перебежавшего к ним комиссара госбезопасности Люшкова. Кто он?

Предатель Генрих Люшков

Люшков Генрих Самойлович (1900–19.8.1945). Комиссар госбезопасности 3 ранга (1935). Член партии с июля 1917 г. Родился в Одессе в семье портного. Окончил начальное училище, вечерние общеобразовательные курсы, Гуманитарно-общественный институт в Одессе (1920). Работал в одесском подполье в 1918–1919 гг. Участник Гражданской войны – рядовой, курсант, политработник 14-й армии. В ВЧК с 1920 г. Работал в Тираспольской ЧК, Одесской губ. ЧК, погранохране ГПУ Украины. С 1925 г. в центральном аппарате ГПУ УССР – начальник ИНФО, начальник секретного/секретно-политического отдела. С 1931 г. в ОГПУ – помощник начальника, заместитель начальника СПО ОГПУ – ГУГБ НКВД. Начальник УНКВД Азово-Черноморского края (1936–1937), Дальневосточного края (1937–1938). Активный участник репрессий 1937–1938 гг.

Генрих Самойлович Люшков

Награжден орденом Ленина (1937), двумя знаками «Почетный работник ВЧК – ГПУ»,
Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

13 июня 1938 г., опасаясь ареста, перешел к японцам (через границу, куда прибыл для

встречи с агентом). После побега работал в Токио и Дайрене в разведорганах японского Генштаба (в «Бюро по изучению Восточной Азии», советником 2-го отдела штаба Квантунской армии). Выдал японцам крупнейших агентов органов НКВД на Дальнем Востоке (в частности, бывшего генерала В. Семенова – факт, недавно установленный историком С. Балмасовым), что опровергает версии о побеге Люшкова как о спецоперации советской разведки с целью дезинформации.

Убит в Дайрене начальником военной миссии Такеока (незадолго до занятия города советскими войсками).

Для приготовления к небывалой по своей дерзости операции – убийству Сталина – японцы привлекли Г. Люшкова.

Почему покушение не удалось

О попытке покушения на Сталина в Мацесте рассказывается в ряде литературных источников. Наиболее правдиво говорит об этом Д. П. Прохоров².

Целесообразность данной операции в японском Генштабе никогда не ставилась под сомнение.

В это время японские военные круги активно готовились к агрессии против СССР. Но проведение операции по ликвидации Сталина было возможно только при наличии реального плана и готовых пожертвовать собой исполнителей. Бегство Люшкова, испытывавшего к Сталину чувство личной вражды за крах карьеры, вынужденное изгнание и смерть близких (в расстреле своей семьи Люшков не сомневался) делало операцию вполне реальной. Поэтому на совещании во 2-м управлении под председательством начальника Генштаба такая операция, получившая название «Медведь», была утверждена.

В помощь Люшкову, получившему документы на имя Алексея Барского, служащего Харбинской торговой палаты, была подобрана группа из шести человек, членов «Союза русских патриотов» в Маньчжурии. Подбирали их полковник Утагава и некий Хосэбэ, в дальнейшем сопровождавший группу в Стамбул. Были отобраны Борис Безыменский, переводчик в правительстве Маньчжоу-Го, работающий на разведотдел Квантунской армии, Николай Лебеденко, председатель харбинского «Союза русских патриотов», Леонид Малхак, заместитель председателя «Союза», Смирнов, Сурков и Зеленин.

По плану, предложенному Люшковым и утвержденному начальником 5-го отдела 2-го управления полковником Кавамото, совершить убийство предполагалось в Сочи. Дело в том, что Сталину нравилось подолгу принимать мацестинские ванны. А поскольку он не оставался при посторонних обнаженным, то в ванной комнате он всегда находился в одиночестве. Люшков же, будучи в свое время начальником Азово-Черноморского управления НКВД, сумел, как ему казалось, найти в охране Сталина слабое место.

По наброскам Люшкова в лагере в Чанчуне соорудили макет ванного корпуса в натуральную величину, на котором группа отработывала свои действия до автоматизма. Во время тренировок в девяти случаях из десяти «охранники» опаздывали с отпором. В результате офицеры из 5-го отдела Генштаба и из разведуправления Квантунской армии, проверявшие готовность группы, пришли к заключению, что операция «Медведь» должна завершиться успешно.

В начале января 1939 г. группа Люшкова в сопровождении Хосэбэ прибыла в Дайрен, чтобы оттуда отплыть на пароходе в Европу. В Дайрене для группы и сопровождающего ее Хосэбэ сняли номер в гостинице «Ямато». Сам Люшков поселился на вилле президента фирмы «Дайрен консу» Харуеси Санады, работавшего на разведотдел Квантунской армии. Во время ожидания пароходного рейса в Неаполь случилось непредвиденное событие. В отеле был задержан китаец, у которого была обнаружена записка: «Следите за нами. Лео».

---

² Прохоров Д. П. Сколько стоит продать Родину. Спб.: Нева, 2005.

Попытка установить личность Лео не увенчалась успехом, так как китаец при попытке задержать его связника бежал. Однако, несмотря на случившееся, группа, соблюдая все меры предосторожности, отплыла в Неаполь на пароходе «Азия-мару».

17 января 1939 г. в Неаполе группу встретил майор Хироити Такэнака, помощник военного атташе японского посольства в Берлине. Он оформил въездные визы в Турцию и проводил группу на пароход «Таллес», следующий маршрутом Неаполь – Стамбул. 19 января в 2 часа 30 минут японский военный атташе в Стамбуле Митио Арикура встретил пароход на катере в море. Люшков с группой и Хасэбэ пересели в катер, который пристал к берегу в малолюдном уголке порта. Оттуда на трех машинах группа отправилась во второразрядную гостиницу.

По разработанному плану группа должна была перейти советско-турецкую границу у селения Борчка, где на восточном берегу речки Моруха в глубь советской территории уходила расселина, мало кому известная и не охраняемая. Опробовав снаряжение и купленное Арикурой через германское представительство фирмы Круппа оружие, группа выступила по направлению к советско-турецкой границе и прибыла в Борчку 24 января. Авангард из трех человек вышел из Борчки в 19 часов вечера, а через час вслед за ним отправились остальные четверо. Перед границей группе предстояло соединиться. Арикура и Хасэбэ должны были вернуться в Стамбул на следующее утро.

Группа без осложнений добралась до границы и гуськом двинулась по восточному скалистому берегу Морухи. Но когда она вошла в расселину, то из ее глубины и с западного берега по группе вдруг ударили из пулеметов и винтовок. Шедшие впереди Лебеденко, Малхак и Сурков сразу упали. Остальным удалось бежать. Стало ясно, что советские пограничники были предупреждены о переходе границы и что операция «Медведь» провалилась. Поэтому Арикура, Хасэбэ и остатки группы срочно покинули Борчку. В порту Хопа перед посадкой на пароход в Стамбул Арикура отправил в Берлин военному атташе генерал-майору Окабэ телеграмму: «Сакура опала». (Если бы операция закончилась успешно, он должен был послать другую телеграмму: «Хризантема расцвела».) 28 января остатки группы прибыли в Стамбул. Ожидая протеста советского правительства правительству Турции по поводу провокации на границе, группа выехала в Германию, где ее след затерялся. Хасэбэ осенью 1939 г. видели в Харбине, после чего он исчез, а Арикура в марте 1939 г. получил назначение в Мадрид. По поводу случившегося на границе английская газета «Ньюс кроникл» от 29 января 1939 г. писала:

«Как сообщило агентство ТАСС, 25 января погранвойска Грузинской ССР уничтожили трех человек, пытавшихся перейти границу со стороны Турции. Эти трое – троцкисты, пользующиеся поддержкой фашистов. У убитых найдены пистолеты, ручные гранаты и подробные карты местности. Целью преступной группы было убийство Иосифа Виссарионовича Сталина, находившегося в Сочи. Однако пограничники заблаговременно узнали о преступном плане и истребили злоумышленников. Нарком иностранных дел Литвинов выразил решительный протест в связи с тем, что Турция сделалась базой антисоветских провокаций».

Разведуправлением японского Генштаба было проведено служебное расследование с целью выяснить причины провала операции «Медведь». Однако оно не дало каких-либо конкретных результатов, кроме предположения, основанного на косвенных признаках, что таинственным Лео был Б. Безыменский. Что же касается Люшкова, то он вернулся в Маньчжурию и был направлен в «Бюро по изучению Восточной Азии», действовавшее под патронажем японской военной разведки. Там Люшков, работавший под псевдонимом «Маратов», с помощью материалов, полученных в ходе обработки советской прессы и радиопередач, готовил сводки об экономическом положении и внешней политике СССР. Выступал Люшков и как советник разведотдела Квантунской армии. Так, с целью разработки подрывных акций против СССР он в сентябре – октябре 1944 г. находился в Харбине, проживая в гостинице «Нью-Харбин» как японский служащий Като Тадаси.

В конце июля 1945 г. Люшкова перевели в распоряжение Дайренской японской

военной миссии и поселили в гостинице «Ямато» как Ямогучи Тосикадзу, служащего Харбинской ЯВМ. Когда советские войска вступили на территорию Маньчжурии, перед японским командованием встал вопрос: что делать с Люшковым? 15 августа 1945 г. его судьбу обсуждали начальник штаба обороны Квантунского полуострова генерал Янагита и начальник Дайренской ЯВМ Такеока.

Допрошенный 25 ноября 1945 года сотрудниками СМЕРШ Забайкальского фронта Такэока в своих показаниях сообщил, что убил Люшкова, выстрелил ему в левую сторону груди. Существует и другая версия гибели Люшкова. По словам бывшего сотрудника советского консульства в Харбине, труп Люшкова был найден в заливе близ Дайрена. Следствие установило, что Люшков был задушен и брошен с моторной лодки сотрудниками Японской военной миссии в Дайрене. Как бы то ни было, а предатель получил свое от своих хозяев.

Попытка покушения японцев на Сталина была заранее обречена на неудачу. Бывший офицер охраны Сталина Алексей Рыбин вспоминал: «Была ли у террористов в Мацесте возможность расстрелять Сталина разрывными пулями? Никакой. Внутренняя охрана насчитывала около двухсот сотрудников. Внешнее кольцо в лесной местности составлял отряд пограничников... Хвостовая группа сопровождения была еще до войны вооружена автоматами...

На самой Малой Мацесте действовало более пятидесяти других сотрудников. Мы там появлялись за три часа до приезда Сталина и подвергали проверке все, вплоть до подземных коммуникаций. Почти безлюдная территория Мацесты и прилегающий к ней лес прочесывались. Все подозрительные лица проверялись и при необходимости задерживались. Как при такой плотной охране могла устроить покушение даже наша проницательная оппозиция? А уж про японцев не стоит и говорить...»

Как тщательно ни готовили японцы операцию, но она провалилась. Москву заранее предупредил о готовящемся покушении агент Борис Бжеманский по кличке Лео, служивший в Министерстве иностранных дел Маньчжоу-Го. Он же сорвал и другой план, разработанный по наводке Люшкова. Накануне 1 мая 1939 года японские агенты должны были пронести мощную мину в Мавзолей. Ее часовой механизм был установлен на 10 часов утра, когда на трибуне Мавзолея должно было находиться все советское руководство. Но террористы были перехвачены и обезврежены еще на границе.

Подробности операции покушения на Сталина приведены в книге японца Хияма Есиаки «Японские планы покушения на Сталина», вышедшей в Токио.

В этом бесспорная заслуга советской контрразведки, свидетельство ее агентурных возможностей. Выше уже упоминался советский агент Лео – Безымянский – Бжеманский. Он был не один. Назовем еще Матковского. Ближайший соратник Родзаевского, вождя РФП, – Михаил Алексеевич Матковский – участник Белого движения и Гражданской войны на Дальнем Востоке, сын колчаковского генерала, расстрелянного в ноябре 1919 года во взятую Красной армией Омске. Он эмигрировал в Харбин, где учился на юридическом факультете Русского университета. Там же он стал одним из основателей Русской фашистской партии в Маньчжурии, начальником ее Дальневосточного сектора, а после ее объединения с Всероссийской фашистской организацией – членом ее ЦИК и начальником Дальневосточного сектора. В конце 1930-х он сильно расходился во взглядах с Родзаевским, выступая против пронацистской ориентации последнего. В Харбине Матковский работал в Главном бюро по делам российских эмигрантов Маньчжурской империи начальником ее разведывательного и контрразведывательного отдела, в 1944–1945 гг. был первым помощником начальника бюро генерала Л. Ф. Власьевского, сотрудничал с японской военной миссией в Харбине. Матковский был арестован органами СМЕРШ в Маньчжурии в августе 1945 года и освобожден после 10 лет заключения.

Однако, по свидетельству сотрудника советского консульства в Харбине Георгия Георгиевича Пермякова, Матковский с 1935 года был агентом советской разведки (агентурный псевдоним «Заря»), и его арест, уголовное дело и приговор были

маскировочными – по причине опасений за его безопасность, которой могли угрожать антисоветски настроенные эмигранты. Эту версию подтверждает появление Матковского в Харбине без конвоя в 1946 году – проездом в Токио, где он выступал в качестве свидетеля обвинения на одном из процессов.

Рассказ о Люшкове и его участии в подготовке террористических операций – это одна из страниц истории посягательства на жизнь И. В. Сталина.

Глава третья. Что такое СМЕРШ?

Интерес к истории российских спецслужб неуклонно растет. Свидетельство тому – постоянно увеличивающееся количество публикаций в прессе, издаваемых книг, выходящих передач на телевидении, кинофильмов. Она действительно насыщена драматическими событиями – от момента ее создания и первых успехов до примеров разоблачения агентуры иностранных разведок в наши дни.

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для органов государственной безопасности. И это испытание чекисты выдержали с честью. Вместе с армией они внесли достойный вклад в победу над гитлеровской Германией, заслужив тем самым особое уважение народа.

В апреле 1943 года Совнарком СССР вывел Управление особых отделов и подчиненные им органы из системы НКВД и реорганизовал их в Главное управление контрразведки СМЕРШ, передав в ведение Наркомата обороны СССР. Начальником ГУКР СМЕРШ был назначен Виктор Семенович Абакумов, подчинявшийся напрямую Сталину. За три года своего существования СМЕРШ дал весьма высокие показатели в борьбе с подрывной деятельностью гитлеровских спецслужб. Провалы агентов абвера и СД участились после создания СМЕРШ.

Структура

В апреле 1943 года, после победы под Сталинградом, Сталин, возможно, опасаясь слишком большого сосредоточения власти в руках Берии, повторил реорганизацию спецслужб, уже проведенную им в феврале 1941 года.

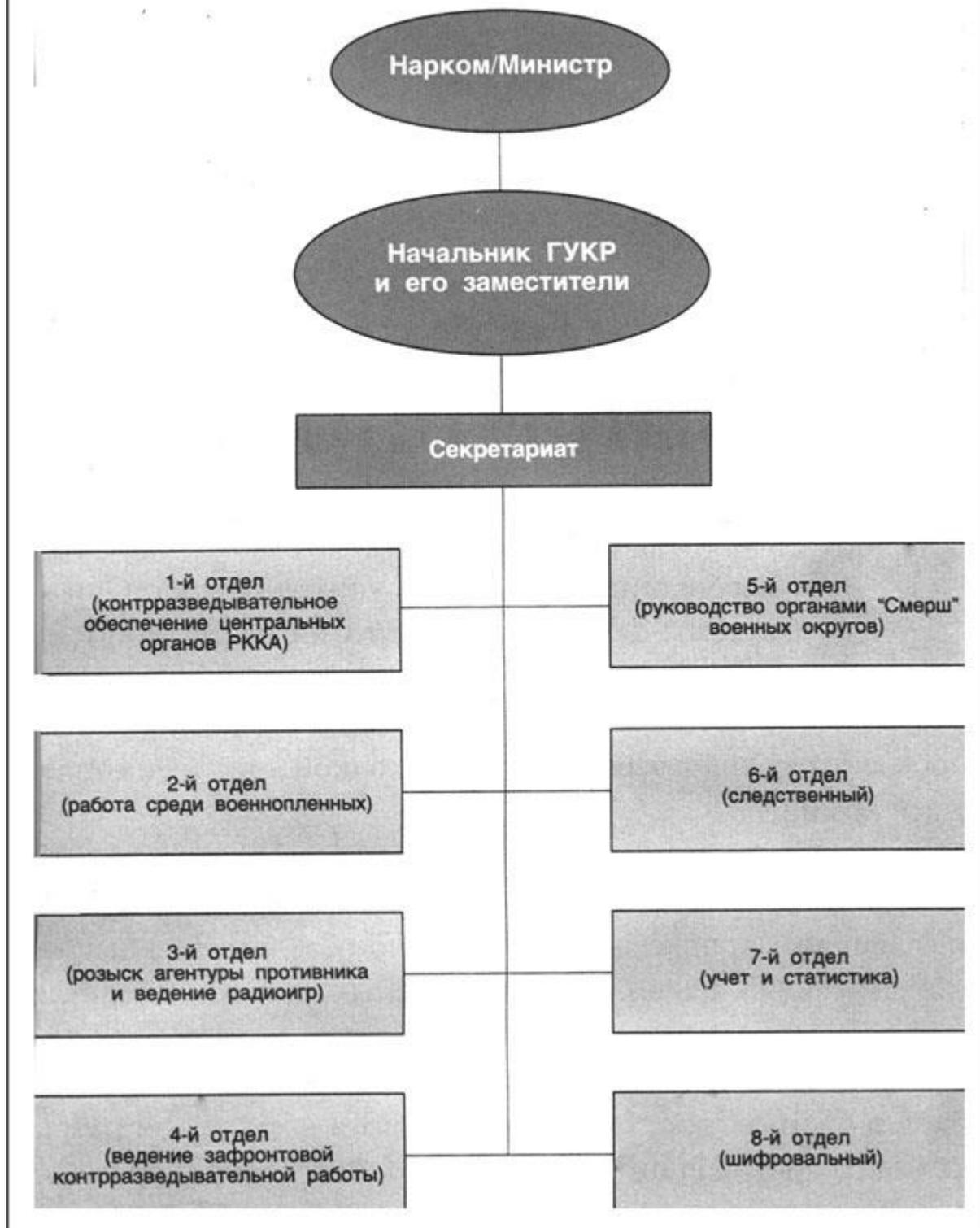
Военная контрразведка секретным постановлением Совнаркома от 19 апреля 1943 года передавалась в наркоматы обороны и Военно-морского флота, при которых учреждались управления контрразведки СМЕРШ (сокращение от «смерть шпионам»).

Начальником Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО назначался комиссар ГБ 2 ранга В. С. Абакумов, начальником Управления контрразведки СМЕРШ НК ВМФ – комиссар ГБ П. А. Гладков. В НКВД 15 мая 1943 года также был организован Отдел контрразведки СМЕРШ.

Постановление СНК определяло следующие задачи СМЕРШа, относящиеся к Красной армии: борьба со шпионажем, диверсиями, террором и другими видами подрывной деятельности иностранных разведок, с антисоветскими элементами, дезертирством и членовредительством, проверка бывших в плену и окружении.

Постановлением ГКО 21 апреля 1943 года было утверждено Положение о ГУКР СМЕРШ НКО СССР, согласно которому начальник ГУКР становился по должности заместителем наркома обороны, т. е. Сталина. В. С. Абакумов был освобожден в числе прочих от этой должности 25 мая 1943 года, но, оставаясь начальником ГУКР СМЕРШ, подчинялся непосредственно Сталину. 31 мая 1943 года постановлением ГКО было утверждено аналогичное «Положение о УКР СМЕРШ НКВМФ».

**СТРУКТУРА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНТРАЗВЕДКИ "СМЕРШ"
НКО — МВС СССР
(14 апреля 1943 г. — 15 марта 1946 г.)**

Структура Главного управления контрразведки «СМЕРШ» НКВД – МВС СССР (14 апреля 1943 г. – 15 марта 1946 г.)

Заместителями Абакумова в ГУКР СМЕРШ тем же постановлением СНК были назначены комиссары госбезопасности 3 ранга (с мая того же года – генерал-лейтенанты) Николай Николаевич Селивановский (по разведывательной работе) и Исая Яковлевич Бабиц,

возглавлявшие ранее особые отделы соответственно Южного и Северо-Западного фронтов, и бывший начальник ЭКУ НКВД СССР комиссар госбезопасности 3 ранга Павел Яковлевич Мешик, 26 мая заместителем начальника Главка был назначен полковник Иван Иванович Врадий. Помощниками начальника ГУКР были комиссар ГБ (с мая того же года – генерал-майор) Иван Иванович Москаленко, генерал-майоры Константин Павлович Прохоренко (умер в октябре 1944 г.) и Александр Петрович Мисюрев.

I. Состав СМЕРШ

В состав ГУКР СМЕРШ с апреля 1943 года входили следующие отделы, начальники которых были утверждены 29 апреля приказом наркома обороны Сталина:

- 1-й отдел – агентурно-оперативная работа в центральном аппарате Наркомата обороны (начальник – полковник госбезопасности, затем генерал-майор Иван Иванович Горгонов);
- 2-й отдел – работа среди военнопленных, проверка военнослужащих Красной Армии, бывших в плену (начальник – подполковник госбезопасности Сергей Николаевич Карташев);
- 3-й отдел – борьба с немецкой агентурой, забрасываемой в тыл Красной Армии (начальник – полковник госбезопасности Георгий Валентинович Утехин);
- 4-й отдел – работа на стороне противника для выявления агентов, забрасываемых в части Красной армии (начальник – полковник госбезопасности Петр Петрович Тимофеев);
- 5-й отдел – руководство работой органов СМЕРШ в военных округах (начальник – полковник госбезопасности Дмитрий Семенович Зеничев);
- 6-й отдел – следственный (начальник – подполковник госбезопасности Александр Георгиевич Леонов);
- 7-й отдел – оперативный учет и статистика, проверка военной номенклатуры ЦК ВКП (б), НКО, НКВМФ, шифрработников, допуск к совершенно секретной и секретной работе, проверка работников, командируемых за границу (руководитель, полковник А. Е. Сидоров, видимо, был назначен позднее, т. к. в приказе от 29 апреля 1943 года данные отсутствуют);
- 8-й отдел – опертехники (начальник – подполковник госбезопасности Михаил Петрович Шариков);
- 9-й отдел – обыски, аресты, наружное наблюдение (начальник – подполковник госбезопасности Александр Евстафьевич Кочетков);
- 10-й отдел (отдел «С») – работа по особым заданиям (начальник – майор госбезопасности Александр Михайлович Збраилов);
- 11-й отдел – шифровальный (начальник – полковник госбезопасности Иван Александрович Чертов).

Также имелись политотдел, состоявший из начальника – полковника Никифора Матвеевича Сиденькова и машинистки, аппарат 16 помощников (по числу фронтов) начальника ГУКР (69 человек, по должности – начальников отделений, старших оперуполномоченных и их помощников), административно-финансово-хозяйственный отдел (начальник – подполковник госбезопасности Сергей Андреевич Половнев), отдел кадров (начальник – полковник госбезопасности Иван Иванович Врадий) и секретариат (полковник Иван Александрович Чернов)³. Численность центрального аппарата ГУКР СМЕРШ НКО составляла 646 чел.

Заместителями начальника УКР СМЕРШ НК ВМФ были генерал-майоры береговой службы Алексей Павлович Лебедев и Сергей Григорьевич Духович.

Органам СМЕРШ в действующей армии была определена штатная численность сотрудников. Управлению фронта, насчитывавшего более 5 армий, полагалось 130 сотрудников, не более 4 армий – 112, армейским ОКР – 57, окружным – от 102 до 193, причем наиболее многочисленным был ОКР СМЕРШ Московского военного округа. Также

---

³ Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 3. Кн.1. М., 2003. С. 72.

были приданы войсковые соединения, охранявшие места дислокации органов военной контрразведки и фильтрационных пунктов, конвоировавшие арестованных военнослужащих Красной Армии. Так, ОКР СМЕРШ бригады, дивизии и корпуса располагал для этих целей взводом, армейский отдел – ротой, управление фронта – батальоном⁴.

Практически сразу после перехода военной контрразведки в ведение Наркомата обороны особистам были присвоены общевойсковые воинские звания вместо имевшихся ранее спецзваний госбезопасности. Приказом наркома обороны Маршала Советского Союза И. В. Сталина от 29 апреля 1943 года офицеры, имевшие звания от младшего лейтенанта до полковника ГБ, получили аналогичные воинские звания.

Через месяц, 26 мая 1943 года, указом Президиума Верховного Совета СССР, опубликованным в центральной печати, звание «генерал-лейтенант» было присвоено заместителям начальника ГУКР СМЕРШ И. Я. Бабичу, П. Я. Мешку и Н. Н. Селивановскому, а также начальнику УКР СМЕРШ Западного фронта Павлу Васильевичу Зеленину. Звание «генерал-майор» получили 36 человек, в том числе помощник начальника ГУКР Александр Александрович Авсеевич, начальник УКР СМЕРШ Северо-Кавказского фронта Михаил Ильич Белкин, заместитель начальника УКР СМЕРШ 1 Украинского фронта Александр Михайлович Белянов, помощник Абакумова Григорий Самойлович Болотин, начальник УКР СМЕРШ Ленинградского фронта Александр Семенович Быстров, начальник УКР СМЕРШ Центрального фронта Александр Анатольевич Вадис, заместители Абакумова Иван Иванович Врядий и Иван Иванович Москаленко, начальник 1 отдела ГУКР СМЕРШ Иван Иванович Горгонов, начальник ОКР СМЕРШ армии Ленинградского фронта Федор Иванович Гусев, начальник ОКР СМЕРШ 3-й Ударной армии Калининского фронта Александр Михайлович Давыдов, начальник УКР СМЕРШ Северо-Западного фронта Яков Афанасьевич Едунов, начальник УКР СМЕРШ Брянского фронта Николай Иванович Железников, начальник УКР СМЕРШ Юго-Западного фронта Петр Иванович Ивашутин, начальник УКР СМЕРШ Южного фронта Николай Кузьмич Ковальчук, Сергей Федорович Кожевников, Иван Петрович Коновалов, начальник УКР СМЕРШ Степного округа (с июля того же года – Степного фронта) Николай Андрианович Королев, начальник ОКР СМЕРШ Уральского военного округа Георгий Семенович Марсельский, начальник УКР СМЕРШ Волховского фронта Дмитрий Иванович Мельников, помощники начальника ГУКР Александр Петрович Мисюрев и Константин Павлович Прохоренко, начальник УКР СМЕРШ Воронежского фронта Николай Алексеевич Осетров, начальник ОКР САВО Илья Семенович Павлов, помощник Абакумова Вячеслав Павлович Рогов, Михаил Енукович Ростомашвили, помощник Абакумова Иван Тимофеевич Русак, начальник УКР СМЕРШ Закавказского фронта Николай Максимович Рухадзе, начальник УКР СМЕРШ Забайкальского фронта Иван Тимофеевич Салоимский, начальник УКР СМЕРШ Карельского фронта Алексей Матвеевич Сиднев, начальник 4 отдела ГУКР Петр Петрович Тимофеев, начальник УКР МВО Федор Яковлевич Тутушкин, начальник УКР СМЕРШ Калининского фронта Николай Георгиевич Ханников, начальник УКР СМЕРШ Дальневосточного фронта Александр Николаевич Чесноков. 64 чекиста были произведены в полковники.

Все начальники фронтовых управлений СМЕРШа оставались на своих постах до конца войны или до ликвидации фронтов⁵.

Вскоре после организации СМЕРШа в июле 1943 года была утверждена директивой ГУКР СМЕРШ «Инструкция по организации и проведению радиоигры с противником», а в сентябре 1943 года «Инструкция по организации розыска агентуры разведки противника».

Летом 1943 года была организована 1-я Московская школа ГУКР СМЕРШ (начальник –

---

⁴ Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 3. Кн.1. С. 74–75.

⁵ *Безверхний А. Г.* Легендарному СМЕРШу – 60 лет.//Новости разведки и контрразведки. 2003. № 7–8.

подполковник Максим Константинович Кочегаров).

II. Задачи органов СМЕРШ

1. На органы СМЕРШ возлагаются следующие задачи:

а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних);

д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;

е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;

ж) выполнение специальных заданий народного комиссара обороны.

2. Органы СМЕРШ освобождаются от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с задачами, перечисленными в настоящем разделе.

III. Права и обязанности органов СМЕРШ

1. Для осуществления указанных в разделе II задач Управления контрразведки Народного комиссариата обороны СМЕРШ и его органы на местах имеют право:

а) вести агентурно-осведомительную работу;

б) производить в установленном законом порядке выемки, обыски и аресты военнослужащих Красной армии, а также связанных с ними лиц из гражданского населения, подозреваемых в преступной деятельности⁶;

в) проводить следствие по делам арестованных с последующей передачей дел по согласованию с органами прокуратуры на рассмотрение соответствующих судебных органов Особого совещания при Народном комиссариате внутренних дел СССР;

г) применять различные специальные мероприятия, направленные к выявлению преступной деятельности агентуры иностранных разведок и антисоветских элементов;

д) вызывать без предварительного согласования с командованием в случаях оперативной необходимости и для допросов рядовой и командно-начальствующий состав Красной армии.

IV. Порядок производства органами СМЕРШ арестов военнослужащих Красной армии

1. Органы СМЕРШ производят аресты военнослужащих Красной армии в следующем порядке:

а) аресты рядового и младшего начсостава – по согласованию с прокурором;

б) среднего начсостава – по согласованию с командиром и прокурором соединения, части;

в) старшего начсостава – по согласованию с Военными советами и прокурором;

г) высшего начсостава – с санкции народного комиссара обороны.

V. Личный состав органов СМЕРШ

1. Органы СМЕРШ комплектуются за счет оперативного состава бывшего управления

---

⁶ Порядок производства арестов военнослужащих определен в разделе IV настоящего Положения.

Особых отделов Народного комиссариата внутренних дел СССР и специального отбора военнослужащих из числа командно-начальствующего и политического состава Красной армии.

2. Подготовка кадров для органов СМЕРШ обеспечивается путем создания специальных школ и курсов при Главном управлении контрразведки Народного комиссариата обороны (СМЕРШ).

3. Работникам органов СМЕРШ присваиваются воинские звания, установленные в Красной армии.

4. Работники органов СМЕРШ носят форму, погоны и другие знаки различия, установленные для соответствующих родов войск Красной армии.

5. Органы СМЕРШ в своей работе поддерживают, по мере необходимости, тесный контакт с соответствующими органами Народного комиссариата государственной безопасности СССР, Народного комиссариата внутренних дел СССР и Разведывательного управления Генштаба Красной армии, обмениваются информацией и ориентировками.

Под пристальный прицел СМЕРШ попадали «диссиденты» или те, кто по неосторожности «высказал» что-то лишнее в письме или в разговоре, кто в «сердцах» чертыхнулся по отношению к власти, кто, прочитав в газете очередную реляцию об успехах советского оружия, взглянул на этот «успех» из своего залитого дождем окопа. Надо сказать честно: оперативников СМЕРШа в действующей армии боялись в силу того, что над советским человеком всегда «парил» страх (он определял всю жизнь советского общества), и потому, что в условиях войны разбираться «прав или виноват» никто бы не стал. В лучшем случае – длительное лишение свободы, в худшем – высшая мера наказания. Третьего не дано. Помилования были крайне редки. Политику СМЕРШа на практике определяли ее, военной контрразведки, руководители. Их нужно перечислить поименно, тем более что судьба многих из них сложилась незавидно.

Начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ

Операция СМЕРШа по предотвращению попытки гитлеровской спецслужбы «Цеппелин» покушения на Сталина можно считать блестящей. СМЕРШ возглавлял Виктор Семенович Абакумов. Остановимся на личности Абакумова В. С. и его судьбе. Погубили Абакумова политические интриги в Кремле, подковерная борьба его обитателей. Они обычные и вечные и существуют и в наши дни ⁷.

---

⁷ О В. С. Абакумове написано и сказано столь много, что добавить что-либо в его адрес – излишне (См., например: *Столяров К.* Голгофа. Документальная повесть. М., 1991; *Соколов Б. В.* Наркомы страха. М., 2001; *Степаков В. Н.* Наркомсмерша. СПб., 2003; *Абрамов .* Абакумов – начальник СМЕРШа. Взлет и гибель любимца Сталина. М., 2005; *Степаков В. Н., Киселев А. В., Шаранов Э. П.* Чекисты Сталина. СПб. – М., 2006; *Кеворков В. Е.* Исповедь перед казнью: из воспоминаний следователя по особо важным делам. М., 2005. Прототип «Колыбанова» в книге В. Богомолова «Момент истины»).

В.С. Абакумов

Абакумов Виктор Семенович (19 апреля 1943 г. – 4 мая 1946 г.) – комиссар ГБ 2 ранга, с 9 июля 1945 г. – генерал-полковник, начальник Главного управления контрразведки (ГУКР) СМЕРШ, подчинялся непосредственно И. В. Сталину как нарком обороны.

Могущественный министр госбезопасности не заметил, как над его головой сгустились грозные тучи. К концу сороковых годов Абакумов был опытным и сильным профессионалом, но, как выяснилось, однако, никудышным царедворцем. Да, он занимал пост ОСОБЫЙ, но для высшей партийной элиты оставался чужим, причем – опасным чужим. Определенная самостоятельность и самоуверенность министра подвели Абакумова. Он предпринял, убежденный в своей правоте и отчасти – вседозволенности, некоторые шаги, какие искушенный в подковерных интригах партаппарата никогда бы не предпринял. В результате Абакумов обрел злейших врагов в мире, двух самых могущественных членов Политбюро – Георгия Маленкова и Лаврентия Берия. (В народе по-прежнему считали вторым человеком в партии и государстве, ближайшим соратником Вождя Молотова, но на самом деле Вячеслав Михайлович уже давно утратил расположение, следовательно, доверие Сталина.)

Меж тем Маленков и Берия только и ожидали, когда Абакумов сделает, наконец, явно неверный шаг. И дождались... Палочкой-выручалочкой для двух интриганов стало заявление старшего следователя Следственной части по особо важным делам МГБ подполковника Михаила Рюмина. В заявлении 2 июля 1951 года на имя Сталина он сообщил о полученном им от подследственного, профессора 2 Московского мединститута Якова Этингера, признании в неправильном лечении секретаря ЦК партии А. С. Щербакова, которое привело его к смерти (10 мая 1945 года).

По словам Рюмина, Абакумов не отнесся серьезно к показаниям врача, приказал «положить дело на полку», а вскоре Этингер умер в Лефортовской тюрьме. Рюмин назвал в своем письме Абакумова «опасным человеком для государства». Этому смелому письму Рюмина предшествовала его встреча с Дмитрием Сухановым, помощником секретаря ЦК Георгия Маленкова, который был заинтересован в устранении Абакумова так же, как и Берия и другие члены Политбюро. Методика была отработана еще в 1938 году. С аналогичным заявлением о Ежове тогда выступил начальник Ивановского управления НКВД Виктор Журавлев, и тоже с подачи Маленкова.

Лаврентий Павлович Берия не испытывал симпатий к Абакумову начиная с 1943 года, когда военная контрразведка была выведена из органов госбезопасности и Виктор Семенович возглавил новую спецслужбу – Главное управление контрразведки Наркомата обороны «Смерть шпионам». Тогда же он стал заместителем Сталина по Наркомату обороны. И хотя он занимал эту должность всего месяц (несколько должностей замнаркомов, которыми были по совместительству начальники главных управлений, были сокращены), значение Абакумова в системе власти резко возросло. Бывший заместитель Берии если и не сравнился со своим прежним начальником (Берия во время войны был кандидатом в члены Политбюро, заместителем Сталина по Совнаркому и Государственному комитету обороны, наркомом внутренних дел), то, во всяком случае, стал независимым от него, так же как и от наркома госбезопасности Всеволода Николаевича Меркулова.

И Берия, и Меркулов, помнившие Абакумова еще лейтенантом госбезопасности в 1938 году, вряд ли были рады такому взлету своего бывшего подчиненного. Тем более что Абакумов сразу же стал демонстрировать свое пренебрежительное отношение к бывшему начальнику.

4 июля Рюмин был вызван к Сталину, в кабинете которого в присутствии Молотова, Маленкова, Берии, Булганина и доложил обо всем. В тот же день была создана комиссия Политбюро в составе Маленкова, Берии, заведующего отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК Семена Денисовича Игнатьева и зампреда КПК Матвея Федоровича Шкирятова. В тот же день Абакумов был смещен с поста министра

госбезопасности.

11 июля было принято Постановление ЦК ВКП (б) «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР».

2 июля 1951 года ЦК ВКП (б) получил заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Рюмина, в котором он сигнализировал о неблагоприятном положении в МГБ со следствием по ряду весьма важных дел крупных государственных преступников и обвиняет в этом министра государственной безопасности т. Абакумова...

Получив заявление т. Рюмина, ЦК ВКП (б) создал комиссию Политбюро в составе т. т. Маленкова, Берии, Шкирятова, Игнатьева и поручил ей проверить факты сообщенные т. Рюминым. В процессе проверки комиссия допросила начальника следственной части по особо важным делам МГБ т. Леонова, его заместителей т. т. Лихачева и Комарова, начальника Второго Главного управления МГБ т. Шубнякова, заместителя начальника отдела Второго Главного управления т. Тангиева, помощника начальника следственной части т. Путинцева, заместителей министра государственной безопасности т. т. Огольцова, Питовранова, а также заслушала объяснения т. Абакумова.

Ввиду того что в ходе проверки подтвердились факты, изложенные в заявлении т. Рюмина, ЦК ВКП (б) решил немедленно отстранить т. Абакумова от обязанностей министра госбезопасности и поручил первому заместителю министра т. Огольцову исполнять временно обязанности министра госбезопасности. Это было 4 июля с. г. На основании результатов проверки комиссия Политбюро ЦК ВКП (б) установила следующие неоспоримые факты.

В ноябре 1950 года был арестован еврейский националист, проявляющий резко враждебное отношение к советской власти, – врач Этингер. При допросе старшим следователем МГБ т. Рюминым арестованный Этингер, без какого-либо нажима, признал, что при лечении т. Щербакова А. С. имел террористические намерения в отношении его и практически принял все меры к тому, чтобы сократить ему жизнь.

ЦК ВКП (б) считает это показание Этингера заслуживающим серьезного внимания. Среди врачей, несомненно, существует законспирированная группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и правительства. Нельзя забывать преступления таких известных врачей, совершенные в недавнем прошлом, как преступления врача Плетнева и врача Левина, которые по заданию иностранной разведки отравили В. В. Куйбышева и Максима Горького. Эти злодеи признались в своих преступлениях на открытом судебном процессе, и Левин был расстрелян, а Плетнев осужден к 25 годам тюремного заключения.

Однако министр госбезопасности т. Абакумов, получив показания Этингера о его террористической деятельности, в присутствии следователя Рюмина, зам. начальника следственной части Лихачева, а также в присутствии преступника Этингера, признал показания Этингера надуманными, заявил, что это дело не заслуживает внимания, заведет МГБ в дебри, и прекратил дальнейшее следствие по этому делу. При этом т. Абакумов, пренебрегая предостережением врача МГБ, поместил серьезно больного арестованного Этингера в заведомо опасные для его здоровья условия (в сырую и холодную камеру), вследствие чего 2 марта 1951 года Этингер умер в тюрьме.

Таким образом, погасив дело Этингера, т. Абакумов помешал ЦК выявить безусловно существующую законспирированную группу врачей, выполняющих задание иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства. При этом следует отметить, что т. Абакумов не считал нужным сообщить ЦК ВКП (б) о признаниях Этингера и таким образом скрывал это важное дело от партии и правительства.

На основании вышеизложенного ЦК ВКП (б) постановляет:

1. Снять т. Абакумова с работы министра государственной безопасности СССР, как человека, совершившего преступления против партии и Советского государства. Исключить из рядов ВКП (б) и передать дело в суд.

2. Снять с занимаемых постов начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Леонова и заместителя начальника следственной части т. Лихачева, как способствовавших Абакумову обманывать партию, и исключить их из партии.

3. Объявить выговор первому заместителю министра т. Огольцову и зам. министра т. Питовранову за то, что они не проявили необходимой партийности и не сигнализировали ЦК ВКП (б) о неблагополучии в работе МГБ.

4. Обязать МГБ возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера.

12 июля 1951 года Абакумова вызвали в Прокуратуру СССР, где ему предъявили постановления о возбуждении уголовного дела по признакам статьи 58-1 «б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим) и об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей в Сокольниковской тюрьме МВД, известной как «Матросская тишина» (не в тюрьме МГБ!).

Вскоре были арестованы начальник Следственной части по особо важным делам МГБ генерал-майор Александр Леонов, три его заместителя – полковники Михаил Лихачев, Владимир Комаров и Лев Шварцман, начальник секретариата МГБ полковник Иван Чернов и его заместитель полковник Яков Броверман.

До конца 1951 года по «Делу об абакумовско-сионистском заговоре МГБ» (были арестованы и провели около двух лет в тюрьме) генерал-лейтенанты Н. Н. Селивановский, Н. А. Королев, М. И. Белкин, Л. Ф. Райхман, генерал-майоры Г. В. Утехин, Н. И. Эйтингон; полковники Ф. Г. Шубняков, А. М. Палкин, М. К. Кочегаров; подполковники Н. М. Бородин, А. Я. Свердлов и руководящий сотрудник отдела «Д» полковник В. М. Блиндерман и другие.

Руководство МГБ сменилось. 9 августа 1951 года Указом Президиума ВС СССР министром государственной безопасности СССР был назначен С. Д. Игнатъев. Через две недели было сформировано новое руководство МГБ. Первым заместителем остался Огольцов, но была введена должность еще одного первого зама, которую занял генерал-полковник С. А. Гоглидзе. Были сняты с постов заместителей министра Блинов, Селивановский, Королев, Макаров, Аполлонов. Рюмин был произведен в полковники и 20 октября назначен на пост замминистра и одновременно начальником следственной части.

Первые допросы Абакумова проводили представители прокуратуры, в частности заместитель Генерального прокурора СССР т. Мокичев. Вначале вопросы касались основного обвинения: «Почему вы долго не арестовывали Этингера, а после ареста запретили допрашивать о терроре, сказав Рюмину, что Этингер «заведет в дебри»?»

Абакумов отвечал: «Руководство 2 управления доложило мне, что Этингер является враждебно настроенным. Я поручил подготовить записку в ЦК. В записке были изложены данные, которые убедительно доказывали, что Этингер – большая сволочь. Это было в первой половине 1950 года, месяца не помню. Но санкции на арест мы не получали. А после того, как сверху спустили санкцию, я попросил доставить Этингера ко мне, так как знал, что он активный еврейский националист, резко антисоветски настроенный человек. «Говорите правду, не кривите душой», – предложил я Этингеру. На поставленные мною вопросы он сразу же ответил, что его арестовали напрасно, что евреев у нас притесняют. Когда я стал нажимать на него, Этингер сказал, что он честный человек, лечил ответственных людей. Назвал фамилию Селивановского, моего заместителя, а затем Щербакова. Тогда я заявил, что ему придется рассказать, как он залечил Щербакова. Тут он стал обстоятельно доказывать, что Щербаков был очень больным, обреченным человеком. В процессе допроса я понял, что ничего, совершенно ничего, связанного с террором, здесь нет. А дальше мне докладывали, что чего-то, заслуживающего внимания, Этингер не дает».

Абакумову также вменили в вину, что он не придал значения информации о создании в Москве молодежной подпольной группы «СДР» («Союз за дело революции»).

Абакумов заявил Мокичеву: «У меня были ошибки, недостатки и неудачи в работе. Это все, в чем я виноват... Утверждаю, что никаких преступлений против партии и Советского правительства я не совершал. Я был весь на глазах у ЦК ВКП (б). Там повседневно знали,

что делается в ЧК...»

После ареста Абакумов обратился с первым и последним письмом к Сталину: «...Теперь по поводу заявления тов. Рюмина о том, что я якобы намекнул Этингеру, чтобы он отказался от показаний по террору. Этого не было и быть не могло. Это неправда. При наличии каких-либо конкретных фактов, которые дали бы возможность зацепиться, мы бы с Этингера шкуру содрали, но этого дела не упустили бы... Должен прямо сказать Вам, товарищ Сталин, что я сам не являюсь таким человеком, у которого не было бы недостатков. Недостатки имеются и лично у меня, и в моей работе... В то же время с открытой душой заверяю Вас, товарищ Сталин, что отдаю все силы, чтобы послушно и четко проводить в жизнь те задачи, которые Вы ставите перед органами ЧК. Я живу и работаю, руководствуясь вашими мыслями и указаниями, товарищ Сталин, стараюсь твердо и настойчиво решать вопросы, которые ставятся передо мной. Я дорожу тем большим доверием, которое вы мне оказывали и оказываете за все время моей работы, как в период Отечественной войны, так и теперь – в МГБ СССР».

На допросах в прокуратуре Абакумов упорно отказывался признавать вину. 22 февраля 1952 года Рюмин, побывавший незадолго до того вместе с заместителем МГБ С. А. Гоглидзе на докладе у Сталина, подписал постановление о передаче следствия по делу Абакумова в МГБ и переводе его в Лефортовскую тюрьму.

На допросах с применением пыток от некоторых сотрудников Абакумова удалось добиться показаний против него. Абакумова тоже жестоко пытали.

Состояние Абакумова подтверждает медицинская справка из санчасти тюрьмы от 24 марта 1952 года: «Заключенный № 15 еле стоит на ногах, передвигается с посторонней помощью, жалуется на боли в сердце, слабость, головокружение... Бледен, губы и слизистые с цианотичным оттенком. При пальпации спины болезненность мышц в области межреберных промежутков... Стопы гиперемированы, пастозны... По состоянию здоровья нуждается в переводе из карцера в камеру».

3 ноября 1952 года (через 11 дней будет снят со своего поста) Рюмин утвердил постановление о предъявлении дополнительного обвинения:

«Принимая во внимание, что следствием по делу Абакумова собраны доказательства, изобличающие его в том, что он:

а) вынашивал изменнические замыслы и, стремясь к высшей власти в стране, сколотил в МГБ СССР преступную группу из еврейских националистов, с помощью которых обманывал и игнорировал ЦК ВКП (б), собирал материалы, порочащие отдельных руководителей Советского правительства, а также отгораживал чекистский аппарат от руководящих партийных органов;

б) опираясь на своих сообщников, проводил вредительскую подрывную работу в области контрразведывательной деятельности...

– дополнительно предъявить Абакумову Виктору Семеновичу обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58–7, 58–8 и 58–11 УК РСФСР».

По приказу Игнатьева 15 ноября 1952 года Абакумова из Лефортово перевели в камеру № 77 Бутырской тюрьмы. С этого момента пытки и допросы прекратились, т. к. здоровье Абакумова не позволяло их проводить. Но наручники с него снимались только «для приема пищи». Вот как пишет о дальнейшем К. Столяров: «Надежно изолированный от внешнего мира, лишенный даже имени и фамилии, он и не подозревает, что умер Сталин и что его Министерства государственной безопасности больше нет – вместо него создано объединенное Министерство внутренних дел СССР во главе с Берией, запретившим 13 марта впредь до особого указания допрашивать Абакумова»⁸.

Бумагу для писем Берия, как и его преемники, запретили выдавать Абакумову. Он так и не признал ни одного из обвинений и отказался знакомиться с материалами дела. 3 августа

---

⁸ *Абрамов В.* «Абакумов – начальник СМЕРШа. М.: «Яуза», «Эксмо», 2005.

1953 года его отправили обратно в Лефортово, но уже 26 сентября из-за «общей физической слабости» заключенный № 15 (по-другому его в документах не называли) был переведен во Внутреннюю тюрьму на Лубянке. Там он и находился до суда. За это время арестовали и расстреляли Берия, Кобулова, Гоглидзе, Рюмина и других бывших сослуживцев Абакумова, ставших его палачами.

14 декабря 1954 года в ленинградском Доме офицеров началось «открытое» судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в составе: председательствующего – генерал-лейтенанта юстиции Зейдина Е. Л., членов – генерал-майора юстиции Сюльдига В. В. и полковника юстиции Борисоглебского В. В., при секретарях – капитанах юстиции Афанасьеве М. В., Горбунове Л. М. и Полякове Н. М.; с участием государственного обвинителя – Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Руденко В. В. и защиты – членов Московской городской коллегии адвокатов Гринева Л. И., Степанова М. В., Рогова М. И. и Павлова Л. В.

По делу проходили Абакумов, Леонов, Лихачев, Комаров, Чернов и Броверман. Шварцман на этом процессе выступал в качестве свидетеля (его дело было выделено в отдельное производство).

Когда суд предоставил слово Абакумову, отказавшемуся от адвоката, он заявил: «Винным себя не признаю. Это дело провокационное, оно сфабриковано Берией, Кобуловым, Рюминым... Я заявляю, что настоящее дело против меня сфабриковано. Я заключен под стражу в результате происков Берии и ложного доноса Рюмина. Все недостатки в органах ЧК, скопившиеся за длительный период, вменяются мне как преступления... я ничего не делал сам. В ЦК давались указания, а я их выполнял. Государственный обвинитель ругает меня, с одной стороны, за допущенные перегибы, а с другой – за промахи, смазывания. Где же тут логика? Дело «СДР» расследовано правильно. Мне же в течение трех с половиной лет и пытались доказать, что я «смазал» террористические намерения у 15–16-летних юношей и девушек... Недостатки у меня были, я их не скрывал. Утверждать, что я использовал такой орган, как Особое совещание, для расправы, – значит забывать о том, что я никогда не председательствовал в Особом совещании... Я считаю, что суд должен справедливо разобраться в моем деле».

Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР так сформулировала обвинения: «Подсудимый Абакумов, будучи выдвинутый Берией на пост министра Госбезопасности СССР, являлся прямым соучастником преступной заговорщицкой группы, выполнял вражеские задания Берии. Совершая такие тяжкие преступления, как и Берия, Абакумов стал на путь авантюры и политических провокаций. Абакумов фабриковал дела на отдельных работников партийного, советского аппарата и представителей советской интеллигенции, затем арестовывал этих лиц и, применяя запрещенные советским законом преступные методы следствия, вместе со своими сообщниками Леоновым, Комаровым, Лихачевым, добивался от арестованных вымышленных показаний с признанием вины в тяжелых государственных преступлениях».

Было совершенно ясно, в том числе и судьям, что уж к «группе Берии» Абакумов не причастен. Наоборот, Берия поспособствовал аресту Абакумова. В любом случае дело Абакумова должно было объективно расследоваться дальше. Но к тому времени уже сложилась «добрая» традиция расстреливать бывших руководителей госбезопасности.

Живой Абакумов был не нужен никому из высшего руководства. Ни Первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву, ни председателю Совета Министров Георгию Максимилиановичу Маленкову.

19 декабря 1954 года суд приговорил В. С. Абакумова, А.Г. Леонова, В. И. Комарова и М. Т. Лихачева к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией лично принадлежавшего им имущества. Я. М. Броверман был приговорен к 25 годам, а И. А. Чернов – к 15 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет каждого с конфискацией лично принадлежащего им имущества.

Расстреляли Виктора Семеновича Абакумова в Ленинграде 19 декабря в 12 часов 15

минут, через час с четвертью после вынесения приговора. Начальник Внутренней тюрьмы КГБ подполковник Таланов, лично казнивший осужденного, рассказывал секретарям выездной сессии, что последними словами Абакумова были: «Я все, все напишу в Политбюро...» Выстрел из пистолета в затылок не дал ему произнести слово «Политбюро» до конца.

Дело Абакумова получило продолжение через 40 лет. Летом 1994 года брат Я. М. Бровермана, осужденного по делу Абакумова, обратился в Прокуратуру России с заявлением о реабилитации. 28 июля Военная коллегия Российской Федерации в составе председательствующего – генерал-лейтенанта юстиции Уколова А. и членов – генерал-майоров юстиции Белявского В. и Пархомчука Ю. рассмотрела в судебном заседании уголовное дело в отношении Абакумова и других, нашла протест подлежащим удовлетворению. Руководствуясь статьей 8 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» и ст. 377–381 УПК РСФСР, Военная коллегия определила: приговор ВК Верховного суда СССР от 19 декабря 1954 года в отношении Абакумова, Леонова, Лихачева, Комарова и Бровермана изменить, переqualифицировав действия осужденных на статью 193–17 п. «б» УК РСФСР (в редакции 1926 года) и оставив им прежние меры наказания.

В результате 17 декабря 1997 года Президиум Верховного суда Российской Федерации, руководствуясь п. 5 ст. 378 УПК РСФСР, постановил: определить Абакумову В. С., Леонову А. Г., Лихачеву М. Т. и Комарову В. И. наказание в виде 25 лет заключения в исправительно-трудовые лагеря каждому, исключив в отношении всех осужденных дополнительную меру наказания в виде конфискации имущества.

Отзывы об Абакумове были разные и критические, но большинство положительные. Это была личность. Талантливый человек.

По отзывам углубленно изучавших биографию Абакумова известных писателей В. О. Богомолова (автора почти культового романа «В августе сорок четвертого») и К. А. Стоярова, впервые на основе ранее засекреченных архивов осветившего в документальной повести «Голгофа» теневую сторону послевоенной деятельности советской госбезопасности, этот человек хотя и был интеллектуально примитивен, груб и не отличался изысканностью манер, но вместе с тем обладал живым природным умом, здравым смыслом, а также в известной мере чувством собственного достоинства.

Возглавляя в годы войны армейскую контрразведку СМЕРШ, он имел дело с реальным, достаточно серьезным противником и был, в отличие от Сталина, уже тогда непосредственно руководившего им, психологически устойчив. Абакумов и после войны выказывал больше рвения в борьбе с врагом настоящим, открытым – вооруженными отрядами националистов-сепаратистов в Прибалтике и на Западной Украине, – нежели, так сказать, с умозрительным, сотворенным большим воображением Сталина.

Ему были присущи безусловная сила характера, личная храбрость и даже относительная самостоятельность позиции в связи с крупными политическими делами, которые ему пришлось фабриковать по воле того же Сталина. Будучи искренне убежден: «Мы солдаты, что прикажут, то и должны делать», Абакумов тем не менее не давал хода «делу врачей», отрицал наличие «террористических намерений» у арестованных в начале 1951 года молодых евреев, входивших в так называемый «Союз борьбы за дело революции», спустил на тормозах дело «ЕАК». Показателен и такой малоизвестный факт. Когда в феврале 1949 года тогдашний глава агитпропа ЦК Д. Т. Шепилов... официально попросил Абакумова «разобраться» со «сборищами» «глубоко враждебной... антипатриотической группы... театральных критиков в московском ресторане «Арагви», то оставил этот донос без последствий.

Такой государственный деятель, как Дмитрий Трофимович Шепилов – редактор «Правды», министр иностранных дел СССР, секретарь ЦК КПСС, последние годы жизни председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской армии – при общении с автором книги ветераны 4-й гвардейской армии об Абакумове отзывались положительно.

Другими словами, Абакумов был хоть и преданным псом кремлевского «хозяина», но таким, который отнюдь не всегда угождал его капризам. Диктатор не мог этого не чувствовать и с годами все больше не доверял Абакумову. В феврале 1950 года в качестве альтернативы следственному изолятору МГБ Сталин распорядился создать для содержания и допросов наиболее опасных в его глазах политических преступников «особую тюрьму» на Матросской Тишине, руководство которой поручил Маленкову и Шкирятову...»⁹.

Абакумов, как и другие сталинские наркомы Лубянки, был и инструментом, и жертвой политики Сталина и его окружения. Но в отличие от многих он проявил мужество во время Великой Отечественной войны и в еще более трудных условиях – в тюрьме.

Заместители начальника СМЕРШ

Селивановский Николай Николаевич. Комиссар государственной безопасности 3 ранга, с 26 мая 1943 года – генерал-лейтенант. Служил в СМЕРШе с 19 апреля 1943 по 4 мая 1946 года. Прожил долгую жизнь (1901–1997), но воспоминаний, видимо, так и не оставил. Профессиональная привычка не оставлять после себя следов.

---

⁹ Г. В. Дело Михоэлса. Новый взгляд//2003. № 10.

Николай Иванович Селивановский

Мешик Павел Яковлевич (1910–1953) – один из руководителей органов государственной безопасности, генерал-лейтенант (1943). Лауреат Сталинской премии

(1951). Сын служащего. Учился в Самарском энергетическом институте (не окончил). Образование получил в Высшей школе ОГПУ (1933). С 1925 года работал слесарем. В ноябре 1930 вступил в ВКП (б). В марте 1932 года переведен в органы, с 1933 года – помощник уполномоченного, оперативный уполномоченный в Экономическом управлении (отделе) НКВД. В 1937 году был переведен в 3-й (контрразведывательный) отдел Главного управления государственной безопасности. С января 1938 года помощник начальника Следственной части НКВД СССР. В сентябре 1939 был назначен начальником Следственной части, а с 1940 года – начальник 1 (промышленные и пищевые наркоматы) отдела Главного экономического управления НКВД СССР. При разделении НКВД в 1941 году – нарком государственной безопасности Украины, а после прошедшего в июле 1941 года объединения восточной и западной частей Украины возглавил Экономическое управление НКВД СССР. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов – в оборонных государственных структурах и органах безопасности: в сентябре – ноябре 1941 одновременно был начальником 7 спецотдела (обеспечение производства минометного вооружения). В 1943–1945 годах занимал пост заместителя начальника Главного управления контрразведки СМЕРШ, одновременно в 1944–1945 годах – заместитель командующего 1-м Украинским фронтом. В марте 1945 года направлен в Польшу, где занял пост советника при Министерстве общественной администрации. Руководил созданием органов госбезопасности Польши. С августа 1945 по март 1953 года занимал пост заместителя начальника 1 Главного управления при Совете народных комиссаров СССР по режиму (разработка и создание ядерного оружия). С марта 1953 года министр внутренних дел Украины. В июне того же года был арестован. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР. 23 декабря 1953 года приговорен к смертной казни. Казнен ¹⁰.

Бабич Исая Яковлевич. В контрразведке СМЕРШ служил с 19 апреля 1943 по 4 мая 1946 года, комиссар государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-лейтенант. Бабич (1902–1948) окончил два класса церковно-приходской школы. Работал учеником наборщика и наборщиком в типографиях. В органах ВЧК с 1920 года. Работал в Николаевской губернской ЧК – губернском отделе ГПУ, ГПУ Молдавской АССР, затем – начальник 25 погранотряда ОГПУ, начальник секретно-политического отдела региональных управлений ОГПУ – НКВД в Харькове, Виннице, Одессе, Киеве, заместитель начальника УНКВД Одесской и Киевской областей, начальник УНКВД Киевской области (1938). Затем – в Особом отделе ГУГБ НКВД – начальник 2 и 3 отделов 2 управления НКВД СССР, с января 1939 года – начальник 4 отделения 4 отдела ГУГБ НКВД СССР, с сентября 1940 года – начальник Особого отдела НКВД Прибалтийского военного округа, в 1941 г. – начальник 3 отдела Прибалтийского военного округа. С июля 1941 г. – заместитель начальника, а с мая 1942 г. – начальник Особого отдела НКВД Северо-Западного фронта. С мая 1943 г. – заместитель начальника ГУКР СМЕРШ НКО СССР. В мае – сентябре 1945 г. находился со специальным заданием на Дальнем Востоке по координации работы органов СМЕРШ Забайкальского и Дальневосточных фронтов. С мая 1946 г. – заместитель начальника 3 Главного управления (военной контрразведки) МГБ СССР. С августа 1947 г. по совместительству – начальник Высшей школы МГБ СССР ¹¹.

Врадий Иван Иванович. В контрразведке СМЕРШ провел почти три года: с 26 мая 1943 по 4 мая 1946 года, генерал-майор. Личность, о которой до сих пор не удалось обнаружить каких-либо объективных сведений.

Тимофеев Петр Петрович. В контрразведке СМЕРШ с сентября 1943 по 4 мая 1946 года, генерал-майор, с 1944 года – генерал-лейтенант, начальник Управления контрразведки

---

¹⁰ См. более подробно: *Залесский К. А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

¹¹ *Абрамов В.* Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М., 2005.

СМЕРШ Степного, с октября 1943 года – 2 Украинского фронтов.

Москаленко Иван Иванович. В контрразведке с мая 1943 по 4 мая 1946 года, полковник государственной безопасности. С 6 мая 1943 года – генерал-майор, с 21 июля 1944 года – генерал-лейтенант.

Мисюрев Александр Петрович. В контрразведке с 29 апреля 1943 по 4 мая 1946 года, полковник государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-майор.

Кожевников Сергей Федорович. В контрразведке с 29 апреля 1943 по 4 мая 1946 года, полковник государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-майор.

Быстров Борис Александрович (1907–1967) – в органах безопасности с 1941 года. Проходил службу на различных должностях в особых отделах Брянского, Белорусского, 2 Прибалтийского фронтов. С 3 февраля по 24 октября 1945 года – начальник 4 отделения ОКР СМЕРШ 3-й ударной армии 1 Белорусского фронта. 1 ноября 1946 года уволен.

Вадис Александр Анатольевич (1906–1968) – в органах безопасности с 1931 года. Проходил службу на руководящих должностях в органах ГПУ – НКВД Житомирской, Каменец-Подольской, Тернопольской областей. С 8 июля 1944 по 25 июня 1945 года – начальник Управления контрразведки СМЕРШ 1 Белорусского фронта. Уволен из МВД СССР 25 декабря 1951 года.

Зеленин Павел Васильевич (1902–1965) – в органах безопасности с марта 1920 года. Проходил службу на различных должностях в транспортных отделах ОГПУ – НКВД г. Александровска, Южно-Донской, Южной дорог, в годы войны – в органах военной контрразведки Западного, Закавказского, Юго-Западного, 3 Белорусского фронтов. С 15 августа 1945 года – начальник Управления контрразведки СМЕРШ Группы советских войск в Германии. Уволен в запас МГБ СССР 6 декабря 1948 года. Арестован. Прототип «Егорова» в романе В. Богомолова «Момент истины».

Сиднев Алексей Матвеевич (1907–1958) – в органах безопасности с 1939 года. Проходил службу на руководящих должностях в особых отделах Ленинградского военного округа, Ленинградского, Карельского фронтов. С 6 июля 1944 года по 10 ноября 1945 года – заместитель начальника Управления контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта. Уволен из органов МВД СССР в 1951 году.

Ко времени образования СМЕРШ установка в отношении шпионов изменилась: их надлежало брать только живыми и желательно невредимыми – с целью получения от них сведений и последующей перевербовки. Однако с первых же месяцев работы соперникам по войне стало понятно, что в своей деятельности СМЕРШ применяет абсолютно все методы для получения необходимой информации, поэтому немецким разведчикам и диверсантам рекомендовалось ни в коем случае не попадать к сотрудникам СМЕРШ живыми.

Продолжая традиции «встречного поиска», разведывательно-диверсионные силовые подразделения советской контрразведки проводили ликвидацию разведывательно-диверсионных школ врага за линией фронта. Даже в глубине Германии операции проходили успешно. При наступлении советских войск спецгруппы СМЕРШа осуществляли нападения на немецкие разведподразделения для захвата агентурно-учетной документации. При выполнении боевых операций, а также в любых других условиях бойцы СМЕРШа не имели права уклоняться от боя ни на своей, ни на немецкой стороне.

В функции СМЕРШа входила и тщательная проверка разведанных, полученных от тактических фронтовых разведчиков. Представители СМЕРШа обязательно присутствовали при допросах немецких «языков». Часто при анализе деталей именно им удавалось выявлять дезинформацию.

Разумеется, работа на грани сил и возможностей имела массу негатива. За малейший просчет в работе смершевца ожидал расстрел, поскольку сослать кладезь специфических умений и навыков никуда не могли, дабы избежать утечки информации.

Задания, поручавшиеся смершевцам, отличались крайней сложностью исполнения. Все это определяло систему огневой, рукопашной и тактической подготовки прифронтовой контрразведки. Она заметно отличалась от той, которую практиковали в НКВД.

Особый интерес в этой связи представляла методика стрелковой подготовки оперативного состава, способная обучить стрельбе практического любого нормального человека в короткий срок. Контрразведчики СМЕРШа могли стрелять быстро, на слух, в темноте, на ходу, по бегущим целям, в условиях встречной дуэли одного против нескольких, из любого положения. Прифронтовые контрразведчики в совершенстве владели специфической тактикой детективной стрельбы на разных дистанциях и в различных условиях, уклоняясь от чужого огня и вынуждая противника стрелять в пустоту.

Взорванный оперативной группой мост. Еще одна вражеская коммуникация нарушена

Работа контрразведчика в прифронтовой полосе имела ряд особенностей. Главная – бойцы СМЕРШа должны были соблюдать конспирацию и не привлекать к себе излишнего внимания. Зачастую оперативник оставался один на один с окружающим миром, таившим в себе угрозу. Офицер-одиночка с автоматом вызывал естественное любопытство окружающих. Поэтому основным оружием контрразведчиков сделались пистолет и револьвер.

Как показывала практика, прифронтовой контрразведке очень часто приходилось вести огнестрельный бой на короткой дистанции. Раньше это называли встречной дуэлью, и во многих случаях она переходила в рукопашную. Все начиналось внезапно и протекало очень быстро, поэтому жизнь смершевцев напрямую зависела от быстроты реакции и надежности оружия.

Каждое оружие имеет свои особенности. Контрразведчик должен был в совершенстве изучить их все и часто имел при себе несколько пистолетов. Один из литературных источников ссылается на бывшего оперативника-поисковика СМЕРШа: «В кобуре я носил табельный «наган», в полевой сумке – «вальтер» Р-44 с тремя магазинами, между лопаток на спине под воротником – маленький «вальтер» с патроном в стволе, а в рукаве – маленький быстрозарядный пистолетик.

Иногда стрелять приходилось именно из него, когда все остальное достать не было времени. «Наган» был хорош в маятнике и при силовом задержании, из большого «вальтера» можно было эффективно подавить противника плотным огнем. Маленький «вальтер» выручил меня, когда я однажды получил команду «Руки за голову!».

Особенно ценились оперативным составом оружейные системы так называемого «двойного действия», ударно-спусковой механизм которых срабатывал самовзводом.

Операции по задержанию немецких разведчиков и диверсантов часто сопровождались перестрелками и гибелью сотрудников военной контрразведки. Более опасной была работа зафронтовых разведчиков.

С апреля 1943 года по февраль 1944 года по заданию военных контрразведчиков в органы и школы абвера и СД внедрились 75 советских разведчиков, причем 38 из них за указанный период возвратились после выполнения задания. Пришедшие в разное время из тыла противника зафронтовые агенты представили сведения на 359 официальных сотрудников германской военной разведки и на 978 выявленных шпионов и диверсантов, подготавливаемых для переброски в расположение частей Красной армии. Впоследствии 176 вражеских лазутчиков, переброшенных немцами в советский тыл, были арестованы органами СМЕРШа. Кроме того, благодаря усилиям контрразведки 85 агентов немецких спецслужб после заброски их на сторону частей Красной армии явились с повинной. Пятеро завербованных сотрудников германской разведки оставались работать в своих подразделениях по заданию советской контрразведки.

В 1934–1944 годы ГУКР СМЕРШ и его фронтовые управления для сбора сведений о разведорганах и спецкоколах противника, внедрения в них, а также захвата кадровых сотрудников, агентов и нацистских пособников стали широко практиковать заброску в немецкий тыл агентурных групп, в состав которых входили оперативные работники, агенты и радисты. За январь – октябрь 1943 года во вражеский тыл направлено 7 агентурных групп, подчиненных непосредственно ГУКР СМЕРШ, в составе 44 человек. За время пребывания на территории врага они привлекли к сотрудничеству с советской контрразведкой 68 человек. Потери всех групп составили только 4 человека.

Документы СМЕРШа

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ УКР СМЕРШ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА В. С. АБАКУМОВУ
«ОБ АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЕ
ОРГАНОВ СМЕРШ ФРОНТА ЗА ИЮЛЬ 1943 г.»

13 августа 1943 г. Совершенно секретно

Агентурно-оперативная работа органов СМЕРШ, входящих в состав Центрального фронта, в июле месяце в отличие от июня месяца в основном проходила в боевой обстановке, в связи с чем и была направлена главным образом на своевременное выявление и пресечение практической вражеской деятельности со стороны подучетного и враждебного элемента, с учетом обеспечения в частях фронта стойкости в оборонительных и затем наступательных боях.

Активность и работоспособность агентурного аппарата в июле месяце характеризуется также фактами массового проявления героизма в боях со стороны нашей агентуры, инициативными и смелыми действиями по предотвращению измены Родине, сдачи в плен, трусости, паникерства и бегства с поля боя.

" УТВЕРЖДАЮ "

НАЧ СТАЛИНСКОГО РО УНКВД
ГОР. МОСКВЫ
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

/ТИМОЖЕВ/

"26" декабря 1941 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

/о принятия дела к производству/.

Гор. Москва, 1941 г. декабрь мес. "26" дня, я
следователь Сталинского РО УНКВД г. Москвы, сержант милиции
КОТОВ, рассмотрев материалы следственного дела № 5604
по обвинению Сухомель Михаил Иванович

И А Ш Е Л:

из материалов дела усматривается, что Сухомель М. И.
совершил преступление, направленное на подрыв существующе-
го в СССР политического строя.

На основании изложенного и учитывая, что по делу не-
обходимо произвести предварительное следствие, руководст-
вующий ст. 110 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Материалы следственного дела № 5604 по обвинению Сухомель М. И.
М. И. принять к своему производству и приступить
к расследованию, о чем в порядке ст. 110 УПК сообщить Про-
курору.

Следователь Сталинского РО УНКВД
г. Москвы - Сержант милиции

Котов /КОТОВ/

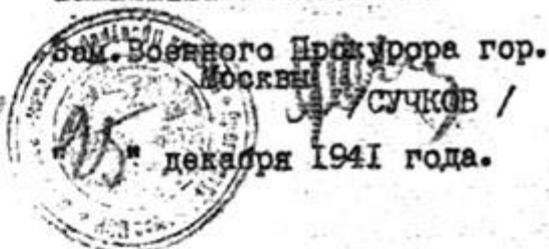
2 37
"УТВЕРЖДАЮ"

НАЧ. УНКВД ГОР. МОСКВЫ и МО
СТ. МАЙОР ВОЗБЕЗОПАСНОСТИ

1941 года.

АРЕСТ САНКЦИОНИРУЮ

Вак. Военного Прокурора гор.
Москвы

СУХАЧЕВ /

1941 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

/ на арест /

Гор. Москва "15" декабря 1941 г., Я, оперуполномоченный Сталинского Р/О УНКВД города Москвы - ПАСТУШКОВ, рассмотрев поступивший в Р/О УНКВД Сталинского р-на гор. Москвы материал о преступной деятельности СУХАЧЕВА Михаила Ивановича, 1895 г. рождения, уроженец Московской Области, Лопатинского района, дер. Видищево, б/п, русский, гр-н СССР, из кустарей, семейный, имеет сына 1928 года рождения, который находится в РККА, работает в артели "Мехремонт-обузь" - клепальщиком, проживает: Измайловское шоссе, дом 3/ общежитие /.

Н А Ш Е Л:

что СУХАЧЕВ М.И. будучи враждебно настроенным к существующему строю, среди рабочих артели распространяет а/советскую агитацию, возводит клевету на Красную армию, наносит оскорбление на руководителей ВКП/б/ и Советское Правительство.

Проведенным расследованием факты антисоветской провокационной деятельности со стороны СУХАЧЕВА М.И.

3
подтвердились.

Допрошенный в качестве свидетеля ПЕЧЕНИН И.П.
показал:

"Примерно 15/ХП-41 г. в присутствии рабочих СУХАЧЕВ вынул из кармана соль, полученную им на продовольственную карточку заявив:
"Бот этой-бы солью засыпать глаза /указав на одного из руководителей ВКП/б/,
Разве можно победить первоклассную, хорошо вооруженную немецкую армию, так как наши набрали каких-то сопляков, мы неопытные в военном деле, а немецкая армия обученная".

Допрошенные в качестве свидетелей ФРОЛКИН П.Д. и ЛОБЗОВА Ф.Д. дали аналогичные показания,

П О С Т А Н О В И Л

СУХАЧЕВА Михаила Ивановича, проживающего по Измайловскому шос. дом 3, общежитие - подвергнуть аресту и обыску.

Оперуполномоченный Сталинского Р/О УНКВД гор.Москвы-

И. Пастушков /ПАСТУШКОВ /

СОГЛАСЕН:- Нач. Сталинского Р/О
УНКВД города Москвы
Капитан Гос.Безопасн.

Тимофеев /ТИМОФЕЕВ /

Постановления об аресте и обыске М.И. Сухачева

27 июля с. г. противник предпринял контратаку на участке стрелковой дивизии, где начальником отдела СМЕРШ подполковник Михайлов. Во время боя командир взвода ст. лейтенант Михайлов струсил, выскочил из окопа и бросился бежать в тыл. За ним пытались

бежать и другие бойцы. Осведомитель «Автомат», увидев бегство командира и замешательство во взводе, огнем из своего пулемета заставил Михайлова вернуться во взвод и руководить боем. Порядок был наведен, и Михайлов взводом руководил до конца боя, отбив успешно атаку противника.

15 июля с. г. группа военнослужащих стрелковой дивизии, где начальником отдела СМЕРШ майор Рябцев, в количестве 5 человек – Кочеров, Лацков и др., в начале боя пыталась перейти к немцам. Осведомитель «Симонов» заметил их бегство, оповестил по цепи бойцов и командиров, по изменникам открыли огонь, и все пятеро были убиты.

25 июля с. г. пытались изменить Родине красноармейцы штрафной роты стрелковой дивизии, где начальником отдела СМЕРШ майор Моисеенок, – Немченко и Клейменов. Заметив их подозрительное поведение, резидент «Жук» и осведомители «Ляхов» и «Майский» установили наблюдение за ними, одновременно сообщили командиру роты. Перед вечером Немченко и Клейменов из окопов вышли в рожь, чтобы пробраться к противнику. «Жук» и «Ляхов» окликнули их, после чего они по ржи бросились бежать к противнику. «Жук» и «Ляхов» из автоматов расстреляли изменников. При наступлении роты трупы их были найдены и опознаны.

17 июля с. г. командир взвода дивизии, где начальником отдела СМЕРШ майор Данилов, мл. лейтенант Апарин в бою проявил трусость, бежал с поля боя и увлек за собой 10 человек бойцов. Группа бойцов в количестве 12 человек осталась без командира. Находившийся среди этой группы осведомитель «Ваня» объявил себя командиром взвода и повел группу в наступление, выполнив поставленную перед взводом задачу. Вечером того же дня «Ваня» связался с оперуполномоченным и сообщил об Апарине, который на следующий день был направлен в штрафное подразделение.

15 июля с. г. командир пулеметного взвода мл. лейтенант Кузнецов в бою проявил трусость – побежал с поля боя, увлекая за собой весь взвод. Осведомитель «Беспалько», выскочив впереди бегущих, под угрозой расстрела остановил Кузнецова, а потом всех бойцов, вернул их на огневой рубеж и лично повел взвод в атаку.

27 июля с. г. группа бойцов указанной выше дивизии ночью была послана забросать гранатами окопы противника. В 15–20 м от противника красноармеец Чикин струсил, закричал и бросился бежать, сея панику. Секретный [осведомитель] застрелил паникера, паника в группе была прекращена.

Отмечены случаи, когда наша агентура в борьбе с противником шла на самопожертвование и героически умирала.

Осведомитель «Токарев», красноармеец истребительного дивизиона (нач [альник] отдела СМЕРШ майор Колесников), подбил немецкую самоходную пушку «фердинанд», когда приближалась вторая такая пушка, у «Токарева» вышла из строя противотанковая пушка. «Токарев», схватив противотанковые гранаты, бросился под гусеницы «фердинанда» и, взорвав ее, погиб смертью храбрых. [...]

Наряду с разработкой и реализацией оперативных учетов органами контрразведки СМЕРШ фронта в июле месяце была проведена соответствующая работа по борьбе с воинскими преступлениями.

За указанное время арестовано трусов и паникеров, бежавших с поля боя, 30 человек; выявлено и разоблачено членовредителей 118 человек; задержано и арестовано дезертиров 146 человек.

По сравнению с июнем месяцем в отчетном месяце, т. е. в период боевых действий частей, значительно увеличилось членовредительство. Если в июне месяце выявлено и разоблачено членовредителей 32 человека, то в июле месяце число арестованных членовредителей возросло до 118 человек.

В то же время сократилось дезертирство. Если в июне месяце дезертировало из частей 239 человек, то в июле месяце число дезертировавших из частей сократилось до 200 человек. [...]

В результате провала летнего наступления немецкой армии и успешного

контрнаступления нашей армии часть военнослужащих, состоящих на оперативном учете, особенно по окраске «измена Родине» и «антисоветский элемент», проявляли героизм и преданность в боях за Родину. Например:

Фигурант дела по окраске «измена Родине» Чечен, 1917 г. р., уроженец Московской обл., рабочий, б/п, в Красной армии с 1938 г., рядовой танковой бригады, где начальником отдела СМЕРШ танкового корпуса майор Дорфман, ранее проявлял изменнические намерения.

Так, в мае месяце, выражая недовольство питанием, среди кр-в высказался: «...Хлеба не хватает, да с такой баландой, которую нам дают, можно сдать в плен».

Затем, узнав, что его хотят перевести служить в мотострелковый батальон, Чечен заявил: «...Если так получится, то я руки кверху и к немцам – чай пить».

В конце июня месяца Чечен, высказывая недовольство службой в Красной армии, говорил: «...Служу в Красной армии уже шестой год, и надоела мне эта служба. Пусть служит другой. Немцы сильнее нас, а союзники наши не заинтересованы, чтобы СССР победил, поэтому надеяться на них нечего, а сами мы не в силах окончательно его разбить».

Находясь на передовой линии фронта и участвуя в оборонительных июльских боях, во время налета авиации противника наши минометчики спрятались в щели. В это время командир роты приказал открыть огонь из минометов по наступающему противнику. Чечен начал кричать минометчикам: «...Вы куда прячетесь в щели, надо выполнять приказ командира. Открывай огонь по приближающимся немцам».

Своим героическим поведением Чечен увлек минометчиков вылезти из щелей и открыть минометный огонь по противнику.

В отделе контрразведки СМЕРШ, где начальником отдела капитан Шумилин, состоял на учете как ранее проживавший на оккупированной немцами территории рядовой мотострелкового батальона Найденов, [он] в бою за с. Горелое, при отражении контратаки противника, замаскировавшись в укрытии, из противотанкового ружья подбил два немецких танка, за что командованием представлен к правительственной награде – ордену Ленина.

Состоящий на учете по окраске «антисоветский элемент» рядовой артдивизиона Лагуткин (армия, где начальником отдела СМЕРШ полковник Маковлев) во время боя, когда был убит наводчик орудия, заменил последнего и сам лично подбил три немецких танка, за что представлен к правительственной награде – ордену Отечественной войны 2-й степени.

Проходящий по связям, разрабатываемым по окраске «измена Родине», сержант воздушно-десантной дивизии (на [чальник] отдела СМЕРШ майор Данилов) Рожков, 1910 г. р., уроженец Орджоникидзевского края, б/п, ранее судимый, за период боев показал себя исключительно стойким в борьбе с фашистами.

Рожков спас жизнь зам. командира батальона по политчасти Винокурову; в рукопашной схватке убил 7 немцев и из автомата расстрелял еще 30 солдат противника. В то же время спас жизнь танковому экипажу, находившемуся в горящем танке на поле боя.

Рожков командованием представлен к званию Героя Советского Союза.

Состоящий на учете рядовой той же дивизии Гунольд, 1923 г. р., уроженец Челябинской обл., б/п, русский (отец немец), до начала боевых действий с противником высказывал антисоветские настроения. Во время боя Гунольд, выполняя обязанности ездового, под ураганным огнем противника, рискуя своей жизнью, своевременно доставлял боеприпасы на передовую линию, в то же время вынес с поля боя 34 человека раненых, что не входило в его обязанности. Гунольд командованием представлен к правительственной награде – ордену Ленина.

Дела оперативных учетов на военнослужащих, проявивших преданность в боях за Родину, пересматриваем на предмет их прекращения.

Путем усиления заградительной службы как за боевыми порядками, так и в тылу частей в отчетном периоде задержано 4501 человек, из них:

арестовано – 145 чел.,

передано в прокуратуры – 70 чел.,

передано в органы НКГБ – 276 чел.,
направлено в спецлагеря – 14 чел.,
направлено в части – 3303 чел.

Из указанного числа органами контрразведки СМЕРШ только одной армии, где начальником отдела полковник Пименов, задержано:

старост – 35 чел.,
полицейских – 59 чел.,
служивших в немецкой армии – 34 чел.,
бывших в плену – 87 чел.,
подлежащих призыву в КА – 777 чел.

Из них арестовано и разоблачено 4 агента немецкой жандармерии. [...]

Начальник Управления контрразведки СМЕРШ

Центрального фронта генерал-майор *А. Вадис* 12

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ УКР СМЕРШ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА В. С. АБАКУМОВУ
«ОБ АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЕ
ОРГАНОВ СМЕРШ ФРОНТА ЗА АВГУСТ 1943 Г.»

11 сентября 1943 г. Совершенно секретно

В отчетном месяце агентурно-оперативная работа органов СМЕРШ соединений и частей фронта проводилась в условиях более сложных, чем в предыдущих месяцах, так как успешно наступающие войска по всему фронту часто переходили из одной армии в другую, а некоторые армии перебрасывались с одного участка фронта на другой. [...]

В результате систематической работы и правильного воспитания агентуры оперативным составом со стороны последней отмечено много случаев проявления высокого патриотизма в боях. На поле боя агентура решительно и инициативно действует по пресечению паникерства, бегства с поля боя и измены Родине.

22 августа 1943 г. в бою пытался перейти на сторону немцев красноармеец 137-й сд Гладышев. Резидент того подразделения расстрелял изменника.

Во время боя за населенный пункт Самодуровка рота автоматчиков 209 стрелкового полка 19 стрелкового корпуса оставила занимаемый рубеж и начала беспорядочно отходить. Резидент «Валентинов» – старшина другой роты того же полка, видя это, под ураганным огнем противника бросился навстречу бегущим с поля боя, приостановил бегство роты, восстановил порядок и повел эту роту в бой. Рота отбила контратаку противника и вернула утерянный рубеж.

1 августа 1943 г. 3-й батальон 16 стрелкового корпуса 102-й стр. дивизии в районе с. Красная Стрелица попал в окружение немецких войск. Находясь в окружении, красноармеец Романов начал агитировать бойцов прекратить сопротивление и сдаться в плен немцам. Находившиеся вместе с Романовым красноармейцы-осведомители расстреляли Романова. После этого подразделение еще несколько дней стойко дралось и затем вместе с батальоном вышло из окружения противника.

В боях за дер. Философово Орловской области резидент роты 391 стрелкового полка 170-й стрелковой дивизии «Кудашев», командир взвода и осведомитель из его резидентуры «Мендыбаев» с небольшой группой бойцов ворвались в сильно укрепленный узел противника. Противник на этом участке предпринял наступление, обошел этот узел, и они остались в тылу противника. Указанная группа бойцов под руководством «Кудашева» и «Мендыбаева» в течение двух суток отбивалась от немцев. Немцы несколько раз предлагали окруженной группе сдаться и после каждого отказа штурмовали этот узел сопротивления, но

---

¹² Цит. по: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. С. 126–130.

безуспешно. Группа продержалась до прихода наших частей. «Кудашев» представлен к высшей правительственной награде – званию Героя Советского Союза, «Мендыбаев» награжден орденом Красного Знамени.

27 августа с. г., во время контратаки противника, командир роты 149-й стрелковой дивизии вышел из строя. Среди личного состава произошло замешательство. Подвезший в это время боеприпасы старшина роты – резидент «Сергеев» – принял на себя командование ротой, быстро восстановил порядок, задержал продвижение противника, а затем, уже будучи раненым, повел роту в контратаку. Противник был отброшен с большими потерями. «Сергеев» представлен к правительственной награде.

26 августа с. г., во время наступления 69-й стрелковой дивизии, осведомитель «Сладков» первым поднялся в атаку, увлекая за собой других бойцов, и первым ворвался в траншею противника. В рукопашной схватке убил более 10 немцев. «Сладков» погиб смертью храбрых. Посмертно представлен к правительственной награде.

Из числа прекращенных дел оперативного учета по мотивам положительных высказываний за последнее время и патриотического проявления в боях характерными являются следующие.

В отделе контрразведки СМЕРШ 149-й сд состоял на формулярном учете, по окраске «антисоветский элемент», зам. командира батальона 568 сп капитан Песин, ранее находившийся в окружении противника и высказывавший недовольство порядками в Красной армии.

8 августа 1943 г. в момент контратаки противника в районе с. Страшковский личный состав батальона в беспорядке стал отходить. Видя это, Песин с криком «Вперед, за Родину» первым пошел на противника и увлек за собой бойцов своего батальона, восстановил порядок и отбил контратаку противника.

Песин с учета снят.

Отделом контрразведки СМЕРШ 162-й сд разрабатывался по делу-формуляру, по окраске «изменник», командир минометного расчета Федянов, 1920 г. р., ранее высказывавший недовольство службой в Красной армии.

В период активных боевых действий дивизии Федянов показал себя примерным, инициативным и храбрым командиром. Под командованием Федянова минометный расчет уничтожил до 160 солдат и офицеров противника, за что Федянов награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Дело на Федянова разработкой прекращено. [...]

Отделом контрразведки СМЕРШ 102-й сд разрабатывался по делу-формуляру, как антисоветский элемент, рядовой 16 сп Черногорцев.

28 августа с. г., во время наступления полка, Черногорцев проявил стойкость и решительность, в бою первым ворвался в окопы противника и в рукопашной схватке уничтожил находившихся там немцев.

Командованием дивизии Черногорцев награжден орденом Красной Звезды. Дело на Черногорцева разработкой прекращено. [...]

СООБЩЕНИЕ УКР СМЕРШ

ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА В. С. АБАКУМОВУ

«О РАБОТЕ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФРОНТА С 5 ПО 10 ИЮЛЯ 1943 г.»

12 июля 1943 г. Совершенно секретно

В ходе боевых действий наших частей отделы контрразведки НКО СМЕРШ с помощью подразделений заградительной службы за период с 5 по 10 июля с. г. задержали 1870 человек военнослужащих.

Большинство из них в ходе маневренных действий теряли связь со своими подразделениями и возвращены в строй, однако в процессе фильтрации их выявлено и арестовано: дезертиров – 6 человек, членовредителей – 19 человек, трусов и паникеров,

бежавших с поля боя, – 49 человек.

В ходе расследования дел о бегстве с поля боя установлены факты проявления трусости со стороны отдельных командиров:

Командир взвода 7-й роты 229 гсп 72-й гсд Павлов, 1922 г. р., уроженец г. Москвы, член ВЛКСМ, 5 июля с. г. без приказа командования отвел свой взвод в тыл, самовольно оставив занимаемый им рубеж обороны.

На допросе Павлов признал себя виновным полностью, объясняя свой поступок личной трусостью.

Следствие закончено, и дело передано на рассмотрение Военному трибуналу.

6 июля под нажимом танков противника части 30-й истребительной противотанковой артбригады начали беспорядочно отходить. Врид командира бригады Сапожников, не приняв должных мер к наведению порядка в подразделениях бригады, явился на КП 81-й гсд, за что командир этой дивизии наложил на него дисциплинарное взыскание.

Отделом контрразведки НКО СМЕРШ 213-й сд выявлен факт проявления трусости со стороны командира пулеметной роты старшего лейтенанта Варзинского, который с группой красноармейцев в 7 человек бежал с поля боя.

Будучи задержан оперуполномоченным Панфиловым, Варзинский заявил, что батальон, которому была придана его пулеметная рота, полностью окружен и уничтожен. Позднее было установлено, что заявление Варзинского ложно, так как батальон продолжал вести активные бои с противником.

Варзинский ранен и убыл на излечение в госпиталь. В период активных боевых действий проявили трусость командир 290 минометного полка майор Знаменский и командир 2 дивизиона этого же полка Санников.

Попав в тяжелое положение, Знаменский и Санников, захватив весь автотранспорт 2 дивизиона, покинули поле боя, в результате чего материальная часть дивизиона при отходе была частично уничтожена, в то время как ее можно было сохранить и вывезти.

Проводится расследование.

Командир пулеметной роты 222 гсп 78-й гсд Кузнецов, проявив трусость, бросил свое подразделение и бежал с поля боя в тыл. В результате этого личный состав пулеметной роты, оставшись без руководства, был почти полностью уничтожен, и немцы захватили 12 исправных станковых пулеметов.

Допросом свидетелей установлено, что Кузнецов, уходя в тыл, сорвал с себя погоны.

Отделу контрразведки НКО СМЕРШ 7-й гвардейской армии дано указание о тщательном расследовании по делу Кузнецова и его аресте.

В период наступления противника в 223-м гсп 78-й гсд предотвращена попытка перехода на сторону немцев двух бойцов 3 батальона. Фамилии предателей устанавливаются.

5 июля с. г. отделом контрразведки НКО СМЕРШ 36-й гсд задержан и разоблачен как агент немецкой разведки, Гайворонский, украинец, беспартийный.

На допросе Гайворонский признал, что, проживая ранее в г. Волчанок, он дал подписку негласно сотрудничать с гестапо и обязался выявлять скрывающихся коммунистов, комсомольцев и партизан, сообщая о них гестапо через старшего полицейского Немечева.

Принятыми мерами розыска Немечев был установлен и задержан.

Следствие по делу ведет Отдел контрразведки НКО СМЕРШ 7-й гвардейской армии.

Отмечены случаи, когда отдельные командиры нарушают приказ НКО о скрытом управлении войсками.

Начальник связи 31 тк Усенко открытым текстом по радиации сообщил командованию армии: «...У Черниченко фронт прорван, войска бегут неудержимо...»

Фактически эти данные не соответствовали действительности. Командованием армии Усенко от должности отстранен, понижен в звании. Материал передан военному прокурору для привлечения его к уголовной ответственности.

Скрытое управление связью было также нарушено командиром 3 мк Савошеевым,

передавшим командирам бригад боевые приказы по радиотелеграфу открытым текстом. О вышеизложенных фактах информирован Военный совет фронта.

Начальник Управления контрразведки НКО СМЕРШ Воронежского фр [онта]
генерал-майор ОСЕТРОВ¹³

ИЗ СПРАВКИ ОКР СМЕРШ 74-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ НАЧАЛЬНИКУ ОКР
СМЕРШ 15 СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА П. Г. ГОРБАНЕВУ
«ОБ АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЕ ОТДЕЛА ЗА ИЮЛЬ 1943 г.»
14 августа 1943 г. Совершенно секретно

[...] В боях агентурно-осведомительная сеть в основной своей массе проявила образцы героизма, за что по 74-й стр [елковой] дивизии награждено и представлено к правительственной награде 66 человек. Так, например, действующий резидент 78 сп «Жаров» за подбитые 2 танка противника представлен к правительственной награде – ордену Отечественной войны 2-й степени. Резидент «Грузев» за подбитые 2 танка из ружья ПТР представлен к награде – ордену Отечественной войны 2-й степени.

В момент, когда во 2-м батальоне 109 сп из дер. Протасово 8.VII–43 г. под натиском танков противника личный состав дрогнул, опасность угрожала прорыву переднего края, «Абрашмов» личным примером увлек бойцов, на месте устраняя возникшую панику, остановил бегущих бойцов, вместе с которыми организовал отбитие атаки противника, за что на 2-й день «Абрашмов» награжден орденом Красной Звезды.

Случаев, предотвращенных в бою, измены Родине агентурой не было. Случаев, предотвращенных, трусости и паники – 5.

Так, например, 11.VII–1943 г., во время контратаки противника на 3-й стрелковый батальон 78 сп, из 7-й роты этого же батальона часть людей стала в беспорядке отступать, что и было предотвращено резидент [ами] «Грузовым», «Зориковым», секретным [осведомителем] «Метан», и атака противника была отбита.

Случаев членовредительства, предотвращенных агентурой, не было, но выявлено было 5 человек в медсанбате к дивизии. Так, секретный осведомитель «Андреев», будучи ориентированным на выявление лиц, поступающих в медсанбат с подозрением на самострел, 15.VII–43 г. сообщил: «Сегодня в медсанбат прибыл раненый красноармеец неизвестной части, назвавший себя «Имановым», имеющий ранение в кисть левой руки, особенно вызывающий сомнение в саморанении. На вопрос: «Из какой вы части?», он отвечает: «Не знаю, знаю только, что часть гвардейская». В красноармейской книжке также нет никакой регистрации, за исключением, что он военнотрудовой 36 минполка».

Иманов нами задержан, и произведено следствие в направлении разоблачения его в членовредительстве, чем и установлено, что Иманов, находясь на переднем крае обороны, нанес себе умышленное саморанение с целью уклониться от службы в армии. [...]

В целях предотвращения случаев измены Родине перед началом боевых действий отделом контрразведки было отведено 7 человек в тылы полков как подозреваемых в измене Родине, как то: по 109-му сп – 4 человека, фигурант д [ела] – формуляра] Морозов, Новиков и другие; по 78-му сп – 3 человека. Но так как полки понесли большие потери в личном составе и тыловые подразделения полков сокращались в личном составе, вместе с отправляемыми кр [асноармей]цами тылов были направлены и фигуранты, ранее отводимые в тылы, в большинстве которых в настоящее время выбыли из строя по ранению.

В целях усиления агентурно-оперативной работы отделом контрразведки с оперативным составом полков было проведено оперативное совещание о перестройке агентурно-оперативной работы в условиях активных боевых действий и озадачивании

---

¹³ Цит. по: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. С. 50–52.

агентуры на предотвращение измены Родине и случаев паники.

Служба заградительных отрядов дивизии по согласованию с командованием была расставлена так, чтобы каждый не только старший оперуполномоченный полка, а и уполномоченный батальона в любой момент мог поддерживать связь и получить помощь от заградотряда.

Зам. начальника отдела контрразведки НКО СМЕРШ 74-й сд.¹⁴

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ ГУКР СМЕРШ
НКО В. С. АБАКУМОВУ
«О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРОВЕРКИ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КОНТРРАЗВЕДКИ
13-й И 70-й АРМИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА
С 12 ПО 30 ИЮЛЯ 1943 г.»

Не ранее 1 августа 1943 г. Совершенно секретно

Согласно Вашему распоряжению мною и ст. оперуполномоченным отделения Главного управления СМЕРШ капитаном т. Зайцевым за время пребывания в отделах СМЕРШ 13-й и 70-й армий и им подчиненных органах контрразведки корпусов, дивизий и бригад с 12 по 30 июля с. г. проделана следующая работа:

а) Проверено состояние агентурно-оперативной работы в отделах контрразведки СМЕРШ (75, 5, 6, 70, 3-й стр. дивизий, 17 ск, 9 тк, 7-й инж [енерно] – сап [ерной] бр [игады], 20-й зен [итной] бригады 80 РАБ 13-й армии) и (106, 140 и 202-й сд 70-й армии), находящихся на передовой линии фронта, в разрезе лично полученных от Вас указаний и Вашей директивы за № 34723 от 18 июля с. г.

б) Оказана практическая помощь армейским аппаратом СМЕРШ 13-й и 70-й армиям и им подчиненным органам в организации агентурно-оперативной работы в период наступательных операций.

в) Даны конкретные указания по отдельным, наиболее перспективным агентурным делам, с учетом выявленных недочетов в работе с агентурой.

г) Ознакомились с чекистскими кадрами армии и отдельных воинских соединений (корпусов, дивизий и бригад) с целью выявления наиболее способных, растущих оперработников для взятия их на учет и дальнейшего изучения на предмет выдвижения на чекистскую руководящую работу.

А в целом суммировали опыт чекистской работы оперсостава в период активных боевых действий с целью использования этого опыта в нашей дальнейшей работе.

Вся эта работа нами проводилась главным образом в низах армии (корпусах, дивизиях, бригадах, полках).

В процессе работы нами было обращено особое внимание на руководство агентурно-оперативной работой со стороны Управления контрразведки СМЕРШ Центрального фронта.

По всем выявленным недочетам затронутых вопросов нами на местах принимались меры к их устранению, за исключением отдельных вопросов, которые могут быть разрешены только Вами.

Данные об оперативной работе органов СМЕРШ фронта

С 1 по 28 июля с. г. на Центральном фронте (по неполным данным) органами СМЕРШ арестовано 517 человек, из них:

шпионов – 29, диверсантов – 3, террористов – 6, изменников Родине – 56, за изменнические настроения – 80, дезертиров – 75, членовредителей – 102, трусов и паникеров – 20, антисоветского элемента – 114, участников к – р организаций – 2 и групп за бандитизм

---

¹⁴ Цит. по: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. С. 130–131.

– 1, пособников оккупантов – 6, за другие преступления – 20. *Итого:* 517.

За этот же период времени осуждено 384 человека, из них к ВМН – 65 человек, в том числе повешено 4 человека.

Наибольшее число арестов произведено отделами СМЕРШ 13-й и 70-й армий. Эти армии принимают активное участие в боях с немецкими захватчиками.

Отделом СМЕРШ 13-й армии арестовано 132 человека, из них шпионов – 3, за изменнические намерения – 17.

Отделом СМЕРШ 70-й армии арестовано 138 человек, в том числе: шпионов – 13, изменников Родине – 32.

Одной из положительных черт в работе органов СМЕРШ 13-й и 70-й армий в период оборонительных и наступательных действий наших частей следует отметить профилактическую работу, проведенную органами контрразведки по линии борьбы с изменой Родине.

В результате своевременного ареста и отвода в тыл лиц с изменническими намерениями с 5 по 31 июля с. г., т. е. с начала боевых действий, в частях 13-й и 70-й армий не отмечено случаев перехода на сторону противника военнослужащих.

В то же время при попытке перехода на сторону врага нашей агентурой и военнослужащими – патриотами своей Родины – уничтожено 10 изменников.

В целях предотвращения возможной паники и для борьбы с трусами, дезертирующими с поля боя, мной совместно с начальниками отдел [ов] СМЕРШ 13-й и 70-й армий во всех дивизиях, бригадах и полках были организованы группы заграждения и заслоны под руководством оперативного состава армий, корпусов, дивизий.

В результате этих мероприятий на участке 13-й и 70-й армий было задержано неорганизованно отходивших с поля боя около 1300 человек военнослужащих, среди которых выявлены трусы и паникеры, дезертиры, членовредители и другой антисоветский элемент.

Большая же часть военнослужащих возвращена в организованном порядке на свои позиции и приняла участие в боях.

Для оказания практической помощи в работе отдельным уполномоченным полков и батальонов в дивизии и бригады были командированы опытные работники из аппарата армий и корпусов. На них же было возложено организовать четкую связь с дивизиями, корпусами и армиями по оперативной отчетности.

Следует отметить, что это мероприятие в целом себя оправдало. Оперативный состав в период боевых действий в 13-й и 70-й армиях показал себя безукоризненно преданным своему делу и долгу Родине. Были случаи, когда отдельные оперативные работники из-за вывода из строя командиров в критический момент принимали на себя командование подразделениями и выполняли поставленные задачи.

Большинство оперативного состава 13-й и 70-й армий представлено к наградам.

Хуже обстоит дело с розыском и поимкой дезертиров. С 1 по 28 июля с. г. из частей фронта дезертировало 38 человек, а задержано и арестовано из них только 24 человека.

Наибольшее количество разысканных дезертиров падает на 2-ю танковую, 48-ю и 60-ю армии.

Из 2-й та (нач. отдела СМЕРШ армии Маковлев) дезертировало 15 человек, а задержано только 4.

Из 48-й армии (нач. отдела СМЕРШ армии Пименов) дезертировало 14, а задержано 4¹⁵.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ УКР СМЕРШ БРЯНСКОГО ФРОНТА
ЗАМ. НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР В. С. АБАКУМОВУ

---

¹⁵ Цит. по: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. С. 85–89.

«ОБ ИТОГАХ ОПЕРАТИВНО-ЧЕКИСТСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ ПОД КОДОВЫМ НАЗВАНИЕМ «ИЗМЕНА РОДИНЕ»

19 июня 1943 г. Совершенно секретно

В мае с. г. наиболее пораженными изменой Родине были 415-я и 356-я сд 61-й армии и 5-я сд 63-й армии, из которых перешли к противнику 23 военнослужащих.

Одной из наиболее эффективных мер борьбы с изменниками Родине, в числе других, было проведение операций по инсценированию под видом групповых сдач в плен к противнику военнослужащих, которые проводились по инициативе Упр [авления] контрразведки СМЕРШ фронта под руководством опытных оперативных работников отделов контрразведки армии.

Операции происходили 2 и 3 июня с. г. на участках 415-й и 356-й сд с задачей: под видом сдачи в плен наших военнослужащих сблизиться с немцами, забросать их гранатами, чтобы противник в будущем каждый переход на его сторону группы или одиночек изменников встречал огнем и уничтожал.

Для проведения операций были отобраны и тщательно проверены три группы военнослужащих 415-й и 356-й сд. В каждую группу входили 4 человека.

В 415-й сд одна группа состояла из разведчиков дивизии, вторая – из штрафников. В 356-й сд создана одна группа из разведчиков дивизии.

В состав групп были подобраны и тщательно проверены смелые, волевые и преданные военнослужащие из числа мл. командиров и красноармейцев.

Привожу характеризующие данные на отдельных участников группы.

Пом. ком [андира] взвода разведроты 356-й сд сержант Васильев, 1920 г. р., уроженец г. Москвы, до призыва в Красную армию проживал там же, русский, член ВЛКСМ, образование 5 кл [ассов], по социоложению – рабочий, не судим.

Окончил курсы разведчиков, участвовал в трех боевых операциях. При выполнении боевой задачи в ночь на 24 мая с. г. первым ворвался в траншею противника, забросал гранатами немцев, своевременно эвакуировал раненых разведчиков. За выполнение боевых заданий награжден медалью «За боевые заслуги».

Красноармеец штрафной роты 415-й сд Дорохов, 1906 г. р., уроженец Тульской обл., русский, по происхождению – из крестьян-бедняков, колхозник, образование 4 класса, б/п, женат, ранее судим за элементы.

Мобилизован в Красную армию в июне 1941 г., под Моздоком в сентябре 1942 г. ранен. В штрафную роту попал после суда по обвинению в дезертирстве из Красной армии.

В окружении и плену не был. Дисциплинированный, волевой, решительный. Охотно изъявил желание искупить свою вину перед Родиной.

Юрин, 1917 г. р., уроженец Челябинской обл., русский, б/п, образование среднее, женат. В Красной армии с 1938 г., имеет два ранения. В окружении и плену не был. В штрафную роту направлен после суда за членовредительство в декабре 1942 г. (взрывом модернизированного взрывателя оторвало один палец). Проявил себя как один из лучших красноармейцев, дисциплинированный и инициативный. При личном знакомстве произвел впечатление серьезного, умеющего выполнить ответственное задание.

Разведчик 415-й сд красноармеец Воронцов, 1914 г. р., уроженец Орджоникидзевого края, русский, по происхождению – из крестьян, образование 4 класса, член ВКП (б) с 1942 г., не судим, холост. В Красной армии служит с 1937 г. Имеет ранение. В плену и окружении не был. Неоднократно участвовал в боевых операциях, инициативный, дисциплинированный разведчик, находчив.

Остальные участники групп характеризуются аналогичными данными.

1792/42
НКВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Всесоюзный трудовой коллектив

Пост. Указом Сталинского рай. Москвы
(наименование органа, возбуждающего дело)

ДЕЛО

№ 5604

По обвинению

Сухарева

Михаила Ивановича

по ст. 58 п. 10 з. 2 ч. 1

кв. 15-42 в 1942 г.

ТОМ № 1 на III листах

Начато *26* " *декабрь* 194 / г.

Окончено *28* " *декабрь* 194 / г.

Количество томов 1

Сухарева 8/15-42/3.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ОРДЕР № 39

Декабрь 26 дня 1941 г.

Выдан сотруднику 3 Спец. Отдела Управления
Д СССР по Московской области _____
Сушангу Минину _____ госбезопасности
Рыжикову _____
Производство *Ареста и обыска*
Сухачева
Михаила Ивановича
Адресу *Измайловское шоссе д. 30/30*

Нач. Управления НКВД СССР
по Московской области *Жадин*

Начальник 3-го Специального отдела
Упр. НКВД СССР по МО *Минин*

Зам. прокурора: *Арест санкционирован Прокурором г. Москвы.*

УНКВД МО. Зак. № 1520

Ордер на арест Сухачева М.И.

1090

Н К О 29

ОТДЕЛ КОНТРАЗВЕДКИ "СМЕРШ" ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ.

"**25** ноября-43г. № 4/ 20154 Совершенно секретно.

НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНТРАЗВЕДКИ "СМЕРШ" НКО
Комиссару государственной безопасности 2-го ранга
тов. А Б А К У М О В У,
г о р о д м о с к в а .

4-го ноября 1943-го года в районе Суин-Аджи, резидентурой УКР "СМЕРШ" СКФ - "ПАНТЕРА", была предпринята операция по захвату местного коменданта и имеющихся при нем документов.

В процессе проведения операции были убиты оказавшие сопротивление начальник 6-го опорного хозяйственного пункта Крыма, зондерфюрер Феликс ГЕРТЕЛЬ и комендант-зондерфюрер Иосиф КОРДА, б. сотрудник особой хозяйственной команды г. Тамань.

Впоследствии оперативной группой была захвачена грузовая автомашина со следовавшим в ней унтер-офицером Августом ШУЛЬЦ, радистом 15-й полевой комендатуры связи. Последний после отображения документов и допроса был расстрелян.

Среди захваченных документов обнаружены: "Особый приказ о мерах поддержания трудовой дисциплины среди туземного населения" и приказ "о порядке эвакуации населения Крымского полуострова".

Подлинники и переводы вышеназванных документов направляю на Ваше распоряжение.-

ПРИЛОЖЕНИЕ: По тексту на " 6 " листах.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА КОНТРАЗВЕДКИ "СМЕРШ"
ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ - полковник

Петросян
ПЕТРОСЯН /

118

Гл. Упр. Контрразведки

№ документа

Классификация

Дата

Документы СМЕРШа

После подбора группы были отведены в тыл дивизий, где проходили под руководством опытных командиров специальную подготовку.

При подготовке особое внимание было обращено на умение участвующих в операции эффективно забросать немцев гранатами и быстро скрыться после выполнения ее. Подготовка осуществлялась на местности, аналогичной предполагаемым районам действия. [...]

Одновременно были намечены конкретные места действия групп, подготовлены планы действия и расчеты артиллерийского и минометного огня для поддержки групп во время

операции.

Места для операции групп были выбраны там, где имелись случаи групповых переходов линии фронта изменниками Родине.

2 июня 1943 г. в районе обороны действовали первая и вторая [группы]. 3 июня с. г. в районе обороны 356-й сд действовала третья группа.

Операций первой группы (разведчики) 415-й сд. 2 июня с. г. в 4.00 группа после сосредоточения на исходном рубеже подползла к немецкому проволочному заграждению, встала и, подняв руки, начала искать проход в проволочном заграждении.

Немцы сразу же заметили идущих и стали звать их к себе. Три немца во главе с офицером вышли навстречу разведчикам, сблизившись с группой у проволочного заграждения на 30 м. Разведчики забросали подошедших немцев гранатами, уничтожив трех немцев, без потерь вернулись обратно. Отход группы поддерживался огнем из всех видов оружия.

Операция второй группы 415-й сд (штрафники). 2 июня с. г. в 3.00 группа сосредоточилась на исходном рубеже в 100 м от противника, недалеко от нашего проволочного заграждения.

В 4.00 двумя партиями по два человека, с поднятыми руками, пошли к проволочному заграждению, один из первых держал в руках белый лист бумаги, означавший немецкую листовку.

При входе к проволочному заграждению немцев группа увидела двух немецких солдат, которые начали указывать место для прохода через заграждение.

Группа, пройдя немецкое проволочное заграждение, заметила, что от последнего к немецким траншеям идут два хода сообщения и в траншеях группу ожидает около 20 немецких солдат.

При подходе к скоплению немцев на 30 м группа забросала немецких солдат гранатами. И после использования всего запаса гранат, под прикрытием артиллерийского минометного огня, отошла в наши окопы.

При отходе два человека из группы получили легкое ранение и сейчас находятся в строю.

Операция третьей группы 156-й сд (разведчики). 3 июня с. г. в 3.00 группа вышла с исходного рубежа и дошла до проволочного заграждения немцев, где была встречена одним немецким солдатом, который их остановил словом «хальт».

Когда старший группы назвал пароль для перехода – «штыки в землю», немец стал показывать дорогу к проходу, находясь от группы в 20 м.

В это время он был забросан гранатами, а группа вернулась в свои траншеи.

По группе был открыт противником огонь, однако никто из нее ранен не был.

Все группы поставленные перед ними задачи выполнили отлично, никаких происшествий за время операций не случилось.

Поставлен вопрос перед Военным советом 61-й армии о награждении участников операций, а также о снятии судимости с группы красноармейцев штрафной роты 415-й сд, принимавших участие.

Отделам контрразведки армии даны указания о проведении аналогичных инсценировок «Измена Родине» в частях, наиболее пораженных переходами военнослужащих к противнику.

Зам. начальника Управления контрразведки

НКО СМЕРШ Брянского фронта¹⁶

---

¹⁶ Цит. по: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. С. 25–28.

СМЕРШ действует

СМЕРШ проводил контрразведывательную работу на территории, освобожденной от противника

В отчетном месяце, в связи с успешным продвижением наших войск, органами СМЕРШ фронта проводилась контрразведывательная работа по разоблачению агентуры противника, предателей и пособников из числа жителей, проживавших на территории, ранее оккупированной немцами.

Для проведения мероприятий по обработке, фильтрации подозрительных лиц были созданы отделами СМЕРШ армий оперативные группы.

В результате из числа задержанных и профильтрованных лиц в августе месяце арестовано органами СМЕРШ 165 изменников Родины, предателей и пособников. Кроме этого, передано: органам НКГБ и НКВД – 561 человек и военной прокуратуре – 69 человек, не связанных ранее и в настоящее время со службой в Красной Армии.

По наиболее характерным арестам из числа арестованных Вам сообщалось докладными записками № 3/13365 и 3/14134 от 15 и 21 августа с. г.

Другими характерными арестами являются: 31 августа с. г. оперативной группой отдела СМЕРШ 60-й стрелковой дивизии задержан и впоследствии арестован бывший староста Никитин, 1906 г. р., русский, грамотный.

Через агентуру и следствием установлено, что Никитин участвовал в карательных немецких отрядах против партизан. Лично сам расстрелял двух партизан и трех повесил, грабил и избивал советских граждан, выдавал немецкому командованию советско-партизанский актив и лиц, настроенных против немецких оккупантов.

Никитин военно-полевым судом приговорен к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение в г. Севске.

4 августа 1943 г. при освобождении от немецких оккупантов Орловской области оперативной группой СМЕРШ 399-й стрелковой дивизии были арестованы: Gladkov, 1891 г. р., б/п, и Маврин, 1918 г. р., б/п. Оба уроженцы Орловской области, проживали на оккупированной немцами территории. Первый служил старостой села, а второй – полицейским.

Произведенным по делу следствием установлено, что Gladkov и Маврин добровольно поступили на службу к немецким властям, всячески помогали им, избивали граждан с. Сухачево, выдавали коммунистов и советский актив села.

Gladkov выдал начальнику Кромской уездной полиции депутата сельского совета Бочарова, коммунистов Иванова и Лаврова, последние два были расстреляны немцами.

На допросе Gladkov показал: «...Проживая на территории, оккупированной германскими войсками, я добровольно пошел на службу старостой, чтобы показать свою преданность немцам. Лично донес начальнику Кромской уездной полиции Злобину о том, что в селах Кромского уезда проживают коммунисты. Я сообщил о депутате сельского совета Бочарове, коммунистах Лаврове, Иванове, Волчанкове и председателе колхоза Корчагине и что эти лица имеют связь с партизанами. После моего доноса немецким карательным отрядом совместно с полицейским Мавриным Лавров, Волчанков и Иванов были пойманы и расстреляны, а Бочаров и Корчагин отправлены в гестапо...»

Допрошенный Маврин подтвердил показания Gladkova и полностью признал себя виновным в совершенных им преступлениях.

Военно-полевым судом Gladkov приговорен к смертной казни через повешение, Маврин – к 20 годам каторжных работ.

18 августа 1943 г. оперативной группой СМЕРШ 70-й армии были задержаны и впоследствии арестованы:

Шиляков, 1919 г. р., б/п, образование 4 класса. В июле 1942 г. сдался в плен немцам. С августа 1942 г. по август 1943 г. работал полицейским и являлся командиром красниковского

карательного отряда по борьбе с партизанами;

Карнюшкин, 1925 г. р., б/п, с октября 1941 г. по август 1943 г. работал полицейским карательного отряда;

Буцаев, 1920 г. р., б/п, с октября 1941 г. по август 1943 г. работал полицейским в карательном отряде по борьбе с партизанами.

Все они уроженцы Орловской области.

Следствием по делу установлено, что осенью 1941 г. в Красниковской волости немцами был организован полицейский карательный отряд по борьбе с партизанами, в который Шиляков, Карнюшкин и Буцаев вступили добровольно, а Шиляков вскоре был назначен командиром этого отряда.

Отряд под руководством Шилякова систематически выезжал на операции по поимке партизан. В декабре месяце 1942 г. отрядом вместе с жандармерией якобы за связь населения с партизанами были полностью сожжены деревни Хитровка и Ждановка, а имущество жителей разграблено.

В марте месяце при наступлении частей Красной Армии красниковский отряд вместе с немцами воевал против советских войск.

В июле 1943 г. начальник штаба немецкой комендатуры г. Кромы Шилякову, Буцаеву и Карнюшкину дал задание на случай отступления немцев остаться на освобожденной территории и, после призыва их в Красную Армию, из рядового состава создавать изменнические группы для перехода к немцам. Следствие продолжается.

Оперативной группой отдела СМЕРШ 29 стрелкового корпуса среди задержанных был разоблачен и арестован предатель Родины Шмычков, работавший с 1 января 1942 г. по август 1943 г. старшиной Гнездиловской волости. За активное выполнение заданий немецких властей в апреле месяце 1943 г. получил от немецкого командования грамоту и 2 га земли, а в мае месяце награжден бронзовой медалью.

О своей предательской деятельности Шмычков на следствии показал: «...Будучи старшиной Ново-Гнездиловской волости, по моему распоряжению и непосредственному участию отобрано у гражданского населения в пользу германских войск 150 голов крупного рогатого скота, 2300 ц хлеба, 2800 ц картофеля, 35 тыс. яиц, 87 кг шерсти и большое количество домашней птицы. Мною «завербован» и отправлен в Германию 131 человек советских граждан. За активную работу в пользу немцев награжден немецким командованием бронзовой медалью, а 20 апреля получил грамоту и 2 га земли...»

Военным трибуналом Шмычков приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение. [...]

Начальник Управления контрразведки СМЕРШ

Центрального фронта генерал-майор *А. ВАДИС*¹⁷

У немцев было большое количество разведывательно-диверсионных школ. Они забросили на территорию нашей страны тысячи своих агентов. СМЕРШ противостоял шпионам и диверсантам. Начальник ГУКР СМЕРШ Виктор Абакумов¹⁸ был противником существовавшего тогда закона о том, что согласие советского человека на сотрудничество с иностранной разведкой уже само по себе является изменой. Он дал указание освобождать явившихся с повинной от уголовного наказания, что резко поднимало эффективность борьбы с вражеской разведкой. Ряд заброшенных на нашу территорию немецких агентов перевербовывали и направляли за линию фронта.

Важным по своему значению для успешных действий советских войск на фронте направлением работы СМЕРШа были так называемые радиоигры с немецкой разведкой. Суть их была проста: взятые с поличным немецкие агенты под контролем советских

---

¹⁷ Цит. по: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. С. 177–181.

¹⁸ *Ленчевский Ю.* В невидимых поединках скрещиваются ШПАГИ. «Граница России», № 48, декабрь, 2013.

чекистов передавали своему руководству дезинформацию. Эта информация не должна была вызывать подозрения у противника, поэтому требовался тонкий, аккуратный подбор ложных сведений, чередовавшихся с правдивыми. К участию в радиоиграх привлекались задержанные и перевербованные немецкие агенты-радисты, а также агенты органов госбезопасности, внедренные в германские разведорганы и переброшенные затем противником на советскую территорию с радиостанциями. Тематика радиоигр была разнообразна. Ведущее направление принадлежало, конечно, военно-стратегической дезинформации. Здесь, естественно, нельзя было обойтись без сотрудничества с Генштабом и Разведупром РККА.

Например, в результате радиоигр «Подрывники» и «Подголосок» было выведено на советскую территорию и арестовано 22 немецких агента. Систематически передавались ложные сведения о передвижении воинских частей и боевой техники по Северной железной дороге. Эта дезинформация позволила ввести немецкие штабы в заблуждение относительно намерений советского командования.

Перевербованный немецкий радист (справа), работающий под контролем сотрудника НКВД

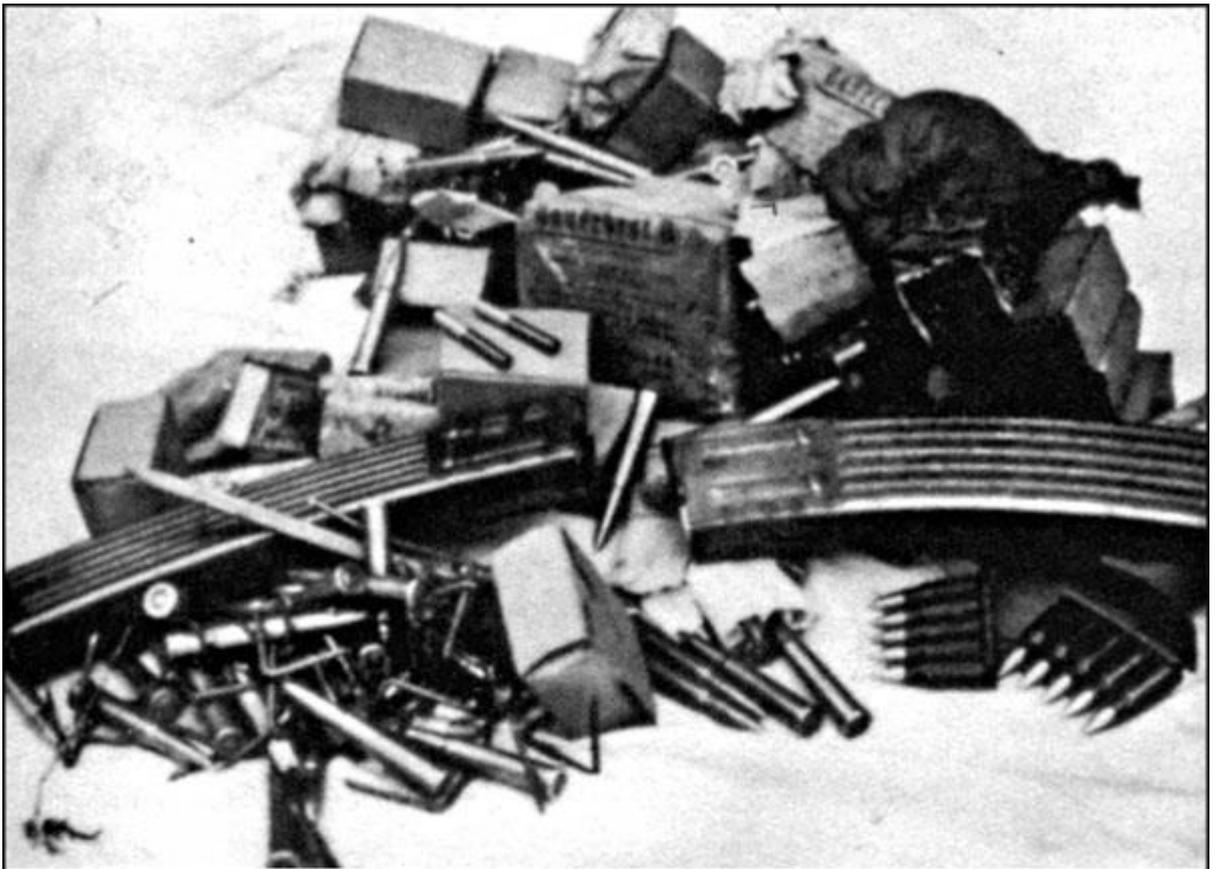
Примечательно, что руководителем радиоигры «Подголосок» был следователь ОКР СМЕРШ лейтенант Федор Абрамов, впоследствии известный писатель. За успешную дезинформацию противника его наградили именными часами.

Изошренность форм и методов гитлеровской разведки, ее высокая активность потребовали от чекистов огромного напряжения сил, профессионального мастерства. В абвере и в СД простофиль не держали. Поединок с ними был чрезвычайно опасен. Помимо абвера на оккупированной территории СССР действовали оперативные группы полиции безопасности и СД, весь путь которых по советской территории отмечен местами массовых уничтожений гражданского населения и военнопленных. Территориальные органы СД насаждали полицейский режим.

Еще до создания СМЕРШа советские контрразведчики занимались зафронтовой разведкой. В одном из немецких органов – абверкоманде-103 – с 1942 года работал

советский контрразведчик А. И. Козлов. За 1942–1945 годы ему удалось передать в Москву информацию о 127 агентах, подготовленных в Борисовской разведшколе, подробно осветить деятельность абверкоманды.

В абверкоманде-104 с лета 1942 года работал советский контрразведчик Мелентий Малышев, внедрившийся в школу под видом перебежчика. Команда производила заброску агентуры, подготовленной в школах в Мишене, Брайтенфурте, Варшаве, Борисове, Валге, Стренчи.

Оружие и боеприпасы, изъятые у немецкой диверсионной группы

Помимо освещения дел внутри команды, Малышев смог добыть ценнейшую оперативную информацию о разведшколе в Валге. Малышев оказал неоценимую пользу СМЕРШу. Он заслуженно был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За оборону Ленинграда».

О деятельности гитлеровской разведшколы советская контрразведка получила исчерпывающую информацию от выпускника спецшколы, бывшего старшего лейтенанта пограничных войск М. Д. Карашенко, явившегося с повинной в СМЕРШ. Обрато он был отправлен через линию фронта с заданием разведывательно-дезинформационного характера и действовал весьма успешно. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Гитлеровцы для своей подрывной деятельности использовали и женщин. В разведывательно-диверсионной школе в Берлине треть из обучающихся составляли женщины. Но не только они. В одну из необычных диверсионных школ врага удалось внедриться нашему разведчику. Ее контингентом были... дети.

В области разведки и диверсии гитлеровцы изощрялись всемерно, и у них возник план использовать в качестве диверсантов подростков. Он основывался на понятном расчете: подростки вряд ли привлекут внимание органов. Да и население будет снисходительно к детям. Такая диверсионная школа была создана в районе города Касселя.

Вскоре советской контрразведке удалось полностью парализовать деятельность диверсионной школы подростков. Для решения этой задачи в район дислокации школы был заслан наш разведчик. Он сумел успешно легализоваться там, завязать знакомство с заместителем начальника школы и склонить его на свою сторону. Удалось вывести в расположение Красной армии всех подростков, проходивших обучение в школе.

Переиграли мы немцев и в радиоиграх.

Охрана Кремля

Служба безопасности – это весьма тонкое, можно сказать, ювелирное дело, успех которого зависит от того, насколько четко личный состав знает свои обязанности, насколько он сообразителен, находчив и вынослив. Сотрудник безопасности, выходя на службу, как правило, не знает, где ему придется быть сегодня, а может, и в ближайшие дни и даже недели. Все связано с жизнью, бытом, деятельностью охраняемого лица и членов его семьи.

В работе сотрудника безопасности не все идет гладко, а порой даже сложно и трагично. Его судьба может зависеть от неправильно истолкованного мимолетного взгляда на охраняемого или на кого-то из членов его семьи, а иногда и от неточного ответа на вопрос.

Так охарактеризовал службу безопасности генерал-майор в отставке Михаил Степанович Докучаев, который 15 лет был одним из руководителей 9 управления КГБ СССР, обеспечившего безопасность высших руководителей Советского Союза.

Служба безопасности во все времена располагалась в Кремле, чтобы находиться в непосредственной близости к высшим советским руководителям, удобно строить и надежно осуществлять их охрану. Ее отличала всегда определенная громоздкость – в Кремле постоянно размещалось большое количество различных ее подразделений. Хотя их личный состав и стремился поменьше показываться на территории Кремля, все же он нарушал установленный в нем порядок.

Особенно многочисленными были подразделения при Сталине ¹⁹.

Основу всех служб безопасности составляет личная охрана, которая выполняет свои обязанности круглосуточно, во всех местах пребывания охраняемых лиц: на работе, на отдыхе, дома, в поездках по стране и за рубеж. Не менее значительна охрана объектов: дач, квартир, государственных и правительственных учреждений. Не уступает им служба материально-технического обеспечения (транспорт, вооружение, средства связи и

---

¹⁹ Охрана руководителей партии и страны насчитывала тогда 21 тысячу сотрудников. При утверждении бюджета Сталин увидел, что расходы на содержание охраны в те тяжелые послевоенные годы составили 2 миллиарда рублей в год, и решил сократить их до уровня минимальной необходимости. В этой связи было уволено 18 тысяч сотрудников охраны. Из оставшихся 3 тысяч человек его личную охрану составляли 26 сотрудников, и примерно 370 человек охраняли и обслуживали три его дачи и квартиру. Это было первое существенное сокращение службы безопасности, осуществленное по инициативе самого Сталина.

специальной техники) и обслуживания: коменданты, персонал дворцов, повара, официантки, сестры-хозяйки, дворники, садовники и т. д., которые также являются сотрудниками безопасности.

Весь этот персонал, начиная от начальника Главного управления до самого низшего по служебной лестнице сотрудника, тщательно подбирался, проверялся, обучался и затем допускался к исполнению своих обязанностей. Несомненно, он отличается своей профессиональной подготовкой и культурой, вышколенностью, честностью, порядочностью и преданностью порученному делу. Подтверждением этому может служить то, что за всю историю службы безопасности со стороны ее сотрудников не было ни одного случая предательства или проявления не только враждебности, но и недоброжелательства к охраняемым лицам или высоким иностранным гостям. Это как раз в полной мере соответствует принципам деятельности службы безопасности: преданность своему делу, патриотизм, интернационализм, высокая культура, постоянная боевая готовность, всесторонние профессиональные знания, самоотдача вплоть до самопожертвования.

Поддержанию службы безопасности в таком состоянии способствует тщательный подбор кадров. Как правило, принимается один из ста кандидатов в сотрудники охраны. Он должен пройти службу в армии или в милиции, в совершенстве владеть оружием, быть хорошо развитым физически и хорошо сложенным, иметь нормальный внешний вид и располагать к себе, быть культурным в общении, грамотным, хорошо разбираться в текущих внутренних и международных событиях. Предпочтение при этом отдается спортсменам и лицам, проявляющим способности в различных видах искусства, музыки, народного творчества.

Личная охрана, как правило, подбирается по усмотрению и желанию охраняемых лиц. Обычно они склонны иметь охрану из представителей той национальности, к которой принадлежат сами. Но по большей части состав охраны бывал смешанным.

В годы Великой Отечественной войны требовалась повышенная бдительность во всех областях жизни страны. Разумеется, усиливалась бдительность в охране первых лиц государства. Война еще больше усилила фактор подготовки и проведения террористических актов против Сталина и его соратников с целью нанести удар по советскому руководству и стране не только на фронте, но и в тылу. В эти годы были задуманы, тщательно готовились и проводились «Цепелином» дерзкие акты по физическому уничтожению руководителей нашей страны, высоких военачальников, ученых и других известных советских деятелей.

Были случаи попыток покушения на государственных деятелей. В 1942 году террорист несколько дней осуществлял наблюдение на Красной площади за работой сотрудников службы безопасности при проезде из Кремля и по улице Куйбышева автомашин с руководителями партии и правительства. Он примелькался службе охраны, и его стали принимать за своего сотрудника. 6 ноября его привезли на Красную площадь на автомашине с оружием, и он представился сотрудником безопасности, назначенным на этот участок для усиления охраны в предпраздничные дни.

Когда из Кремля вышла машина с А. И. Микояном, этот террорист вскочил внутрь Лобного места и открыл оттуда огонь по автомашине. Он стрелял метко и расчетливо, но пули его отскакивали от брони автомобиля. Водитель, почувствовав удары по стеклам, быстро свернул к Васильевскому спуску и ушел от обстрела.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 192 (8600) | Воскресенье, 13 июля 1941 г. | ЦЕНА 15 КОП.

УНИЧТОЖАТЬ ШПИОНОВ И ДИВЕРСАНТОВ!

Советский народ, поднявшийся на борьбу с фашистскими захватчиками, сплочен, как никогда. Пламенный патриотизм | ния войны, которыми пользуются фашистские гады. Все это налагает на советских людей

Статья «Уничтожать шпионов и диверсантов» в газете «Правда» от 13.07.1941 г.

В борьбу с террористом вступили чекисты: лейтенанты Л. А. Степин и Е. А. Вагин и капитан Цыба. В перестрелке был тяжело ранен в ногу лейтенант Степин (впоследствии генерал-майор, скончался 11 сентября 1989 года). Однако капитан Цыба успел метнуть

гранату внутрь Лобного места и тяжело ранил бандита. Цыба и Вагин бросились туда и схватили его. Он скончался, так и не сказав, кто он такой и по чьему заданию совершил террористический акт.

За свой подвиг в борьбе с террористом лейтенант Степин был награжден орденом Красного Знамени, а капитан Цыба и лейтенант Вагин – орденом Красной Звезды.

Из ближней дачи в Кремль Сталин ездил на специально оборудованном автомобиле. Это был «Паккард», однако весьма усиленный броней – своего рода броненосец.

Бронеавтомобиль Сталина

Не секрет, что главы государств и правительств для деловых поездок использовали и используют автомобили усиленных конструкций с противопульной (реже – противоосколочной) защитой.

После войны Иосиф Виссарионович ездил на аспидно-черном лимузине ЗИС-115, специально переоборудованном для него из послевоенной представительской машины ЗИС-110.

От базового автомобиля эта модификация отличалась прежде всего своей начинкой, которая и определяла тактико-технические данные, отличные от ЗИС-110. Одна из основных особенностей ЗИС-115 – увеличенная (со 140 до 180 л. с.) мощность двигателя. Эти 180 «лошадей» под капотом позволяли развивать ЗИСу максимальную скорость до 140 км в час. У ЗИС-110 «потолок» скорости был точно таким же. В чем тогда дело, если ЗИС-115 мощнее?

А дело в главном отличии ЗИС-115 от серийной машины: в достаточно прочной и надежной, но совершенно незаметной для постороннего глаза броневой защите. Обшитые сталью изнутри массивные дверцы способны задерживать не только одиночные pistolетные выстрелы или огонь из автоматического оружия с близкого расстояния, но и очереди крупнокалиберных пулеметов.

Во время проезда по городу, в частности по Арбату, на крышах домов находились снайперы.

Служба безопасности Кремля сумела правильно и эффективно поставить свою работу и надежно защитить наших руководителей и других охраняемых лиц от акций, подготовленных разведкой гитлеровской Германии и различного рода националистически настроенными террористами.

Глава четвертая. Кто противостоял советским спецслужбам

Адмирал Вильгельм Канарис и абвер

Фридрих Вильгельм Канарис родился в 1887 году в семье управляющего металлургическим заводом. Предки – давно онемечившиеся греки. Отсюда фамилия, небольшой рост, характерная внешность и определенная изворотливость характера. Но во всем остальном он был настоящим немецким кадровым офицером, к тому же принадлежавшим к военной элите – молодому флоту.

В 1907 году Канарис закончил морской кадетский корпус в Киле и поступил на флот фенрихом.

Через год Канарис был произведен в лейтенанты флота. Уже офицером служит на торпедном катере, затем на малом крейсере «Дрезден». На нем встретил Первую мировую войну, участвовал в боях в Южной Атлантике. В марте 1915 года «Дрезден», полностью исчерпавший запасы воды и продовольствия, был интернирован чилийскими властями на Мас-а-Тьера. Через несколько дней английская эскадра, нарушив международное право, атаковала крейсер в нейтральных водах. После тяжелого боя команда затопила корабль. В память об этих событиях Канарис в своем рабочем кабинете держал модель «Дрездена».

Проявив недюжинную силу воли, находчивость и мужество, Канарис бежал из лагеря для интернированных моряков, пересек Кордильеры и очутился в Аргентине. Здесь он сумел раздобыть документы на имя некоего Рида Росаса и вернуться в Германию.

Уже в юном возрасте у него проявились врожденные наклонности разведчика. Эти способности разглядело и начальство, возможно, именно поэтому осенью того же 1915 года Канариса направили в Испанию для организации агентурной сети в интересах Военно-морского флота Германии. Из пребывания в Латинской Америке и Испании Канарис вынес свободное, в совершенстве, знание испанского языка. Кроме того, он владел английским, французским и итальянским языками.

Последний год войны Канарис командует подводной лодкой. На его счету три потопленных транспорта противника.

После завершения мировой войны кавалер Железных крестов 1-го и 2-го класса Канарис вовсе не собирается искать капитанскую вакансию в торговом флоте и вообще мириться с новым статусом Германии как третьестепенной европейской державы.

Дата, когда Канарис приступил к исполнению своих обязанностей начальника абвера – 1 января 1935 года, – могла бы показаться случайной, если бы за этим назначением не последовал ряд важных событий.

13 января (то есть всего через две без одного дня недели) в Саарской области проведен плебисцит по единственному вопросу – о возвращении в состав рейха. «За» проголосовал 91 процент избирателей.

9 марта было официально объявлено о создании в Германии военно-воздушных сил.

16 марта в Германии была введена всеобщая воинская обязанность. Объявлено о формировании 36 дивизий полного состава общей численностью около 550 тысяч человек. В честь этого события, означающего фактически полный разрыв с ограничениями Версальского договора, была даже отчеканена серебряная медаль.

26 июня введена обязательная трудовая повинность.

Официально – как одно из средств борьбы с безработицей и трудового воспитания молодежи.

Среди сотрудников центрального аппарата абвера почти не было явных нацистов. На службу в абвер привлекались офицеры из действующих воинских частей, а также из резерва и даже отставники, как правило, имеющие опыт работы в разведке или контрразведке. Многих из них Канарис знал лично как надежных специалистов, которых не надо было учить, что называется, «с чистого листа». Менее всего Канариса интересовали политические взгляды его офицеров – правда, коммунистов и социалистов среди них заведомо быть не могло. Во главу угла он ставил профессионализм и преданность делу – последнее означало и германский традиционный патриотизм. Этим объясняется то обстоятельство, что среди лиц, причастных к заговору против Гитлера 20 июля 1944 года, оказались и сотрудники абвера.

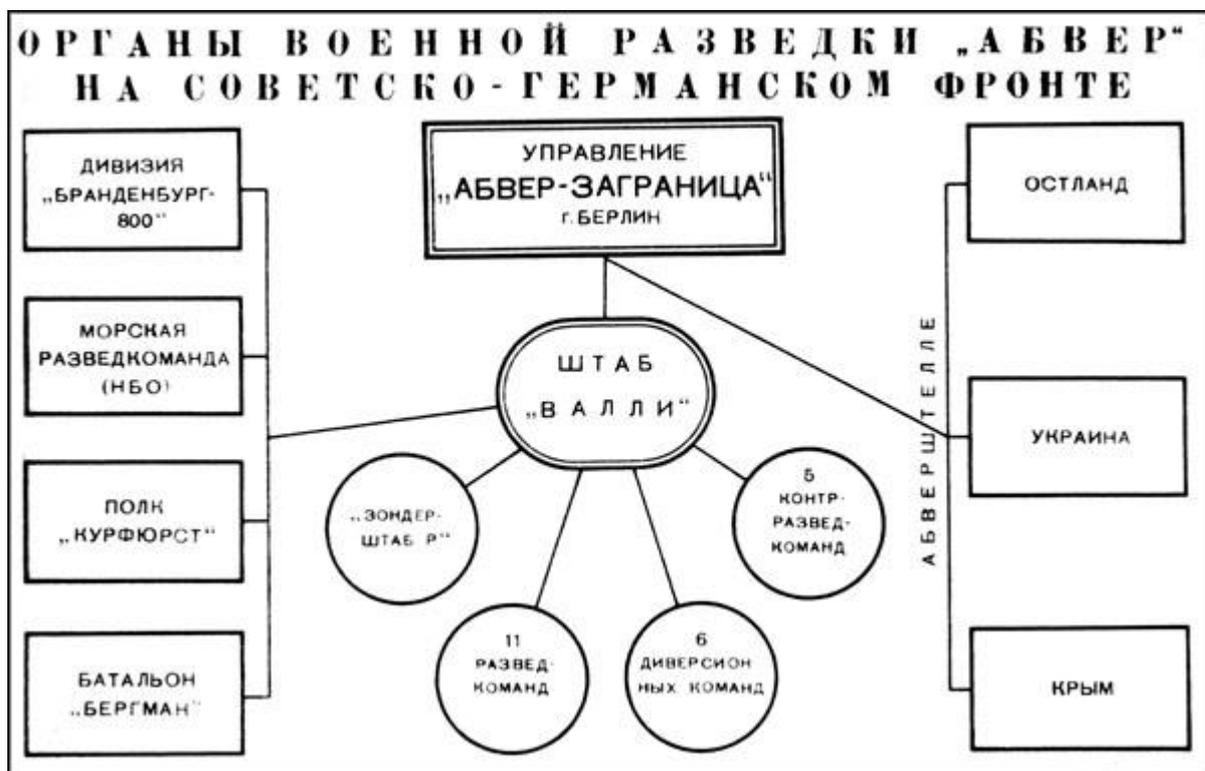
Когда мы смотрим на разработанную Канарисом структуру абвера, распределение обязанностей между многочисленными управлениями и отделами, обращается внимание на четкость взаимодействия между ними, профессионализм подавляющего большинства сотрудников, и не только оперативного, но и административного персонала, и сразу становится очевидно: такой эффективно работающий разведывательный и контрразведывательный орган мог создать за считанные месяцы лишь весьма волевой и целеустремленный лидер. Каковым и был, без сомнения, адмирал Канарис.

Собственно оперативных управлений было три.

Абвер-I осуществлял руководство военной разведкой. Возглавляли управление полковник Ганс Пикенброк (фактический заместитель Канариса) в 1937–1943 годах и полковник Георг Хансен в 1943–1944 годах.

Абвер-II занимался организацией диверсий и шпионажа. До осени 1937 года в его функции входили также радиоперехваты и подслушивание. С 1938 года Абвер-II занимался также психологической войной и созданием в некоторых странах так называемых «Пятых колонн».

В 1938–1939 годах управление возглавлял майор Гельмут Гроскурт, в 1939–1943 годах – полковник, затем генерал-майор Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивермонт, в 1943–1944 годах – полковник Вессель барон фон Фрейтаг-Лоринтофель (был связан с заговорщиками 20 июля. После провала заговора покончил с собой).

Органы военной разведки «Абвер» на советско-германском фронте

Собственно военную контрразведку представлял Абвер-III. В 1939–1944 годах ее возглавлял полковник, затем генерал-майор Франц Арнольд Эккарт фон Бентивеньи.

За короткое время Канарис создал разветвленную сеть своих органов в Германии и за границей. В самом рейхе это были Abwehrstelle – «пункты абвера» при штабах всех военных округов и военно-морских баз.

За границей в странах возможных противников имелись резидентуры, а в союзных и нейтральных странах (Швейцарии, Финляндии, Турции, Греции, Иране, Румынии, Болгарии и других) – так называемые «Kriegsorganisation» («Военные организации»), или КО. Все КО по примеру центра имели подразделения А-I, А-II и А-III. Размещались резидентуры и КО обычно в помещениях посольств и консульств Германии, которым, однако, подотчетны не были.

Разумеется, абвер обладал высокопрофессиональными шифровальной и дешифровальной службами.

Между абвером, с одной стороны, службой безопасности СД и гестапо – с другой, с самого начала установились непростые, порой напряженные отношения, с годами вылившиеся во враждебные. За нормальным соперничеством спецслужб скрывалась достаточно глубокая политическая неприязнь. И СД, и гестапо не просто недолго любили абвер, но относились к сотрудникам абвера (включая шефа) с плохо скрываемым недоверием и даже подозрением. И СД, и гестапо, а позднее РСХА в целом всегда стремились подчинить себе, а еще лучше – поглотить военную разведку и контрразведку.

Несмотря на взаимное недоверие, хорошие отношения с Гейдрихом были крайне необходимы для работы Канариса. При всей взаимной сдержанности у него была возможность своевременно услышать о планах и мероприятиях СД. Хотя Гейдрих не доверял Канарису, он, похоже, все же ценил личные контакты с ним. В связи с

обстоятельствами своего увольнения из морского флота он был полон недоверия к вермахту. Он также знал, что большинство из высокопоставленных офицеров флота и армии смотрели на него как на ренегата и по возможности избегали с ним личных контактов. Поэтому Гейдрих считал контакты с семьей Канариса, несмотря на все предубеждения, полезными и часто в беседах с шефом абвера заходил дальше, чем вначале «планировал».

Первые годы соперничество между СД, гестапо и абвером носило относительно цивилизованный характер. Абвер был органом армии, а в преддверии воссоздания для начала полумиллионного вермахта ни Гиммлер, ни Гейдрих не смели вступать в острое столкновение с военной разведкой и контрразведкой. Фюрер на данном этапе ничего подобного им бы просто не позволил.

После поглощения Германией Австрии и расчленения Чехословакии абвер оказался в чрезвычайно выгодном положении. Генералы высшего звена, в том числе военный министр фон Бломберг (ставший первым, кого Гитлер произвел в генерал-фельдмаршалы), командующие видами войск, увлеченные новыми задачами быстрого воссоздания вермахта, его первыми серьезными успехами, фактически предоставили Канарису полную свободу действий в пределах его компетенции. Ему не отказывали ни в расширении, причем весьма существенном, штатов, ни в финансировании, в том числе твердой валютой, ни в техническом и материальном обеспечении.

После окончательного укомплектования только в административном аппарате абвера работали свыше четырех тысяч сотрудников, в периферийных органах – еще тридцать тысяч штатных и свыше тридцати тысяч нештатных сотрудников.

Капитан 1-го ранга резерва Вильгельм Канарис был произведен в контр-адмиралы, а затем в вице-адмиралы, и не резерва, а в действительные. Повышены в званиях были и все руководители управлений и отделов.

Генрих Гиммлер, Рейнгард Гейдрих, Эрнст Кальтенбруннер и Вальтер Шелленберг

Генрих Гиммлер – один из главных военных преступников. С 1925 года – член социалистической немецкой рабочей партии НСДАП.

С января 1929 года – рейхсфюрер СС, в 1931 году организовал службу безопасности СД. Один из инициаторов создания концентрационных лагерей, массового террора против противников нацистов. В 1934 году возглавил оперативное руководство гестапо в Пруссии, а с 1936 года – шеф немецкой полиции. (Гестапо Гегайме Штаатс – полицай – Geheime Staatspolizei, система органов политического сыска и контрразведки нацистской Германии, вместе с уголовной полицией составлявшая «полицию безопасности» – 3 ИПР.)

Гитлер активно участвовал в подготовке и развязывании Второй мировой войны, нападения на СССР. Разрабатывал и осуществлял политику насильственного уничтожения славянских и других народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, угон в Германию населения оккупированных территорий.

В 1941 году на Гиммлера возложена организация карательной политики немцев против советских людей, в 1942 году – борьба с партизанским движением на оккупированной советской территории. С 1943 года Гиммлер – министр внутренних дел Германии. В 1944 году – главнокомандующий армией резерва, с 1945 года – фольксштурма и «вервольфа»; с лета 1944 года – командующий группой армий «Верхний Рейн» на Западном фронте, в начале 1945 года – группой армий «Висла» на советско-германском фронте. Пытался заключить соглашение о сепаратном перемирии с западными державами. По «завещанию» Гитлера смещался со всех постов, исключался из партии. В мае 1945 года, после ареста союзническими войсками, покончил жизнь самоубийством.

Довольно долго никто в окружении Гитлера назначению Гиммлера в январе 1929 года рейхсфюрером СС особого значения не придавал. В их глазах это была должность всего лишь начальника личной охраны фюрера – должность ответственная, почетная, однако к большой

политике никакого отношения не имеющая.

В первый же год Гиммлер довел численность СС до тысячи человек и не собирался на этом останавливаться. Формально он имел право иметь в рядах охранных отрядов лишь 10 процентов от численности СА, которых тогда было 60 тысяч. Гитлер во всем поддерживал рейхсфюрера и в 1930 году фактически предоставил СС полную самостоятельность. К концу этого года численность СС утроилась, и никто из руководителей СА отныне не имел права отдавать какие-либо приказания охранным отрядам.

В декабре 1931 года в СС было уже почти 15 тысяч бойцов, в июне 1932 года – уже 30 тысяч!

Вступить в СС было непросто. Процедура растягивалась во времени, и на каждом этапе кандидат подвергался тщательному изучению и проверке.

Принимали в СС молодых людей, отвечающих высоким физическим кондициям, не судимых, не имеющих вредных привычек, безусловно преданных фюреру Адольфу Гитлеру и отвечающих жестким стандартам расовой чистоты. Кандидат в СС должен был документально подтвердить незамутненность своей арийской крови до 1800 года, претендующий на офицерское звание – до 1750 года. Такие же высокие требования предъявлялись и к невестам ээсовцев. В возрасте от 25 до 30 лет ээсовец должен был обзавестись семьей. (Так что безмятежная холостяцкая жизнь киноштандартфюрера Штирлица была немыслима изначально. Его следовало хотя бы сделать вдовцом...)

Наступил момент, когда Гитлер счел необходимым, вернее, решил, что наступила пора создать собственную партийную разведку и контрразведку. Для легальной, парламентской партии решение беспрецедентное. И сформировать ее поручил рейхсфюреру СС на основе и в рамках СС. И Гиммлер в поразительно короткий срок создал собственную политическую спецслужбу и полицию, причем в отношении сбора информации гораздо более эффективную, нежели существующие в государственной криминальной полиции малочисленные отделы полиции политической.

Если решение этой задачи Гитлер поручил Гиммлеру, то рейхсфюрер для ее практического воплощения также нашел самого, как оказалось, подходящего человека.

Его звали Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих. Рейнхард Гейдрих родился в 1904 году в городе Галле в семье композитора и директора местной консерватории. Музыкальной была вся семья, и Рейнхард с детства прекрасно играл на скрипке. (Отсюда его второе прозвище в СС – «Скрипач».) Специалисты прочили ему блистательное будущее именно на этом поприще...

Гейдрих прошел полный курс обучения в школе морской связи и продолжил службу офицером связи на Военно-морской станции «Остзее», на крейсере «Брауншвейг», на флагмане «Шлезвиг-Гольштейн». В 1928 году его произвели в обер-лейтенанты флота, и... на этом его карьера в кригсмарине, к сожалению, завершилась.

Гиммлер тут же предложил отставному обер-лейтенанту флота взяться за организацию службы безопасности и присвоил ему сразу звание штурмфюрера СС!

Гейдрих рьяно принялся за дело и вскоре представил Гиммлеру проект будущей службы безопасности – Sicherheitsdienst – SD – при рейхсфюрере СС. Гиммлер был донельзя доволен прекрасно исполненной работой своего нового сотрудника. Еще бы! Ведь еще 25 января 1932 года он уже был назначен Гитлером начальником службы безопасности СС, которая расположилась в Коричневом доме штаба партии – перестроенном дворце на Бриннерштрассе, 45 в Мюнхене.

Естественно, заместителем Гиммлера в этой должности, а затем и его преемником стал Гейдрих. Так скрипач, фехтовальщик и моряк обрел свое подлинное призвание – всеохватный шпионаж и террор.

Шеф РСХА, обергруппенфюрер СС Рейнгардт Гейдрих

Карьера Гейдриха развивалась стремительно. В июле 1932 года он уже штандартенфюрер СС, в 1933 – бригадефюрер СС.

Вначале СД было отделом в составе Управления СС. После прихода Гитлера к власти

отдел был развернут в Управление, а в 1934 году – в Главное управление СД.

Параллельно с развитием и укреплением СС в целом Гейдрих создавал сеть осведомителей во всех слоях германского общества, а также – смотрел далеко вперед – и за рубежом. Эту агентуру он вербовал в первую очередь из числа этнических немцев, сохраняющих связь с фатерландом, а также лиц и не германского происхождения, но разделяющих нацистскую идеологию. Таковые нашлись даже в среде британской аристократии и арабского духовенства.

Таким образом, в недрах НСДАП к 1933–1934 годам было сформировано ядро настоящей спецслужбы, которая впоследствии и очень скоро станет одной из самых эффективных и жестоких в мире.

НСДАП после 1933 года была единственной правящей партией в мире, которая при наличии государственных спецслужб (политическая и уголовная полиция, военная контрразведка – абвер) имела собственную спецслужбу, обслуживающую через посредничество рейхсфюрера СС лично Адольфа Гитлера, являющегося одновременно и рейхсканцлером, то есть главой правительства, и фюрером партии.

Будучи мощной внешней и внутренней разведкой, однако, всегда оставалась сугубо партийным органом, формально не обладала какими-либо властными полномочиями, например, не могла производить обыски, задержания, аресты, отдавать распоряжения о превентивном заключении в концлагерь и т. п.

Правда, в этом СД особо и не нуждалась. Дело в том, что руководители обеих государственных полиций, обладавших такими властными полномочиями, – шеф гестапо Генрих Мюллер и шеф уголовной полиции (крипо) Артур Небе – сами являлись высокопоставленными офицерами СД в ранге группенфюреров. К тому же позднее они уже и напрямую стали подчиняться Гимmlеру, когда тот стал шефом всей германской полиции, и... Гейдриху, когда тот помимо СД возглавил и государственную полицию (зипо), в которую вошли гестапо и крипо.

Гейдрих прекрасно понимал, что людей, пригодных для тонкой профессиональной работы, отыскать среди обычных эсэсовцев будет довольно затруднительно. И он обратил свой взор туда, куда зычноголосые нацистские ораторы заглядывали редко: в университеты, научные центры и общества, в круги юридической, творческой и технической элиты.

Их наиболее яркими представителями были из сделавших серьезную карьеру Вальтер Шелленберг и Отто Олендорф, из офицеров среднего звена – Адольф Эйхман.

Где размещались гитлеровские спецслужбы?

Гестапо расположилось в импозантном пятиэтажном здании в стиле модерн, в котором некогда находилась Школа прикладных и декоративных искусств по Принц-Альбрехтштрассе, 8.

В 1933 году в это здание въехало около 200 сотрудников нового учреждения. Через год в центральном аппарате работало уже 650 гестаповцев.

В ноябре 1934 года из Мюнхена в Берлин перебралось все руководство СС и разместилось в бывшем отеле «Принц Альбрехт» на Принц-Альбрехтштрассе, 9. Это здание в обиходе стали называть «Домом СС». Служба безопасности СД заняла примыкающее, но выходящее уже на Вильгельмштрассе, 102, здание, ранее известное как «Принц-Альбрехт-Палар».

Управления СС, СД и гестапо занимали в разных районах Берлина от Вайсензее на востоке до Ванзее на западе свыше тридцати зданий, сотни конспиративных квартир.

IV службу РСХА, гестапо, возглавлял Генрих Мюллер. Фактически он становится заместителем Гейдриха по второму, ключевому, отделу гестапо, ведавшему преследованием всех «врагов государства и народа». Он лично возглавляет и подразделение, ответственное за картотеку и сбор документации. (На 1 января 1939 года картотека состояла из 1 миллиона 980 тысяч 558 личных карточек и 641 тысячи 497 личных дел.)

Управление Амт-IV составили оперативные отделы гестапо. Возглавил управление оберфюрер СС, полковник полиции и рейхскриминальديرектор Генрих Мюллер

(впоследствии группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции).

Управление Амт-IV составили оперативные отделы СД-заграница (аусланд, или внешняя разведка). Возглавил управление бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Гейнц Йост.

После смерти Гейдриха 4 июня 1942 года обязанности шефа РСХА исполнял сам Генрих Гиммлер. Только 30 января 1943 года руководителем РСХА был назначен обергруппенфюрер СС и генерал полиции Эрнст Кальтенбруннер. Однако Гиммлер поручил преемнику Гейдриха заниматься в основном СД, фактически сохранив за собой контроль над полицией безопасности, то есть гестапо и крипо.

* * *

Ярким интеллектуалом, которого Гейдрих привлек на службу в свое любимое детище – СД, был Вальтер Шелленберг.

После смерти Гейдриха 4 июня 1942 года кандидатура Шелленберга, как и Мюллера, серьезно рассматривалась на пост шефа РСХА. Рассмотрение велось более полугода, и все это время должность покойного исполнял по совместительству сам Гиммлер.

В конце концов шефом РСХА оказался никому в Германии не ведомый австриец Эрнст Кальтенбруннер, высший фюрер СС и полиции в Вене, в прошлом адвокат – огромный, почти двухметровый детина с длинным лошадиным лицом, изрубленным дуэльными шрамами, с желтыми прокуренными зубами.

Тяжелый алкоголик, Кальтенбруннер к полудню обычно бывал в полувменяемом состоянии, что вполне устраивало и Гиммлера, и Мюллера, и Шелленберга. Сам Кальтенбруннер – и это вполне соответствовало его мрачной внешности – имел склонность исключительно к делам репрессивным, еще в бытность свою в Австрии он непосредственно руководил созданием там лагеря смерти Маутхаузен.

Шелленберг стал профессионалом из «любителей», иначе говоря, вырос в руководителя контрразведки гестапо, затем и шефа внешней разведки СС из рядового осведомителя. Карьера поразительная, уже сама по себе говорящая о незаурядных способностях Шелленберга, ну и, разумеется, известной доле везения.

Предусмотрительный (хотя внешне и производил впечатление бесшабашного игрока и бонвивана) Шелленберг не был жестоким человеком от природы, он никогда не прибегал к «острым формам» допросов арестованных (да это и не входило в его обязанности шефа внешней разведки).

В 1933 году Шелленберг успешно закончил юридический факультет Боннского университета и в том же году, уже будучи членом НСДАП, вступил в СС, а затем и в СД, осведомителем которой стал еще в студенческую пору. Членство в НСДАП и в двух ее элитных организациях уже само по себе открывало перед ним радужные перспективы по части карьеры.

СД как спецслужба с самого начала приняла на вооружение террористические методы. Номинально не имея права даже арестовать кого-либо в Германии, оно спокойно было готово осуществить похищение высокопоставленного иностранца или физически уничтожить политэмигранта, находящихся за границей. В данном случае теракты не удались. Но сегодня невозможно даже подсчитать, сколько похищений и тайных убийств действительно состоялось при участии того же интеллектуала Шелленберга.

Гейдрих ценил организаторские и аналитические способности Шелленберга, его высокий интеллект и разносторонние знания. Ко всему прочему, Гейдриху просто неинтересно было разговаривать с остальными своими подчиненными на какие-либо темы, хоть чуть-чуть отклоняющиеся от чисто служебных.

Когда в 1939 году было образовано РСХА, Шелленберг был назначен начальником отдела Е-4 в управлении Амт-IV, ранее известном как гестапо; отдел занимался контрразведкой, то есть борьбой со шпионажем, как в самой Германии, так и в

оккупированных ею странах. Шеф Амт-IV рейхскриминальдириктор и оберфюрер СС Генрих Мюллер не был слишком обрадован этим назначением. Он прекрасно понимал, что его новый подчиненный (цену которому он прекрасно знал) как офицер СД в своей работе будет ориентироваться непосредственно на Гейдриха. (Через пять лет Мюллер со злорадством мелко отомстит Шелленбергу, приказав ему лично арестовать адмирала Канариса, хотя мог поручить это любому своему подчиненному самого скромного звания. Мюллер и Шелленберг в это время занимали равные должности – начальников управлений РСХА, но Мюллеру, как шефу зондеркомиссии, расследующей дело о покушении на Гитлера 20 июля 1944 года, были предоставлены особые полномочия. Шеф гестапо знал, что Шелленбергу выполнить этот приказ будет весьма неприятно ввиду особых отношений его с Канарисом как с коллегой по разведке.)

Мюллер всегда был неприятен Шелленбергу. В этом назначении Шелленберга несколько утешало одно – им не приходилось каждодневно встречаться нос к носу. Кабинет начальника гестапо находился на Принц-Альбрехтштрассе, 8, отдел же контрразведки располагался на Курфюрстендам, 140.

С началом Второй мировой войны Гейдрих понял, что разведывательная работа Амт-VI (бывшего СД-заграница) в РСХА поставлена далеко не на профессиональном уровне. Военная разведка адмирала Канариса во всех отношениях ее превосходила. И уж совсем выводило из себя шефа СД, что она порой уступала даже той информации, которую собирали «чистые» дипломаты из ведомства ненавидимого им министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа.

Одно из объяснений этого феномена превосходства абвера он понимал, хотя признаться в этом боялся даже самому себе: сотрудники военной разведки, настоящие офицеры, а не «фюреры» с разными приставками, были куда менее политизированы и идеологизированы, нежели последние. Они больше думали о деле, нежели о превосходстве арийской расы над всеми остальными. Понимал это и Шелленберг, но только после войны, закончившейся полным разгромом гитлеровской Германии, уже ничем не рискуя, решил признаться.

22 июня 1941 года исполняющим обязанности шефа Амт-VI был назначен оберштурмбаннфюрер Вальтер Шелленберг. Ровно через год он был в этой должности утвержден...

Предприятие «Цеппелин». СД и «Гехаймфельдполицай» (ГФП)

Для осуществления своих планов по разгрому Советского Союза главари гитлеровской Германии привели в действие весь огромный аппарат спецслужб. На советско-германский фронт были брошены основные силы военной разведки Германии – абвер, службы безопасности – СД. Разведывательные органы немцев забрасывали в тыл Красной армии тысячи шпионов, диверсантов и террористов. Главное управление имперской безопасности – РСХА – создало особый разведывательно-диверсионный орган принципиально нового (с точки зрения авторов идеи) типа «Унтернемен», «Цеппелин» – «Предприятие Цеппелин». Этот орган входил в состав АМТ-VI РСХА и подчинялся непосредственно Вальтеру Шелленбергу – начальнику VI управления – зарубежная разведка СД. От «Цеппелина» требовали подорвать морально-политическое единство СССР, ослабить экономические возможности Советского Союза путем диверсий, саботажа, террора и других средств. «Цеппелин» тесно взаимодействовал с абвером, главным штабом командования немецкой армии и императорским министерством по делам оккупированных восточных областей.

В действующей армии Германии полицейским исполнительным органом военной контрразведки была тайная полевая полиция – «гехаймфельдполицай» ГФП – военный аналог гестапо. Была и полевая военная полиция. У ее служащих была нашейная металлическая бляха фельджандармерии – полевой военной полиции, в солдатском жаргоне – «собачий ошейник».

ГФП выполняла функции гестапо в зоне боевых действий, а также в ближайших

армейских и фронтовых тылах. Органы ГФП проводили контрразведывательную и карательную деятельность в оккупированных районах, вблизи линии фронта. ГФП имела свою агентуру. Вот такой противник противостоял нашим контрразведчикам.

Для нормальной деятельности воинской части необходимы: служба, обеспечивающая связь, медицинская служба и контрразведка. Особисты, а с апреля 1943 года – сотрудники контрразведки ГУКР СМЕРШ НКО СССР обеспечивали агентурно-оперативное обслуживание. Ни одна воинская часть не может обойтись без этого. Военные контрразведчики противостояли агентуре противника.

Абвер, «Цепелин», Гехаймфельдполицай – ГФП, фельджандармерия – противостояли Советскому Союзу. А кто руководил этими структурами?

Лахузен-Вивремонт Эрвин Эдлер (1897–1955) – один из руководителей абвера, генерал-майор вермахта. Военное образование получил в Терезианской военной академии. Участник Первой мировой войны. После ее окончания служил в австрийской армии. В 1933 году окончил Академию Генерального штаба Австрии. С 1933-го – офицер разведки 2-й дивизии. В конце 1935 года назначен в формирующуюся службу информации Генерального штаба Австрии, один из создателей и руководитель австрийской военной разведки. После аншлюса Австрии в 1938 году вместе со своим отделом переведен в абвер, назначен заместителем начальника отдела Абвер-1. С 1939-го – начальник 2 отдела абвера. В 1943 году заменен полковником бароном В. Фрейтагом-Лорингхофеном и назначен командиром 41 гренадерского полка на Восточном фронте. С декабря 1944 года – начальник разведывательного бюро 17 военного округа (Вена). В мае 1945 года арестован американскими оккупационными властями, содержался в особом центре Бад-Нендорф. Сотрудничал с американской разведкой, привлекался в качестве свидетеля обвинения на процессе в Нюрнберге. Освобожден. Жил в Австрии.

Пиккенброк Ганс (1893–1959) – один из руководителей абвера, генерал-лейтенант. С 1913 года – на военной службе. Участник Первой мировой войны. В 1937 году был назначен начальником 1 отдела абвера, позднее одновременно замещал начальника абвера адмирала В. Канариса. Организатор политической, технической и военной разведки. Инициатор установления деловых связей с разведками стран – союзниц Третьего рейха. Осуществлял общее руководство разведывательными акциями во многих странах мира, один из организаторов так называемых «пятых колонн». С марта 1943 года – командир пехотного полка на Восточном фронте, командир 208-й пехотной дивизии. Взят в плен советскими частями на территории Чехословакии. Содержался в тюрьмах Москвы и Владимира. 26 марта 1952 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к 25 годам заключения в лагерях. 11 октября 1955 года передан в качестве неамнистированного заключенного в ФРГ, освобожден.

Панцингер (или Патцингер) Фридрих (1903–1959) – бригадефюрер СС, один из руководителей СД. В 1920–1930 годах служил в мюнхенской полиции, в октябре 1931 переведен в Берлин. С того же года – член нацистской партии. С 1939-го – в СС. С 1943 года – начальник полиции безопасности и СД Латвии, одновременно начальник айнзатцгруппы А. В мае 1944 вернулся в Берлин. После провала Июльского заговора 1944 года назначен начальником V управления РСХА. После капитуляции рейха скрывался, пользуясь чужими документами. 18 ноября 1946 был арестован советской контрразведкой. В марте 1952 был приговорен к 25 годам лишения свободы. В октябре 1955 года был передан властям ФРГ. Покончил жизнь самоубийством.

Моос (псевдоним «Марвиц») – майор вермахта, начальник Варшавской разведшколы абвера. Проживал в Кенигсберге. С октября 1941 по апрель 1945 года возглавлял Варшавскую разведшколу абвера, до мая 1941-го – сотрудник АСТ «Кенигсберг», с мая по август – заместитель начальника разведшколы в местечке Мишен, затем – заместитель начальника Абвергруппы-111 16-й армии вермахта. В апреле 1945 года пропал без вести.

Решетников Игорь Леонидович (1920–?) уроженец Новгородской губернии, житель г. Луга. Оберштурмфюрер СС, командир роты диверсантов «Ягвербанд-Ост». Арестован

контрразведкой СМЕРШ в 1944 году. Расстрелян.

И это далеко не полный список тех, кто и участвовал, и руководил, и обеспечивал поддержку разведывательно-диверсионным службам, чья деятельность была направлена против советской стороны в годы Второй мировой войны.

А как же сотни и тысячи рядовых членов диверсионных и разведывательных групп, чьи имена не сохранились? Кто они? В основном военнопленные, доведенные до отчаяния в концлагерях, стоящие перед выбором – голодная смерть или возможность вырваться из-за колючей проволоки.

Именно на военнопленных – вчерашних солдат и командиров Красной армии – делали ставку пропагандисты и вербовщики из Русской освободительной армии и абвера, различных эмигрантских организаций.

Абвер подошел к отбору будущих диверсантов из военнопленных со всей скрупулезностью и осторожностью, разработав настоящую «концепцию» в этом направлении.

Не отставали от абвера и пропагандисты из РОА генерала А. А. Власова, но они делали ставку на массовость, считая, что настоящий «отсев» из военнопленных пройдет в учебных центрах и боевых подразделениях. Но и офицеры РОА не отказались от инструкций абвера.

Эмигранты, работающие в лагерях для военнопленных, ставили перед собой целью не столько вербовку, сколько пропаганду своих «старорусских» идей в среде советских людей. А уже после соответствующей «обработки» могла идти речь и об использовании «неофитов» на практической работе.

Взглянем непредвзято на это «произведение» и мы.

Немцы уделяли большое внимание идеологической обработке военнопленных. Она должна быть разнообразной по форме и содержанию. В их сознание необходимо внедрять уверенность немецкого солдата в победе, чувство смертельной вражды с большевизмом, обращаться к их чувству собственного достоинства, убеждать в возможности активного участия в освобождении своей Родины. Для их идеологической обработки использовать постоянную заботу о них, оборудование их жилища по-домашнему, обеспечение газетами и книгами, немецкими пропагандистскими материалами, наглядную агитацию (портреты фюрера), а также организацию разных игр и посещение кино.

Органы СМЕРШ информируют военные советы и командование соответствующих частей, соединений и учреждений Красной армии по вопросам своей работы: о результатах борьбы с агентурой противника, о проникших в части армии антисоветских элементах, о результатах борьбы с изменой Родине и предательством, дезертирством, членовредительством. Недостатка предателей немцы не испытывали. Вот некоторые из них.

Егоров Евгений Арсентьевич (1891–1950) – генерал-майор Красной армии, командир 4 стрелкового корпуса Западного фронта. В Красной армии с 1918 года, участник Гражданской войны, коммунист с 1927 года. Кавалер ордена Красного Знамени. Попал в плен в июне 1941 года вблизи г. Гродно. Содержался в офицерском лагере близ г. Сувалки, затем в Хаммельбурге, где принимал активное участие в работе ВС КОНР. Участвовал в боевых операциях в советском тылу. Расстрелян в апреле 1950 года.

Жиленков Георгий Николаевич (1910–1946) – генерал-лейтенант ВС КОНР. Родился в Воронеже. С августа 1929 года – на освобожденной комсомольской работе, ответственный секретарь районного комитета комсомола. В 1931 году окончил индустриально-технический техникум в Москве. В 1931–1934 годах – директор ремесленной школы при заводе «Калибр»; с июля 1938-го – секретарь парткома завода. С января 1940 года – секретарь Ростокинского районного комитета большевиков Москвы. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. С июня 1941 года – член Военного совета 32-й армии Западного фронта, бригадный комиссар. 14 октября того же года взят в плен под Вязьмой. До мая 1942 служил шофером в транспортной колонне 252-й пехотной дивизии под фамилией Максимов. 23 мая 1942 года арестован по доносу. На допросе сообщил настоящие сведения о себе. После заявления о желании бороться против большевизма отправлен в Берлин. С августа 1942 –

начальник организационно-пропагандистского отдела. С января 1943 года – в Берлине, редактор газеты «Доброволец». В апреле 1943 выехал в Псков, где формировал гвардейскую бригаду РОА, участвовал в боевых операциях против советских партизан и в советском тылу, в июле отозван в Берлин. С ноября 1944 года – член Президиума КОНР, начальник его Управления пропаганды, главный редактор газеты «Воля Народа». В конце апреля 1945 года выехал в сторону швейцарской границы для ведения переговоров с представителями американского командования о предоставлении убежища для ВС КОНР. 18 мая 1945 интернирован американцами, 1 мая 1946 года выдан СССР. Через три месяца казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Мальшкин Василий Федорович (1896–1946) – генерал-майор Красной армии, генерал-майор ВС КОНР. Из служащих. Окончил новочеркасскую гимназию. С 1916 года – рядовой 252 запасного пехотного полка. Окончил Чугуевское военное училище, служил младшим офицером. В Красной армии с 1918 года, участник Гражданской войны, дважды ранен, награжден орденом Красного Знамени. Коммунист с 1919 года. С октября 1924 года – на учебе в Военной академии Красной армии. В 1930-м – начальник штаба курсов «Выстрел», затем начальник сектора управления военно-учебных заведений, начальник Киевской пехотной школы. В 1938 году арестован как «участник антисоветского заговора в Красной армии». Дело прекращено (попал в так называемую «бериевскую оттепель»). Реабилитирован, назначен преподавателем Академии Генштаба. В июне 1941 года занял должность начальника штаба 19-й армии Западного фронта, комбриг. Попал в плен под Вязьмой, назвался рядовым Володиным, но был выдан одним из сотрудников штаба армии. Помещен в Смоленский офицерский лагерь для военнопленных. С апреля 1942 года – на курсах пропагандистов Вульхайде, был назначен преподавателем и помощником по руководству занятиями. При содействии В. К. Штрик-Штрикфельдта²⁰ переведен в Берлин в отдел пропаганды ОКВ, где познакомился с А. А. Власовым. В 1943 году в Летценском лагере дал показания о планах советского руководства в отношении Германии на 1941 год. Участвовал в редактировании газеты «Заря», руководил 1-й Антибольшевистской конференцией бывших бойцов и командиров Красной армии, проходившей в Дабендорфе. С ноября 1944 года – член Президиума КОНР, начальник его Главного организационного управления. Возглавлял всю работу по организации деятельности КОНР. В апреле 1945 года получил от генерала А. А. Власова полномочия на ведение переговоров с представителями англо-американских войск о получении руководством ВС КОНР политического убежища. Интернирован американскими военнослужащими. Содержался в лагерях интернированных, где написал «Записку» о подготовке командного состава Красной армии и работе Академии Генштаба. В мае 1945 года передан в советскую зону. Приговорен советским судом к высшей мере наказания. Казнен.

Каминский Бронислав Станиславович (1899–1944) – бригадфюрер СС, создатель Локотского округа самоуправления и Национал-социалистической трудовой рабочей партии. Уроженец Полоцкого уезда Витебской губернии, поляк, из мешан. В 1917 году – студент Петроградского политехнического института. В 1918-м добровольно вступил в Красную армию, демобилизован в 1921 году. Учился в Петроградском химико-технологическом институте, работал на химзаводе «Республика». В 1930 году направлен на учебу в химико-технологический институт, по окончании – инженер-технолог. В 1935-м исключен из рядов ВКП (б) за критику коллективизации. В 1937 году арестован. Отбывал срок в Шадринске, работая технологом. В начале 1941 года освобожден и переехал в г. Локоть, где

---

²⁰ Штрик-Штрикфельдт Вильфрид Карлович (1897–1971) – военачальник. Окончил реформатскую гимназию в Петербурге. В Первую мировую войну был добровольцем. На фронте получил офицерский чин. С 1918 по 1920 год воевал с большевиками в Белой армии. С 1924 по 1939 год работал в Риге на немецких и английских предприятиях. В начале Великой Отечественной войны 1941–1945 годов назначен офицером-переводчиком в штаб группы армии «Центра». Затем был представителем немецкого Верховного командования в штабе РОА. После войны опубликовал мемуары «Против Сталина и Гитлера».

работал инженером на местном спиртзаводе. Летом – осенью 1941 года, организовав эвакуацию предприятия, сам остался в Локте. В конце октября 1941 года, после занятия Локтя немцами, вошел в состав местного самоуправления и стал заместителем его руководителя К. П. Воскобойника. После его гибели в январе 1942 возглавил местные силы самообороны и Локотский автономный округ, к которому впоследствии были присоединены новые районы. В конце 1942 года переформировал местные отряды милиции и самообороны в 29-ю штурмовую пехотную бригаду войск СС «РОНА» («Русская освободительная народная армия»), с которой в январе – феврале 1943 принимал участие в боях против Красной армии. Отказался от использования своих вооруженных сил против партизан Армии Крайовой. Осенью 1943 года организовал эвакуацию Локотского округа и бригады в Лепель, затем – в Дятлово. В июне 1944 года организовал эвакуацию бригады и беженцев (более 50 тысяч человек) в Польшу. Под давлением немецкого командования, полиции безопасности и СД выделил подразделение своей бригады для участия в подавлении Варшавского восстания в августе 1944 года. Убит немцами с нашей помощью.

Меньшагин Борис Георгиевич (1902–1984) – бургомистр Смоленска и Бобруйска, майор вермахта. Уроженец Смоленска. Окончил гимназию. Служил в Красной армии с 1919 по 1927 год. Демобилизован из армии за посещение церкви. Заочно окончил юридический факультет Ленинградского университета. В 1928–1931 годах работал в коллегии адвокатов при областном суде Центрально-Черноземной области. В 1931-м – на московском заводе АРЕМЗ, во 2-м парке Мосавтогруза. С 1937-го – в Смоленской областной коллегии адвокатов. Во время оккупации Смоленска назначен бургомистром города. После отступления немцев занимал аналогичную должность в г. Бобруйске. Вел борьбу против советских диверсионных групп и партизанских отрядов. Был командирован немецкими оккупационными властями на раскопки останков польских военнопленных, расстрелянных в Катынском лесу. Интернирован американскими войсками в Чехословакии. Освободившись из лагеря, отправился в Карловы Вары, где оставил семью. Город был занят советскими войсками, но семьи его там не было. Полагая, что родные арестованы, добровольно явился в советскую комендатуру. Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 12 сентября 1951 года был осужден к 25 годам лишения свободы. Срок отбывал во Владимирской тюрьме. Работал библиографом тюремной библиотеки. По окончании срока отправлен в инвалидный дом в поселке Княжья Губа на Белом море. Последние годы жизни провел в аналогичном учреждении в г. Кировске близ г. Апатиты.

Мельник Андрей Антанасович (1890–1964) – руководитель ОУН. Уроженец Галиции. Служил управляющим именем у митрополита А. Шептицкого. В годы Первой мировой войны – офицер корпуса Украинских сичевых стрелцов в австро-венгерской армии. Полковник армии УНР, командир корпуса Украинских сичевых стрелцов. Один из создателей Украинской военной организации (позднее ОУН). После убийства сотрудниками НКВД Е. Коновальца возглавил ОУН. В 1939 году в Вене на 2-м сборе (съезде) ОУН был избран главой националистов. В 1938-м при содействии Р. Ярого завербован абвером. Проходил в документах абвера под псевдонимом «Консул». После раскола организации возглавил ее «ветеранскую» часть. Один из инициаторов формирования 14-й украинской дивизии СС «Галичина». Участвовал в подготовке ряда диверсионных операций в советском тылу. После войны – в эмиграции.

Благовещенский Иван Алексеевич (1893–1946) – генерал-майор Красной армии, генерал-майор ВС КОНР. Из семьи священника. Окончил Виленское пехотное училище. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. Участник Гражданской войны. В Красной армии с 1918 года, коммунист с 1921-го. Перед началом войны занимал должность начальника училища Противовоздушной обороны Военно-морского флота в Либаве. Попал в плен к латышским националистам. Содержался в шауляйской тюрьме и Тильзитском лагере военнопленных. В начале августа 1941 года переведен в Хаммельбургский офицерский концлагерь, где вступил в «Комитет борьбы с большевизмом». В апреле 1941 переведен в Вульхайде, назначен начальником так называемой «Школы молодежи». С 1942 года –

редактор газеты для советских военнопленных «Заря», с 1943-го – начальник курсов пропагандистов в Дабендорфе, с декабря того же года – главный инспектор пропаганды в непосредственном подчинении Власова. После образования КОНР занял пост руководителя идеологической группы Управления пропаганды. 6 мая 1945 года во время переговоров с представителями американского командования о предоставлении членам КОНР политического убежища задержан и помещен под домашний арест. 1 июня 1945 выдан советской стороне. Казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Богданов Павел Васильевич (1900–1950) – генерал-майор Красной армии, начальник контрразведки 1-й Русской национальной бригады СС. Русский, коммунист с 1931 года. В Красной армии с 1918 года, участник Гражданской войны. В июне 1941 года – командир 48-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта. Попал в плен в июле 1941 года, назначен старшим лагеря военнопленных в г. Сувалки. Выдал гестапо военного комиссара 48-й дивизии и инструктора политотдела, старшего политрука, которые были расстреляны. В 1943 году назначен начальником «Службы предупреждения» (разведка) 1-й Русской национальной бригады СС «Дружина». Пленен, из-за предательства своих бывших сослуживцев, сотрудниками советской контрразведки СМЕРШ. Расстрелян 24 апреля 1950 года. В задачи отряда бригады СС «Дружина» входили охранная служба на оккупированной территории и борьба с партизанами, боевые действия на фронте. Отряд состоял из трех рот и хозяйственных подразделений – всего около 500 человек. В состав 1-й роты входили исключительно бывшие командиры Красной армии. Она являлась резервной и занималась подготовкой кадров для новых отрядов. Командиром отряда был назначен В. В. Гиль (псевдоним И. Г. Родионов), личному составу было выдано чешское обмундирование и вооружение; 150 автоматов, 50 ручных и станковых пулеметов и 20 минометов. В декабре 1942 года был сформирован второй отряд (300 штыков) под командованием бывшего оперуполномоченного НКВД Э. Блажевича. В марте 1943 отряды были объединены под руководством Гиль – Родионова в 1-й Русский национальный полк СС. Полк насчитывал 1,5 тысячи человек, состоял из трех стрелковых и одного учебного батальонов, артиллерийского дивизиона, транспортной роты и авиаотряда. Были проведены мобилизация населения и набор военнопленных. Полк был развернут в 1-ю Русскую национальную бригаду СС численностью в 3 тысячи человек. На вооружении бригады имелось: 5 орудий калибра 76 мм, 10 противотанковых пушек калибра 45 мм, 8 батальонных и 32 ротных миномета, 164 пулемета. При штабе бригады действовал немецкий штаб связи во главе с гауптштурмфюрером Г. Рознером. Бригада принимала участие в ряде крупных боевых и диверсионных операций. Неудачи в этих боях негативно сказывались на настроениях бригады. В августе 1943 года советской контрразведкой были установлены контакты с Гиль – Родионовым. Ему была обещана амнистия, в случае если бригада с оружием в руках перейдет на сторону партизан. Гиль – Родионов принял эти условия и 16 августа, истребив немецкий штаб связи, атаковал немецкие гарнизоны. Присоединившееся к партизанам соединение было переименовано в 1-ю Антифашистскую партизанскую бригаду, а В. В. Гиль – Родионов награжден орденом Красной Звезды с присвоением очередного воинского звания 21.

Будыхо Александр Ефимович (1893–1950) – генерал-майор Красной армии, генерал-майор РОА. Уроженец г. Велиж Витебской губернии, из рабочих. Окончил Смоленское городское училище. По гражданской специальности – плотник. Участник Первой мировой войны. Поручик, командир роты. Коммунист с 1919 года, в Красной армии с 1918 года, участник Гражданской войны, награжден орденом Красного Знамени. На командирских должностях в Красной армии и частях особого назначения. Окончил бронетанковые курсы Красной армии, в 1941 году – курсы комсостава при Военной академии Красной армии им. М. В. Фрунзе. Командир 171-й стрелковой дивизии,

---

²¹ См.: Дробязко С., Карацук А. Вторая мировая война 1939–1945. Русская освободительная. М., 1999.

генерал-майор. После разгрома дивизии в сентябре 1941 года попал в плен, исключен из состава Красной армии как погибший. Содержался в офицерском лагере в Хаммельбурге, вел антисоветскую агитацию среди пленных. Член ряда антисоветских организаций, начальник их внутренней разведки. В мае 1943 года перешел в РОА. С июня – при штабе восточных войск вермахта, на должности штаб-офицера по обучению и подготовке восточных войск при 170-м восточном полку группы армий «Север». 19 октября 1943 года сдался партизанам 4-й Ленинградской партизанской бригады. 7 ноября доставлен самолетом в Москву, обвинен в измене Родине. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда 19 апреля 1950 года.

Глава пятая. Замысел убить Сталина

Стреляющая ручка

Замысел убить Сталина не покидал немецкое руководство. Была задумка покончить со Сталиным на какой-нибудь международной конференции. С этой целью прорабатывался вопрос о проведении такой конференции с участием немецкой стороны – для отвода глаз, лишь бы была возможность проникнуть на мероприятие.

Об этом вспоминал Вальтер Шелленберг:

«Когда летом 1944 года Риббентроп вызвал меня к себе в свою летнюю резиденцию в замке Фушль, я был полон мрачных предчувствий. Я ничего не слышал о нем в течение нескольких месяцев и был почти уверен, что он вынашивает очередной план, который решит все проблемы и поможет выиграть войну одним ударом. Перед визитом к Риббентропу я имел беседу с Гиммлером, который разместил штаб в своем спецпоезде, стоявшем недалеко от Берхтесгадена, где находилось убежище Гитлера, оборудованное в скале. Я был переутомлен, так как именно в то время принимал военный сектор секретной службы, которым до этого руководил Канарис.

Резиденция Риббентропа размещалась в роскошном дворце, окруженном огромным парком. Дворец был предоставлен в его распоряжение государством для того, чтобы он мог принимать там важных гостей и быть рядом с Гитлером.

В отличие от прежних встреч, Риббентроп принял меня весьма приветливо, поинтересовался, как идет работа, и подчеркнул, насколько важным для него стало мое управление. Сначала я не мог понять, было ли это ничем не прикрытое лицемерие или же им руководило что-то другое, и спокойно ждал, пока он закончит излияния.

После заверений в искреннем признании важности секретной службы Риббентроп попросил меня рассказать о положении в Соединенных Штатах, и особенно о шансах Рузвельта вновь получить большинство голосов на выборах. Он просил меня также организовать переброску на подводной лодке специальных агентов для работы в США среди населения немецкой национальности. Риббентроп предложил также провести большую кампанию по радио, рассчитанную на различные национальные меньшинства, проживающие в Соединенных Штатах, для того чтобы настроить их против избрания Рузвельта. Когда мы подробно обсудили план этой кампании, я спросил у Риббентропа, почему меньшинства должны иметь какие-то особые причины препятствовать избранию Рузвельта. Он посмотрел на меня с удивлением и сказал:

– А у них нет никаких особых причин. Для нас важно найти связь с ними, используя радиовещательные станции Европы. Причины найдутся позднее.

Я заметил, что реализовать эту идею технически трудно, особо имея в виду те важные задачи, которые возложены на наш подводный флот, так что нам вряд ли удастся использовать подводные лодки для проведения такой операции. Неожиданно я вспомнил свой давнишний разговор с Риббентропом и не смог удержаться, чтобы не добавить:

– Вы немного опоздали, господин министр. Ведь горстка опытных агентов не может

сделать всего.

Это его задело.

– Мой дорогой Шелленберг, – произнес он обиженным тоном, – это не оправдание. Вы должны признать, что я сделал все возможное, чтобы поддержать секретную службу и помочь ей.

Это настолько противоречило действительности, что, не найдя что ответить, я повернулся и направился к выходу. И тут Риббентроп встал и, подойдя ко мне, с очень серьезным видом потянул меня в угол:

– Одну минутку, Шелленберг. Мне нужно поговорить с вами об одном очень важном деле. Необходима строжайшая секретность. Никто, кроме фюрера, Бормана и Гимmlера, об этом не знает. – Остановив на мне пристальный взгляд, он продолжал: – Нужно убить Сталина.

Я кивнул, не зная, как реагировать на такое заявление. Риббентроп объяснил мне, что весь режим в России держится на способностях и искусстве одного человека и этим человеком является Сталин. Он повернулся и направился к окну».

То, что Шелленберг услышал от Риббентропа, было необычно и неожиданно. Он понимал серьезность и секретность замысла руководителей Рейха, но не знал, что ответить Риббентропу. А тот продолжал:

«– В личной беседе с фюрером я сказал, что готов пожертвовать собой ради Германии. Будет организована конференция, в работе которой примет участие Сталин. На этой конференции я должен убить его.

– Один? – спросил я.

Риббентроп резко повернулся ко мне:

– Фюрер сказал, что одному это не сделать. Он просил назвать человека, который может помочь мне. – Риббентроп пристально посмотрел на меня и добавил: – Я назвал вас.

Риббентроп сказал также, что Гитлер приказал ему обсудить этот вопрос со мной с глазу на глаз и выразил уверенность, что я найду практический способ выполнения этого плана.

– Теперь вы понимаете, – закончил Риббентроп, – зачем я вас вызывал.

Я не знаю, какое у меня было в этот момент лицо, но вряд ли умное. Я был совершенно расстроен и более того – озадачен». Стараясь не показывать своего волнения, Шелленберг внимательно слушал Риббентропа.

«Риббентроп все уже заранее обдумал и теперь начал объяснять мне детали плана. Он, конечно, понимал, что на конференции будет очень строгая охрана и вряд ли получится пронести в зал заседаний гранату или револьвер. Однако Риббентроп слышал, что моя техническая группа изготавливает револьверы, по форме ничем не отличающиеся от вечной ручки. Из такого револьвера можно стрелять крупнокалиберными пулями на расстоянии примерно 6–7 метров. Эти револьверы были сделаны настолько искусно, что по внешнему виду никто не мог догадаться об их действительном назначении.

– Мы, конечно, – сказал он, – могли бы пронести такой револьвер или что-нибудь в том же духе в зал, и тогда все, что от нас потребовалось бы, это иметь твердую руку...

Наконец-то Риббентроп закончил».

Шелленберг с трудом переваривал услышанное, в душе волновался. Он вспоминал о том, как во время разговора выглядел Риббентроп.

«Все это время я пристально следил за ним. Говорил он с таким увлечением, что напоминал мальчишку, пересказывающего содержание впервые в жизни прочитанного детективного романа. Но, увы, было совершенно ясно, что передо мной самый настоящий фанатик, и единственное, что он хотел от меня, это услышать о моем согласии и готовности вместе с ним участвовать в выполнении задуманного.

Я считал, что план Риббентропа, мягко выражаясь, результат его нервного и умственного переутомления. Однако обстановка была неподходящей, чтобы возражать, и, кроме того, я понимал, что каждое сказанное мною слово сейчас же будет передано Гитлеру.

Наконец мне показалось, что я нашел выход из тупика, в котором оказался. Я сказал, что хотя и считаю план технически выполнимым, однако успех его прежде всего будет зависеть от того, удастся ли заманить Сталина на конференцию, чего добиться будет весьма трудно, особенно после неудачного опыта отношений с русскими в Стокгольме. Словом, я отказался предпринимать какие бы то ни было попытки связаться с русскими, поскольку потерял доверие с их стороны, и все из-за противодействия Риббентропа. Я предложил, чтобы он прежде создал необходимые условия для осуществления плана и добился согласия Сталина участвовать в работе конференции. Если же ему это удастся, я буду готов поддержать его словом и делом.

– Я еще подумаю над планом, – сказал Риббентроп, – и поговорю с Гитлером. После этого я вас вызову.

Больше о своем плане он не напоминал».

Своей идеей Риббентроп поделился с одним из руководителей немецкой разведки в своей резиденции, в замке Фушль, где проходили приемы глав иностранных дипломатических миссий:

– Без сомнения, у Сталина будет очень сильная охрана. Едва ли удастся пронести в зал заседаний гранату или револьвер. Но у меня есть автоматическая ручка, без промаха стреляющая крупнокалиберными пулями на расстоянии 6–8 метров. Ручка так сделана хорошо, что самая тщательная проверка не обнаружит ее истинное назначение.

– Авантюра! – так оценил Шелленберг замысел убить Сталина. Но идею одобрил Гитлер, и тогда Шелленберг заявил, что для осуществления ее необходимо уговорить Сталина принять участие в конференции.

– Я вам помогу, если вам это удастся, – сказал Шелленберг. Он сомневался в том, что Сталин будет участвовать в подобном мероприятии – конференции. Были у него сомнения и насчет пожертвования собой Риббентропа.

«Мне как-то пришлось говорить с Гиммлером об этом. Ему особенно понравилось то, как я ответил Риббентропу. И тем не менее после обсуждения с Гитлером Гиммлер предложил свой план, очень напоминавший план Риббентропа. В соответствии наши специалисты изготовили мину для убийства Сталина. Мина размером с кулак имела вид кома грязи. Она должна была быть прикреплена к машине Сталина. Мина имела запал, управляющийся с помощью коротковолнового передатчика, и была настолько мощной, что когда при испытании мы взорвали ее, то от нашей машины почти ничего не осталось. Передатчик был размером не более пачки сигарет и мог подорвать мину на расстоянии до одиннадцати километров.

Двое бывших военнослужащих Красной армии, находившиеся до войны в течение долгого времени в ссылке в Сибири, взялись выполнить это задание (один из них был знаком с механиком из гаража Сталина). Ночью на большом транспортном самолете они были доставлены к тому месту, где, по сообщению, переданному нашими агентами, находилась ставка Сталина. Они спрыгнули с парашютом и, насколько мы могли установить, точно приземлились в указанном месте. Однако это было последнее, что мы о них слышали, хотя оба имели коротковолновые передатчики. Я не уверен, что они вообще пытались выполнить задание. Более вероятно, что очень скоро после приземления они были схвачены или же сами сдались органам НКВД и рассказали о задании.

Разговор Шелленберга с Риббентропом проходил летом 1944 года, когда дивизии Красной армии неудержимо двигались на запад, взламывая немецкую оборону мощными ударами. План Риббентропа умер тихо и незаметно. Однако спецслужба немцев, в частности «Цепелин», от этой идеи не отказался. Но это уже были конвульсии нацистского режима. Поражение Германии было не за горами. Шелленберг вспоминал:

«Тем временем угроза поражения росла. Однажды Гиммлер взял меня с собой на доклад к Гитлеру. В ставке фюрера, как обычно, царил атмосфера напряженной работы и возбуждения. В течение долгого времени мне не приходилось видеть Гитлера, и я был просто поражен его видом. Взгляд его, который раньше был таким строгим и властным,

теперь стал апатичным и усталым. Левая рука так сильно тряслась, что он был вынужден иногда придерживать ее правой. Спина согнулась, так что он выглядел горбатым. Ступал он тяжело и неуклюже. Только голос, как и прежде, был строгим и отчетливым, но в нем слышалось больше стаккато, а предложения стали более короткими.

Он и Гиммлер ходили взад и вперед по комнате. Увидев меня, они прервали разговор, и Гитлер на минуту присел. Затем, обратившись к Йодлю, он отдал приказ по Восточному фронту о переброске двух дивизий в центральном секторе и другие распоряжения. Обратившись ко мне, он заговорил о последних разведывательных сводках, касавшихся нашего положения на Балканах. Особенно он интересовался отношениями Англии с Тито. Спросил также о деятельности нашей секретной службы в странах Ближнего Востока и затем о выборах в Соединенных Штатах. Я старался отвечать как можно более сжато.

Неожиданно он встал, пристально посмотрел на меня и сказал низким грозным голосом:

– Я регулярно читал ваши доклады. – Затем наступила длинная пауза, и произнесенные слова, казалось, угрожающе повисли в воздухе. Я заметил у Гиммлера явные признаки беспокойства. Невольно я сделал два шага назад. Гитлер приблизился ко мне и тем же голосом продолжал: – Запомните одно, Шелленберг, в этой войне не может быть никаких компромиссов. Может быть только победа или поражение. И если немецкий народ не сможет вырвать победы у врага, то он будет уничтожен. – Я никогда не забуду слов, которыми он закончил: – Да, тогда они заслуживают уничтожения, потому что лучшие люди Германии погибнут на войне. Конец Германии будет ужасным, и немецкий народ заслужит его.

Мне казалось, что посреди комнаты стоит умалишенный, и все нити, которые еще связывали меня с этим человеком, в этот момент оборвались: он хотел приговорить к смерти самое дорогое для него – свой народ. Он жаждал его уничтожения ради удовлетворения своей злобы».

Оберштурмбаннфюрер Хайнц Грефе

Начальник Восточного отдела VI РСХА внешней разведки Германии Хайнц Грефе ходил по своему кабинету, меряя его широкими, тяжелыми шагами. Он был озабочен. Его вызвал начальник VI управления Вальтер Шелленберг и дал новое задание. Было оно щекотливым и необычным.

– Грефе, вы старый специалист по России и с заданием справитесь, – закончил напутствие оберштурмбаннфюреру Шелленберг.

Доктор права, Грефе в VI управлении чувствовал себя уверенно. Бригадефюрер Шелленберг прислушивался к его мнению. Руководил Грефе ведущим отделом.

Грефе Хайнц (1908–1944) – один из руководителей германских органов имперской безопасности (СД), доктор права; оберштурмбаннфюрер СС. Уроженец Лейпцига. Из семьи владельца книжного магазина. Окончил юридический факультет Лейпцигского университета. В 1933 г. – член студенческой группы организации «Стальной шлем» в Лейпциге; в том же году поступил в Службу безопасности рейхсфюрера СС. В 1935 г. – заместитель начальника отделения гестапо в Киле. В октябре 1934 г. переведен в гестапо Тильзита (Восточная Пруссия), в ноябре – начальник отделения гестапо (сменил на этом посту В. Хуппенкотена). В марте 1939 г. – инспектор полиции безопасности и СД на Северо-Востоке и лидер (фюрер) СД – обербашнита Северо-Восток. С сентября 1939 г. – руководитель (фюрер) Эйнзатцкоманды-1 в Эйнзатцгруппе V полиции безопасности и СД в Польше. С февраля 1940 г. – сотрудник VI управления РСХА. С октября 1941 г. прикомандирован к IV управлению (гестапо) РСХА. С 4 марта по июль 1942 г. – начальник специального реферата VI С/З («Предприятие Цепелин»). Непосредственно курировал деятельность Института Ванзее, проводившего исследования всех областей жизни СССР. Участвовал в разработке планов по политическому разложению СССР. С июля 1942 г. – начальник VI (Восточного) отдела РСХА. 25 января 1944 г. вместе с руководителем

управленческой группы III А РСХА (юридической) доктором Карлом Гегенбахом погиб в автомобильной катастрофе недалеко от Бад-Тельца (по другим данным – убит партизанами).

VI управление располагало кадрами опытных разведчиков и многочисленной агентурой, ведя широкую разведывательную деятельность во многих странах мира. В структуре VI управления была группа VIII. Эта группа вела подрывную работу, главным образом против СССР. Начальником группы был оберштурмбаннфюрер доктор Грефе. В группу входило 13 рефератов: первые три работали против СССР, а остальные против Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. В группу входит особый реферат VI Зет, руководивший созданным в марте 1942 года разведывательно-диверсионным органом «Предприятие Цепелин». Руководителем этого реферата был штурмбаннфюрер СС Вальтер Курек.

Грефе сел в кресло. Было о чем задуматься. Задание было не простым. Ему предстояло организовать покушение на Верховного главнокомандующего Советского Союза Иосифа Сталина. Грефе попытался вспомнить все, что он знал о России, Украине. Что там происходило. О позиции немцев на завоеванной территории.

Гитлеровцы создали на оккупированной территории оперативные группы СД (айнзатцгруппы). Они создавались накануне войны в мае 1941 года. Всего было создано 4 группы – А, Б, Ц, Д. Каждая из групп состояла из штаба, специальных команд (зондеркоманд), действовавших в районах расположения армейских частей, и оперативных команд (айнзатцкоманд), действовавших в оперативном тылу армии.

Айнзатцгруппы и их подразделения укомплектовывались служащими полиции, гестапо и СД.

За несколько дней до начала войны с СССР Гейдрих отдал приказ о занятии всеми подразделениями СД исходных пунктов, из которых впоследствии они выдвинулись в глубь советской территории. К этому времени каждая из айнзатцгрупп насчитывала в своем составе до 600 человек. Эти группы были также снабжены необходимым количеством автотранспорта. Оперативные и особые команды СД насчитывали в своем составе 120–170 сотрудников. Из них 10–15 человек – офицеры, 40–50 – унтер-офицеры и 50–80 рядовых СС.

Перед оперативными группами и командами ставились следующие задачи:

- захват и обыск помещений советских, партийных, правоохранительных органов и штабов воинских частей;
- захват учреждений, имеющих архивы и картотеки;
- проведение розыскных мероприятий, арестов и уничтожение советских партийных работников, сотрудников НКВД, армейских политработников, офицеров;
- выявление и ликвидация местного партийного и комсомольского актива, общественников, советской агентуры, евреев;
- ведение борьбы в тыловых районах со всеми проявлениями антинемецкой деятельности;
- информирование командующих тылами немецких армий о положении в подведомственных им районах.

Органы полиции безопасности и СД насаждали агентурную сеть среди местного населения. В качестве агентов использовались старосты деревень, волостные старшины, полицейские, лесники, владельцы буфетов, закусочных и ресторанов. Тех из них, кто до вербовки занимал ответственные должности, переводили на малозаметную работу – мельниками, счетоводами и пр. Агентура была обязана следить за появлением в населенных пунктах партизанских разведчиков, парашютистов, лиц из числа комсомольского и партийного актива. Агентурная сетка сводилась в резидентуры. Резидентами назначались коллаборационисты из числа служащих оккупационных учреждений. В первый период войны немцы при вербовке отдавали предпочтение лицам, пострадавшим от репрессий, и перебежчикам. Впоследствии агентура вербовалась из задержанных партизан, разоблаченных советских агентов-парашютистов. Некоторая часть агентуры проходила специальное обучение азам контрразведки. При командах полиции безопасности и СД

существовала штатная агентура, которая засылалась в населенные пункты для обнаружения советских партизан, парашютистов и подполья.

Основная деятельность органов полиции безопасности и СД в оккупированных районах была направлена на уничтожение советских партизанских отрядов и подполья. Подразделения полиции безопасности и СД организовывали карательные операции, к участию в которых привлекали полицию охраны порядка, полицейские и армейские части.

С началом наступления советских войск часть агентуры СД была оставлена на оседание в советском тылу для ведения разведки, совершения диверсий и организации повстанческого движения. Эти агенты передавались на связи фронтовым подразделениям абвера.

Оперативные и особые команды СД направляли в небольшие города, райцентры и местечки свои подразделения – тейлькоманды и отряды численностью 10–18 человек. Такие отряды состояли из начальника подразделения, 5–6 следователей, 2 писарей, 4–5 переводчиков, 4–5 шоферов и 6–8 полицейских-охранников.

Зондеркоманды при подходе к городам выделяли из своего состава передовые отряды – форкоманды – для захвата важных объектов: зданий партийных органов, отделов и управлений НКВД и архивов. При занятии осенью 1941 г. Харькова в город вступила форкоманда «Харьков» зондеркоманды 4 А приданной 6-й немецкой армии, вслед за отрядом в город вступили команда и ее штаб.

Оперативные и специальные подразделения СД уходили вперед вместе с наступающими армейскими частями, а им на смену прибывали айнзатцкоманды полиции безопасности и СД. На оккупированной территории оккупантами была установлена следующая система полицейского управления: до марта 1942 г. руководство всеми подразделениями полиции безопасности и СД осуществляли начальники айнзатцгрупп. В марте 1942 г. на Украине и в рейхскомиссариате «Остланд», объединявшем в своих рамках Прибалтику и частично территории Белоруссии и северных районов России, были учреждены должности командующих полицией безопасности и СД. В их подчинение переходили айнзатцкоманды и группы и зондеркоманды. В каждый генеральный округ были назначены руководители полиции безопасности и СД. Помимо своего аппарата они имели низовые территориальные органы – внешние отделы (ауссендинштелле), ауссенштелле в районных центрах и отделения (цвайгштеллен), пункты (блокштеллен). В военном отношении оккупированная территория была разделена на 3–4 области и, соответственно, на военные группировки. По согласованию с ОКВ Гиммлер назначил в каждой области высших руководителей СС и полиции безопасности, которые находились в его непосредственном подчинении. Высшие руководители СС и полиции были подчинены командующим полицией безопасности и СД.

Охранная полиция и жандармерия привлекались полицией безопасности и СД к выявлению и преследованию лиц, боровшихся против оккупантов, изъятию оружия у населения, ведению надзора за регистрацией гражданского населения и выдаче удостоверений личности, их проверке. Кроме этого, осуществляли контроль за дорожной, речной, промышленной и пр. полицией, несли охрану тюрем, проводили обыски, аресты и конфискации.

Немецкие спецслужбы были укомплектованы профессионалами, интеллектуалами, людьми образованными, например, шеф РСХА Кальтенбруннер был доктором права. Была война, и нашей пропаганде нужно было показать врагов в самом неприглядном виде, карикатурными. С целью пропаганды придумывались мифы, иногда несуразные. Так, во время Московской битвы на печатных страницах появилось «распоряжение» Гитлера: «Произведены необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных сооружений были затоплены водой, там, где сегодня стоит Москва, должно возникнуть огромное море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского государства». Немцы привезли под Москву большое количество гранита для установки в поверженной Москве памятника в честь своей победы. (Этими плитами облицован Комитет по науке и технике на улице Горького.)

Что хотели завоеватели? Установить памятник на дне моря?

Была жестокая война, в то время и информационная, нам нужно было что-то придумывать

В подчинении айнзатцгруппы были зондеркоманды и айнзатцкоманды. Айнзатцгруппа Ц вместе с передовыми частями начала продвижение в глубь Украины.

Начальниками органа последовательно были: бригадефюрер СС и генерал-майор полиции доктор Раш Отто, с ноября 1941 г. – бригадефюрер СС и генерал-майор полиции доктор Томас Макс, одновременно возглавлявший полицию безопасности и СД Украины.

После захвата Киева в украинскую столицу прибыл штаб зондеркоманды 4 А. После этого началось создание широкой агентурной сети из местных жителей. В контрразведывательной работе был задействован ряд оккупационных организаций. Так, при немецком комиссариате г. Киева под вывеской управления кадров «Персональамт» был создан замаскированный орган контрразведки во главе с местным жителем, немцем по национальности, Боссом Артуром. Орган размещался в одном здании с городской управой и был известен среди киевлян как отдел кадров управы, занимающийся учетом и распределением рабочей силы по киевским предприятиям. В действительности эта организация вела агентурную контрразведку, следствие по делам арестованных. Часть арестантов и наиболее заинтересовавших разведку лиц передавали в полицию безопасности и СД.

«Персональамт» состоял из двух секторов – секретного и агентурно-информационного. Секретный сектор проводил негласную проверку рабочих и служащих через руководство учреждений и предприятий, вел специальную картотеку с их характеристиками. Агентурно-информационный сектор состоял из агентурно-оперативной команды, следственной группы и особой группы, занимавшейся установлением лиц и организацией наружного наблюдения.

Командой уничтожено свыше 118 тысяч человек.

Зондеркоманда 4 А была придана 6-й армии Южной группировки немецких войск. Начальниками органа были штандартенфюрер Блобель Пауль (1941–1942), штурмбаннфюреры СС доктор Вейнман Эрвин (1942), Штеймле Ойген (1942–1943).

В октябре – ноябре 1941 г. зондеркоманда находилась в Киеве, в декабре выбыла в Харьков.

Личный состав команды организовал и принимал участие в массовом уничтожении жителей Киева в Бабынском Яре. Их жертвами стали свыше 33 тысячи человек.

В Харькове, куда приехал ГрEFE, начальником полиции и СД генерального округа «Харьков» был штурмбаннфюрер СС Крансбиттер. Штаб органа располагался в Харькове, на Сумской улице, дом № 100. (В 1944 году в Харькове состоялся судебный процесс над сотрудниками данного органа, повинными в массовом уничтожении людей.)

ГрEFE знал Крансбиттера. Оба обрадовались встрече. ГрEFE в это время, с октября 1941-го, был прикомандирован к IV управлению гестапо РСХА. Для Крансбиттера он представлял вышестоящую инстанцию. Но Крансбиттеру было не до ГрEFE.

В Харькове был взорван дом с командующим генералом фон Брауном. Взрыв был огромной силы. На месте дома № 17 по улице Дзержинского осталась лишь воронка.

ГрEFE приехал в Харьков, чтобы познакомиться с немецким новым порядком на месте. Увидеть все своими глазами.

В Харькове ГрEFE запомнились сожженные здания, разрушенные дома этого большого города. В городе было не спокойно. Взрывы, был слух о партизанах.

Обособленный дом на улице Дзержинского построен в начале 30-х годов для секретаря ЦК КП (б)У Станислава Викентьевича Косиора, был со временем передан детскому дому. В октябре 1941 года его занимал Хрущев. Дом находился в центре города, среди дубов и лип. Предполагалось, что в этом доме немцы поселят кого-либо из крупных начальников захватчиков. Полковник Стариков – главный диверсант Советского Союза – руководил минированием особняка на улице Дзержинского. Туда был заложен тщательно

замаскированный 330-килограммовый заряд тола. Это была радиомина. Стариков и его сотрудники поняли, что, не обнаружив в таком прекрасном особняке никакой мины, враг насторожится и скорее всего не станет заселять дом. В котельной под кучей угля была смонтирована мина. Немцы ее обнаружили, извлекли и успокоились. А радиомину не нашли, и она ждала своего часа. Илья Григорьевич Стариков возражал против минирования особняка, руководствуясь соображениями следующего рода: если в дом вселится какой-нибудь крупный немецкий офицер и взорвется, особого вреда это противнику не принесет. С этой точки зрения полезнее установить дополнительную – где-нибудь на железной дороге или на аэродроме. Кроме того, если взрывы мин, оставленных минерами противника, – обычное дело, то за уничтожение генерала немцы непременно станут расстреливать мирных жителей города (так оно и случилось впоследствии).

Наши части оставили Харьков, в доме № 17 по улице Дзержинского расположился начальник немецкого гарнизона генерал Георг фон Браун, двоюродный брат Вернера фон Брауна – конструктора немецких управляемых снарядов. Ночью 14 ноября радиосигналом из Воронежа особняк на улице Дзержинского был взорван. Генерал фон Браун вознесся на небеса.

Немцы повесили на балконах главной улицы не менее ста человек. Но вернуть фон Брауна с того света уже не могли.

Побывал и в других городах и поселках. В городе Богодухове на улице спросил женщину: как называется этот поселок? «Дорф», – сказал он по-немецки. Собеседница ответила на немецком языке:

– Das ist Stadt?

– Stadt? Dorf.

– Nein, nein! Stadt! ²²

«Они называют городом такие поселки. Ну, это их дело», – подумал Грефе. Он обратил внимание, что у домов не было заборов. Оказалось, что оккупанты разобрали их на дрова и сожгли. «Резонно, – отметил про себя Грефе. – Из-за забора удобно стрелять по нашим солдатам в спину».

В здании, где была библиотека, расположились солдаты. Книги были выброшены во двор, втоптаны в грязь. Грефе с удовлетворением отметил: «Книги, идеология. Это тоже оружие».

Он оказался случайным свидетелем казни людей.

Полиции подвели троих под виселицу. У одного на груди плакат: «Жид за подделку паспорта» ²³, у другого: «Партизан з специальным завданням» ²⁴. Этого партизана полицией повесил. У бедолаги шапка упала. Полицей ее поднял, на голову повешенного нахлобучил. Народ у виселицы стоял. Среди людей понеслось: «Глитко вешал». Такое было имя палача ²⁵.

Глядя на палачей, Грефе сказал: «Они помогают нам, но ненадежны».

«На кого можно положиться?» – размышлял Грефе. Молодежь подвергалась воздействию советского воспитания. Ненадежна. А вот подняло голову обиженное Советами дворянство. Грефе ознакомился с обращением инициативной группы харьковского

---

²² – Это город?

– Город? Село.

– Нет, нет! Город! (*Пер. с нем.*)

²³ Еврей за подделку паспорта.

²⁴ Партизан со специальным заданием.

²⁵ *Ленчевский Ю.* Они из СМЕРШа. М.: Граница, 2008.

дворянства к обербургомистру Харькова. В пункте первом обращения было: «Организовать коренное население нашего края для проведения прочистки края от всяких большевистских, советских элементов». Обращение подписал ряд лиц. Первым стояло: «За предводителя Харьковского дворянства Бекарюков (доктор филологических наук)». Вот такой филолог!

Воспоминания Грефе сменили реалии действительности. В последующие дни он вчерне подготовил план операции. Было обдумано ее техническое оснащение. Нужно подобрать кандидатуру исполнителя. Здесь ошибаться нельзя. Подбор исполнителя требовал тщательной подготовки и проверки личных качеств террориста.

Поиск кандидатов в убийцы

Грефе не любил предателей. А кто их любит? Он вспомнил свою поездку осенью сорок первого на захваченную территорию, в Харьков. Видел, как «работают» полицаи. Пытаются доказать свою преданность новому порядку, но ненадежны. Без коллаборационистов не обойтись – победить Советы без них не получается. То, что борьба с большевиками предстоит серьезная, не всегда успешная, он понял тогда, в сорок первом. В памяти остался взрыв особняка в Харькове с генералом фон Брауном. Сейчас на дворе осень 1943 года, преимущество на стороне русских. Части вермахта откатываются все дальше на Запад.

Выполнить задание своего шефа, Вальтера Шелленберга, непросто. Необходим надежный для этого человек. Поиском последнего тщательно занялся Грефе. Он открыл объемистую папку и начал читать: «Политов. В период с тысяча девятьсот тридцать третьего по сороковой год проживал на Украине, в Ташкенте, в Башкирии под фамилиями Шило, Таврин и Серков. Перед войной, используя положение заведующего нефтескладом на станции Аягуз Туркестано-Сибирской железной дороги, прихватил крупную денежную сумму и, скрывшись от уголовного преследования, представив фиктивные документы, устроился следователем в Воронежскую прокуратуру...»

«В ноябре сорок первого года, – продолжал читать Грефе, – призван в армию, где был назначен командиром взвода, а затем командиром роты. В мае сорок второго года перешел на сторону немецкой армии. Во время допросов добровольно сообщил немецкому командованию ряд сведений, имеющих важное военное и политическое значение. В деле было письменное заявление Политова, в котором он обязуется служить немецкому командованию верой и правдой и просит назначить его на должность бургомистра одного из оккупированных советских городов. В сорок третьем году Политов направляется в Австрию, в школу по подготовке агентов германской разведки. В это же время он начинает тесно сотрудничать с гестапо. В период учебы помогает сотрудникам политической полиции обезвредить группу заговорщиков. (В деле имеется донесение Политова, в котором он указывает имена руководителей группы, а также лиц, подвергшихся их обработке.) Положительными качествами Политова, которые могут быть использованы в перспективе, следует считать: находчивость, умение быстро ориентироваться в сложной обстановке, ненависть к советскому строю, боязнь наказания за совершенные перед Советским государством преступления. Отрицательными качествами являются: алчность, карьеризм, полная беспринципность».

Грефе подумал: «Политов – враг Советов. А враг моего врага – мне друг». Он углубился в чтение дела Политова.

У автора достаточно сведений о предателе Политове-Таврине. Расскажем подробнее об этой «личности». Он заслуживал серьезного внимания, но для начала его использовали на обработке захваченной в ходе боевых действий корреспонденции советских военнослужащих. С этим он успешно справился, а затем под фамилией «Политов» прибыл в школу по подготовке разведывательной агентуры в австрийском городе Брайтенфурт.

Школа была создана за несколько месяцев до начала войны в м. Брайтенфурт (20 км западнее Вены) для подготовки белоэмигрантов, завербованных в Балканских странах.

В начале войны на базе школы был организован проверочно-подготовительный лагерь,

в который направлялись отобранные для вербовки советские военнопленные. После промывания мозгов пропагандистами и проверки их окончательно вербовали для разведывательной работы против СССР. После предварительной подготовки агентов направляли в Варшавскую разведшколу для прохождения основного курса обучения.

В марте 1943 г. лагерь был реорганизован в самостоятельную разведшколу, подчинявшуюся штабу «Вали». Начальником Брайтенбургской разведшколы был подполковник Аренберг, комендантом – бывший капитан РККА Глазенап.

Курсанты были разделены на 3 группы, по 20–30 человек в каждой:

– 1-я группа – «Технише-Люфт» (Техника авиации) – готовила агентов для ведения разведывательной работы в авиационной промышленности СССР, выявления ее технической оснащенности и вооружения выпускаемых ею военных самолетов;

– 2-я группа – «Люфт» (Авиация) – готовила агентуру для выявления советских частей ВВС и их резервов;

– 3-я группа готовила разведчиков ближнего тыла советских войск.

Агенты первых двух групп вербовались в Хаммельбургском и Лодзинском лагерях военнопленных из числа бывших советских летчиков и специалистов в области ПВО, инженерно-технического персонала аэродромной службы.

Для агентов, зачисленных в авиагруппы, читались лекции по авиации, ими изучались силуэты советских самолетов, их вооружение, двигатели, также парашютное и радиодело. В курс подготовки агента также входило изучение аэродромных сооружений, авиабаз и организации советских ВВС. В группе «Технише-Люфт», помимо этого, изучалась специфика прикрытия объектов силами ПВО.

В группе общевойсковой разведки изучались тактика, топография и методика составления донесений.

Срок обучения в школе был около трех месяцев.

После окончания школы агенты направлялись в Варшавскую разведшколу, прослушивали там дополнительный лекционный курс о разведывательной работе, изучали радиостанции, после чего забрасывались в советский тыл. Часть агентов имела задания, связанные с проникновением в промышленные центры СССР – Новосибирск, Свердловск, Челябинск, Тагил, Уральск и Ташкент. При переброске агенты были прикрыты разработанными легендами. Срок пребывания в советском тылу составлял 6–8 месяцев.

Оставшиеся в школе курсанты, как правило, переводились в резерв или «рабочую команду» школы, где их использовали на контрразведывательной работе среди военнопленных, на предприятиях и в сельских работах для выявления настроений среди рабочих-остовцев и местного населения Австрии.

В августе 1944 г. школа приступила к обучению агентуры из болгар, румын, сербов и итальянцев.

Немцы направили Шило не только для учебы – гестапо поручило ему внимательно приглядеться к курсантам и их наставникам, информировать обо всем подозрительном. На то были основания: многие агенты, подготовленные в этой школе и заброшенные в советский тыл, так и не вышли на связь. В чем причина? Недостатки учебного процесса, тренировок, экипировки или хуже того? Немецкие службы понимали, что какая-то часть подготовленных в разведывательно-диверсионных школах разведчиков, диверсантов, радистов, будучи брошены на советскую территорию, не спешили выполнять задание. И об этом думали еще в стенах разведывательной школы.

Однако выяснить что-либо конкретное пока не удавалось. А в школе действовала сильная подпольная организация: и курсанты, и преподаватели, и члены администрации. Были их соратники и в городе. Немудрено, что агенты-подпольщики, едва приземлившись с парашютом или перейдя линию фронта, спешили вовсе не на задание, а в военную контрразведку – СМЕРШ.

По заданию гестапо Таврину следовало выяснить настроение курсантов, их истинное отношение к немцам.

В ноябре 1942 года Таврина, в числе группы 28 военнопленных, перевели из Хаммельбургского лагеря в Брайтенфуртскую разведывательную школу. В разведшколе Таврин близко сошелся с переводчиком этой школы Кашенцом Борисом Семеновичем. В беседах с ним Таврин выдавал себя за сына полковником царской армии. Кашенец поделился с ним своими мыслями по поводу поведения немцев на оккупированной территории России, в частности их неуважения к историческому прошлому России, и предложил Таврину вести с немцами «двойственную» работу.

«Беседы» с Кашенцом вызвали подозрение со стороны немцев, и в конце ноября того же года Таврин был арестован и отправлен в концлагерь «17-Б», располагавшийся в дер. Брук, в 40 км западнее Вены, а затем переведен в концлагерь Маутхаузен.

Маутхаузен, лагерь с особо жестоким режимом, находился в Австрии близ города Маутхаузен. Создан 8 августа 1938 года в качестве филиала Дахау, с марта 1939 года стал самостоятельным лагерем. За время существования Маутхаузена через него прошло около 335 тысяч человек из 15 стран. Первые 2 тысячи советских военнопленных поступили в Маутхаузен в ноябре 1941 года. Здесь было казнено и замучено свыше 122 тысяч человек, в том числе 32 тысячи советских граждан, среди которых был и генерал-лейтенант Д. М. Карбышев. В этом лагере Таврин добился свидания с руководством лагеря.

Однако особого интереса у лагерного начальства личность Таврина не вызвала, разговаривать с ним не стали, но пообещали, если он не прекратит свои «заявления», то «у них он больше не задержится» и к весне будет отправлен на «огород». Как пояснил сам Таврин, «это означало, что пепел моего тела пойдет на удобрение огородов. В этом лагере были свои крематории». Таврин набрался смелости и заявил руководству концлагеря, что тогда он совершит побег, и подал последнее заявление об устройстве ему свидания с гестапо. Таврин надеялся на встрече с представителями гестапо предупредить немецкую тайную полицию об известных ему сведениях в отношении Брайтенфуртской разведшколы.

Предателю Таврину везло. Удалось перебежать к немцам на фронте, а мог получить справедливую пулю. Маутхаузен охранялся хорошо, но Таврину побег из лагеря удался, и 19 января 1943 года вместе с группой советских военнопленных в количестве 11 человек он покинул «негостеприимный» концлагерь. Имея в своем распоряжении карту местности, 22 февраля Таврину удалось добраться до местечка Фрайна, расположенного на границе с Чехословакией, где он пришел в отделение гестапо. Сотрудники гестапо доставили Таврина из Фрайна в город Знаймо, а оттуда – прямо в Вену. Таврина допрашивали сотрудники гестапо Баэр и Тельман, которым он рассказал, что возможной причиной его отправки в концлагерь Маутхаузен было несогласие на предложение Кашенца и его группы. Гестаповцы поверили словам Таврина, к тому же, по-видимому, они уже располагали какими-то данными о наличии антинемецких настроений среди русских эмигрантов.

Через семь дней, по предложению Тельмана, Таврина вновь вернули в Брайтенфуртскую разведшколу. По прибытии в разведшколу Таврин из беседы с начальником школы узнал, что действительно, в ноябре 1942 года Кашенец подал рапорт ему с требованием отчислить Таврина «как большевистский элемент». Новым заданием Таврина в Брайтенфуртской школе стало выявление группы русских эмигрантов, возглавляемой Кашенцом.

Для объяснения отрицательного отношения Таврина к немцам гестаповцы предложили ему сослаться на обиду, нанесенную ему заключением в концлагере Маутхаузен.

В первых числах марта 1943 года Таврин вновь прибыл в Брайтенфуртскую разведшколу. Ему удалось убедить Кашенца и членов его группы в искренности своих намерений начать борьбу с немцами. Вскоре Таврин принял «участие» в антинемецкой пропаганде среди курсантов школы, вернее, провокационную работу. Таврину удалось привлечь к антинемецкой работе восемь человек.

В процессе разработки группы Кашенца Таврин узнал, что у них имеется единомышленник в Белграде – бывший полковник царской армии, эмигрант Никонов Леонид Петрович, командовавший подразделением шюцкора. От Кашенца Таврин узнал, что

эта группа связана с английской разведкой и что связи этой группы распространены по всей Европе. Добытые сведения Таврин сообщал приезжавшему на конспиративные встречи сотруднику венского гестапо Тельману.

Как оказалось, данные Таврина нашли свое подтверждение. Гестапо приняло решение вывести своего агента из «игры» и после отъезда Таврина из разведшколы арестовать группу Кашенца. Таврин по заданию гестапо выехал в Белград на связь с Никоновым. По легенде, Таврин выдавал себя за инженера-консультанта при Министерстве промышленности, посланного в командировку в Белград.

Прибыв в Белград, по указанию Тельмана Таврин встретился с Никоновым и в процессе беседы упомянул фамилию Кашенца. Никонов принял «соратника» весьма любезно и рассказал о готовившихся событиях, в результате которых Германии будет нанесен сокрушительный удар. В частности, он сообщил о подготовке свержения Муссолини Маршалом Бадольо, о снабжении англичанами партизан Тито, об указании, которое якобы дал Бадольо командованию итальянских частей на Востоке об открытии фронта на сталинградском направлении. По простоте душевной Никонов рассказал о наличии у руководства русской эмигрантской организации больших людских резервов для антинемецкой работы.

Через четыре дня Таврин известил Никонова, что собирается возвращаться в Берлин. Никонов снабдил его информацией о связях с русскими эмигрантами в рейхе, порекомендовав встретиться в Берлине с Тумановой Евгенией Петровной, работавшей в гестапо, у которой Таврин «может найти приют и общность интересов», а также дал рекомендательное письмо.

После отъезда Таврина из Белграда Никонов и его товарищи (полковник Трифонов и Загуменков Никита Денисович) были арестованы гестапо и доставлены в Вену. Их арест был произведен одновременно, под предлогом их вызова в ставку Верховного главного командования.

Досконально ознакомившись со всеми данными на Политова, Грефе решил встретиться с ним.

Ровно в девятнадцать часов по берлинскому времени Грефе доложили, что прибыл Политов и ждет, когда его пригласят на прием. Оберштурмбаннфюрер разрешил ему войти. Политов появился в кабинете и вытянулся в струнку возле двери. Это понравилось Грефе. Он любил дисциплинированных людей.

Некоторое время Грефе молча рассматривал Политова, потом подошел к столу, сел в кресло и указал Политову на кресло напротив. Разговор начался без предисловий, так как Политов был обо всем осведомлен заранее. Осталось уточнить лишь некоторые детали.

– Нам было бы желательно знать, господин Политов, – начал Грефе, – в какой области разведки вы хотели бы получить задание: в экономической, военной или политической. Вопрос серьезный, и вы можете не торопиться с ответом.

– Господин оберштурмбаннфюрер, я предполагал, что вас это будет интересовать, – ответил Политов. – Я уже все обдумал и поэтому просил бы дать мне задание в области политической разведки.

Грефе согласно кивнул.

– В таком случае я хотел бы знать, что вы понимаете под политической разведкой?

– Сбор сведений политического характера, изучение настроений населения, политических ситуаций, – начал перечислять Политов.

Политов, сначала оробев перед большим начальством, постепенно успокоился и держался спокойно, поглядывая на Грефе. «А он не робкого десятка, этот русский. Для выполнения нашего задания это неплохо», – подумал Грефе.

– Все гораздо конкретнее и труднее, – не дослушав своего собеседника, проговорил он. – Для нас сегодня политическая разведка означает физическое уничтожение военных и политических руководителей противника. В этом отношении, господин Политов, нам особенно приятно было узнать о том, что вы имеете связи с некоторыми лицами, занятыми

обслуживанием Ставки советского Верховного командования.

– Так точно. Имею, герр оберштурмбаннфюрер, – поспешно, не моргнув глазом, подтвердил Политов.

О своих связях Политов придумал, чтобы возвыситься в глазах немцев. По натуре он был авантюрист и выдумщик. Проверить его связи в Москве немцы не могли. При этом Политов знал – в каждом вранье нужно знать меру.

Грефе изобразил на своем лице что-то вроде улыбки.

– Мы всецело доверяем вам, господин Политов, и возлагаем на вас большие надежды, – продолжал Грефе. – У нас с вами одна цель – борьба с коммунизмом, и в эту борьбу вам предоставляется возможность внести свой достойный вклад. В соответствии с планом намечаемой операции вы будете переброшены по воздуху в район Подмосковья. Снимите там для себя квартиру, пропишитесь, изучите маршруты движения машин руководителей Ставки Верховного командования, а затем... сами знаете, что затем...

Сказав это, Грефе пристально посмотрел в глаза собеседнику. Политов молчал.

– Конечно, это только общий план, он состоит из тысячи деталей, – пояснил Грефе. – Изучение их будет проводиться со всей тщательностью. Вы ни в чем не будете испытывать недостатка. Вас снабдят всем необходимым: документами, деньгами, средствами связи, самым совершенным, новым, особо секретным оружием, но в конечном итоге все сведется к выстрелу. Вы способны его произвести? – продолжая смотреть в глаза Политову, спросил Грефе.

– Да. Способен, – ответил Политов, выдержав взгляд эсэсовца.

– В таком случае для конкретной подготовки мы направим вас в специальную команду разведоргана «Цепелин». Для этого вам придется отправиться в город Псков. Желаю удачи, господин Политов, – закончил беседу Грефе. – Через некоторое время мы снова встретимся с вами и еще о многом поговорим.

Провокатор Таврин

Ко времени встречи с Грефе Таврин уже был сложившимся провокатором. В свое время использовался гестапо для подсадки в камеры к арестованным. Метод этот назывался внутрикамерной разработкой арестованных, он прост, и им пользуются все спецслужбы в мире. Заключается он в том, что подсаживаемое к интересующему человеку лицо старается во что бы то ни стало расположить его к себе, войти в доверие и выведать интересующие спецслужбу сведения. Таким способом гестаповцам порой удавалось получить данные, которые никакими истязаниями не вырвать у живого человека, такие тайны, которые люди намеревались унести в могилу, но не выдать. Попадали впросак и очень осторожные люди. Это объясняется органической потребностью человека к общению, необходимостью поделиться своим горем, поговорить о себе. В жизни каждого случается, что в тех или иных обстоятельствах у человека бывает полоса откровений. Для достижения успеха в таком деле в каждом случае приходится подходить по-разному, в зависимости от индивидуальных способностей интересующего спецслужбы человека ²⁶.

Гестаповцы инструктировали Политова, как себя вести. Он оказался прилежным учеником. Гестаповцы были довольны. Дальнейшая провокаторская деятельность Таврина была также небезуспешной.

Из Белграда он вернулся в Вену и там приступил к «разработке» антигитлеровского подполья, о существовании которого знал еще со времени своего пребывания в Брайтенфуртской разведшколе. Для проведения проповеди среди курсантов в Брайтенфуртскую школу приезжал православный священник, церковь которого находилась во дворе бывшего советского представительства в Вене. Священник состоял в близких

---

²⁶ Ленчевский Ю. Они из СМЕРШа.

отношениях с Кашенцом и его группой. К нему-то по заданию Тельмана отправился провокатор.

Священник сообщил Таврину, что к группе Кашенца – Никонова также принадлежал некто Поляков Никодим Артамонович, профессор, уроженец Москвы, эмигрировавший из России в годы Первой мировой войны и работавший преподавателем в Венском университете. Таврин познакомился с Поляковым и от того узнал о причастности к этой группе Якова Мильского. Мильский также являлся русским эмигрантом (с 1917 года), большую часть времени проживал в Германии и работал журналистом, сотрудничал в газетах «Новое слово», «Молодая Россия» и других русскоязычных изданиях.

Таврин лез из кожи, стараясь потрогать гитлеровцам. Встреча с Мильским позволила Таврину установить других участников антигитлеровского подполья, в том числе генерал-майора царской армии Буркова, в прошлом крупного помещика Белостокской губернии. Таким образом, Таврину стали известны почти все лидеры венского подполья. Их дальнейшая разработка проводилась гестапо с начала марта до конца апреля 1943 года. Все они были арестованы гестапо и помещены в Венскую тюрьму. В ходе допросов все члены подполья отрицали свою вину. С целью получения изобличающих материалов в камеру с Кашенцем и другими посадили и Таврина. Провокатор и это задание выполнил блестяще. Арестованные посвятили Таврина в свою тактику дальнейшего поведения на следствии.

Таврин предложил гестапо перевести его на положение тюремного рабочего для того, чтобы общаться не только с Кашенцем, но и другими членами группы. Тельман план одобрил. Предложение для маскировки стать тюремным рабочим было сделано не только Таврину, но и остальным арестованным членам группы Кашенца – Никонова. Дьявольский план учитывал менталитет русских эмигрантов, которые имели возможность получать передачи от родственников, а Таврин, как советский военнопленный, никаких средств для получения дополнительного питания не имел. Поэтому его согласие на работы было вполне естественным, а также заключенные воспользуются новым положением Таврина для общения между собой.

Гестаповский план удался: после «некоторого колебания» Таврин согласился с предложением тюремной администрации. Для закрепления своих «искренних» отношений Таврин проинформировал Кашенца обо всех арестованных участниках подполья и их линии поведения на следствии. К несчастью арестованных, профессор Поляков передал через Таврина на волю другому члену подполья, доценту Юркову Игорю Анатольевичу, указания принять меры защиты и законспирирования дальнейшей работы организации. Подобные послания передали также Никонов и Кашенец...

Таврин выслуживался перед немцами, как только мог. Возможно, он ощущал свое положение – изменника, предателя, провокатора.

Таврин не удовлетворился своей ролью провокатора. Так как арестованные упорствовали, он попросил гестаповцев, чтобы ему лично разрешили допрашивать подпольщиков. Руководство пошло навстречу своему добровольному агенту. И вскоре Таврин изобличил всех арестованных в антигитлеровской работе. Кроме того, в ходе допросов удалось вскрыть наличие аналогичных антинемецких группировок в Италии и Чехословакии и их дополнительные связи с подпольщиками в самой Германии.

«Я добился от всех этих арестованных показаний, подтверждающих их виновность в соответствии с материалами, которые я раньше сообщал гестапо», – заявил Таврин на допросе в СМЕРШе. Смершевцы, как видно из материалов дела, перепроверкой сведений о его провокаторской деятельности в Вене не стали заниматься. Перед ними стояла другая задача – выявить все обстоятельства, связанные именно с покушением на Сталина, а материала, обличающего Таврина и его супругу, в их руках было предостаточно...

Таким образом, в ходе следствия гестапо стало известно, что в Европе существует центр, координирующий и объединяющий деятельность всех подпольных групп. В первую очередь гестапо занялось разработкой антигермански настроенных лиц в самом Берлине. Вот тут-то и пригодилось рекомендательное письмо Никонова к Тумановой. 16 июня 1943 года

Таврин вместе с сотрудником гестапо Тельманом выехал из Вены в Берлин.

Встретившись с Тумановой, Таврин получил возможность войти в белоэмигрантские круги русского Берлина. Он познакомился с бывшими царскими генералами Симоновым, Горбачом, Саньковым и др.

Ничего не подозревая, Симонов, зная от Тумановой о знакомстве Таврина с группой Кашенца – Никонова, сообщил о том, что он располагает неточными сведениями об аресте Никонова, и поинтересовался, при каких обстоятельствах Таврин с ним познакомился. На «недоуменный» вопрос Таврина, какие могут быть у немцев основания для ареста полковника Никонова, работавшего на немцев и участвующего в войне на их стороне, генерал ответил, что, мол, «немцы не доверяют нам, русским людям, хотя и работаем с ними и участвуем в их борьбе с большевиками. Немцы понимают, что наша активность направлена в одинаковой мере как против большевиков, так и против гитлеровской Германии, что мы, русские люди, имеем свою родину и народ, за освобождение которых мы в действительности боремся».

В ходе разработки Симонова гестапо якобы получило от Таврина факты о причастности к подполью целой группы лиц из числа русских эмигрантов, проживающих в Берлине: сына бывшего промышленника Горбача, юриста Я. М. Санькова, профессора медицины Капустина, сына украинского помещика Панпура и дочери краснодарского помещика Н. Н. Грековой. Таврин получил информацию о том, что группа ориентируется на англичан, а Симонов является ее руководителем. От Симонова Таврин также узнал, что Маршал Бадольо, занимавший в то время пост начальника Генштаба итальянской армии, якобы содействовал англичанам в доставке оружия через Италию Маршалу Тито.

Впоследствии на основе сведений, полученных от Таврина, немцам якобы удалось перехватить несколько транспортов, которые были направлены югославским партизанам по итальянским каналам. От русских эмигрантов Таврин еще узнал о существовании «довольно сильной группы немцев, ставящей целью свержение гитлеровского режима».

В качестве подтверждения этой информации Симонов привел данные Таврину «о наличии в распоряжении группы 60 дивизий разных родов войск, скрывающихся в тылу Германии», также о том, что эта группа пользуется поддержкой немецкой промышленной верхушки... Промышленники якобы саботировали выполнение военных заказов и не давали фронту вооружение и военные материалы, а изготавливаемую продукцию скрывали. По данным Симонова, заводы «Опель» скрыли 16 тыс. автомобилей, а заводы «БМВ» – 41 тыс. моторов. Аналогичный саботаж был вскрыт в фирмах Круппа, Сименса и др.

После доклада Таврина гестапо, немецкая контрразведка активно взялись за проверку полученных от агента сведений. После ареста в Италии Муссолини Таврин получил от гестапо задание – выяснить через Симонова, какие связи у него имеются в Италии. Как оказалось, в среде антифашистского подполья в Берлине был русский эмигрант Соболевский, живущий в Италии, который поставлял сведения о положении в этой стране. Гестапо по своим каналам быстро установило, что Соболевский проживает в Падуе, 60 лет, бывший генерал царской армии, по национальности поляк, эмигрировал из России в годы Гражданской войны. В гестапо Таврина снабдили специально сфабрикованным письмом от имени Симонова и Тумановой и в сопровождении сотрудника Шлиппе командировали к нему.

Соболевский рассказал немецкому агенту-провокатору об антифашистских группах, действующих в Италии, а главное, дал ценные сведения о местонахождении Муссолини, которыми Соболевский располагал благодаря своим связям в ставке Маршала Бадольо. Старый генерал забыл о всякой осторожности и рассказал о своих контактах с разведкой Великобритании, причем Таврину даже удалось зафиксировать на кинолентку его работу на радиостанции, находившейся у него на квартире, и частично шифра, которым он пользовался для связи с англичанами.

Дальнейшую работу по Италии, в том числе и с Соболевским, гестапо возложило на некоего Бориса Белова, бывшего ученого-химика, который, приехав в 1934 году в

загранкомандировку во Францию, назад в СССР не возвратился. Позднее Белов был завербован немцами и привлечен к разведывательной работе. После этой встречи Таврин еще раз встретил Белова в 1944 году в Берлине и, со слов Таврина, «пользовался большим авторитетом у немцев» благодаря его активной работе по разработке белоэмигрантов в Италии.

Вся приведенная о Таврине информация показывает широту его провокаторской деятельности. Таврин участвовал в борьбе с антифашистами в самой Германии. Это отражено в справке Оперативного сектора НКВД СВА Берлина от 22 мая 1945 года.

В документе сообщалось: «По показаниям арестованного немецкого агента-террориста Таврина Петра Ивановича, в Берлине проживали: 1. Туманова Евгения Петровна, 37 лет, по адресу Гольцендорфштрассе, дом № 14, возможно – 20; 2. Грекова Наталья Николаевна, 32 лет, прожив (ала) по Александров пляц, дом № 12, работала в фирме «Телефункен»; 3. Климов Евгений Павлович, 50 лет, работал главным инженером мостостроительного управления Министерства промышленности (Шпеер), проживал Голцендорфштрассе, дом № 20, кв. 14; 4. Саньков Ярослав Михайлович, 40 лет, юрист, работал адвокатом, имел свою контору; 5. Капустин, имя неизвестно, отчество – Владимирович, профессор медицины, 55 лет, работал в городской монастырской больнице; 6. Панпура, 45 лет, работал врачом в Берлинской городской больнице». На документе сохранилась резолюция: «Г. Сидневу. Проверить и доложить. И. Серов. 21/V (19)45 г.»...

А. М. Сиднев в то время был начальником Оперсектора НКВД, впоследствии МВД – МГБ Советской военной администрации Берлина.

К указаниям И. Серова Сиднев отнесся безответственно, в то время он активно занимался личным обогащением. Потому, к сожалению, каких-либо еще документов, проливающих свет на провокаторскую деятельность Петра Таврина, обнаружить не удалось.

Алексей Матвеевич Сиднев – генерал-майор, один из руководителей советских органов госбезопасности. В 1951 году был репрессирован и направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. В 1953 году освобожден из-под стражи и уволен из МВД «по фактам дискредитации»²⁷.

Глава шестая. Террорист Политов-Таврин

Продолжение карьеры предателя

Политова привезли в Псков. Там его легализовали под личиной инженера одного из предприятий, создав приличные бытовые условия. Кроме усиленных тренировок, ему предстояло «акклиматизироваться» в России, от которой он был оторван длительное время.

Тщательно ознакомившись со всем, что касалось Политова, основательно побеседовав с ним, Грефе решил, что эта кандидатура для теракта предпочтительнее других, к тому же он поверил, что агент знаком с некоторыми лицами, имеющими доступ к правительственным кругам. Объяснив Политову суть задания и получив его согласие, эсэсовец предложил ему подумать и доложить, что необходимо для его успешного выполнения. Ответ: оружие, полмиллиона советских рублей, документы, позволяющие беспрепятственно проживать в Москве и иметь доступ в ответственные военные учреждения, Грефе не удовлетворил:

– Необходима самая тщательная и всесторонняя подготовка. Ею займется с вами штурмбаннфюрер Краус.

Краус Отто (Krauss; 1906–?) – сотрудник немецкой политической разведки (СД); штурмбаннфюрер СС (1944). Немец. До войны проживал в Риге, член организации

---

²⁷ «Генерал Сиднев отвечает следователю» – из книги Юрия Ленчевского «Сталинский СМЕРШ. Лучшие спецоперации военной контрразведки». М.: «Яуза», «Эксмо», 2013.

«Айзсарги». По специальности архитектор (учился вместе с П. П. Делле). С 1939 г. – сотрудник РСХА. С августа 1941 г. – начальник зондеркоманды СД в Гатчине. Руководитель разведывательного органа СД «Фельдпост № 28344» («Хаупткоманда Норд – фронт») при отделе «Руссланд – Норд» (с конца 1942 г. по 1944 г.). По другим данным, в конце 1944 г. назначен начальником отдела 6–Ц РСХА. В марте 1945 г. вместе с персоналом «Цеппелина – Норд» выехал в Плотцен (20 км от Мариенбада, Чехословакия). 10 мая выехал в г. Катшино около Праги. Возможно, пробрался в американскую зону оккупации вместе со всем персоналом «Цеппелина – Норд».

Новый шеф Политова – матерый разведчик штурмбаннфюрер СС Краус – сразу же перевел его на легальное положение. Политов был прикомандирован в качестве инженера на один из заводов и, как частное лицо, снял квартиру в городе. Однако на заводе Политов появлялся редко. Все свое время он, как правило, проводил в обществе Крауса. Штурмбаннфюрер получил от ГрEFE специальную программу для подготовки Политова и систематически, изо дня в день, занимался с ним.

Подготовка велась в нескольких направлениях: стрельба из личного оружия, вождение мотоцикла и автомобиля. В то же время Краус внимательно следил за тем, как протекает личная жизнь его ученика.

– Не надо быть таким мрачным, господин Политов, – как-то сказал он ему. – Все идет хорошо. В Берлине довольны вами. Вольнее располагайте своим досугом.

На этот раз Политов не сразу понял, чего от него хотят.

– Человек не должен быть одинок. Это противоестественно, – философствовал Краус. – Почему бы вам не обзавестись семьей?

«До этого ли тут?» – хотел было ответить шефу Политов, но, зная по опыту, что с ним ни о чем не говорят зря, угодливо согласился:

– В брак вступлю охотно. С кем прикажете?

– Женитьба по приказу – это непрочный союз. Другое дело – по любви. Правда, у вас, у русских, говорят: «Любовь бывает зла – полюбишь и козла». Вы человек представительный, с отличной внешностью. Вам следует найти подругу по симпатии. А мы вам поможем обеспечить будущую жену.

Задумавшись, несколько помедлив, Политов произнес:

– Если разрешите, герр штурмбаннфюрер, есть тут одна знакомая, работающая в швейной мастерской, которая обслуживает штаб частей германской армии, дислоцированных в Пскове, только я ее еще не очень хорошо знаю.

– О, это, если я не ошибаюсь, фройляйн Шилова, – самодовольно заметил Краус, как бы подчеркивая этим, что ни одна деталь жизни Политова не могла укрыться от внимания начальства. – Насколько нам известно, – продолжал он, – это дочь лица, осужденного коммунистами за, как они называют, антисоветскую деятельность. У вас есть вкус. Это очень хорошо, – сказал Краус. – Считайте, что выбор ваш одобрен. Надеюсь, вы не станете возражать, если ваша будущая супруга освоит специальность радистки?

П. Таврин и Л. Шилова. Фото из уголовного дела

В самом начале ноября Политов оформил свой брак, а несколько позже руководство Главного управления имперской безопасности снова вызвало его в Берлин ²⁸.

---

²⁸ *Беляев А., Сыромятников Б., Угринович В.* Провал акции «Цепелина». Фронт без линии фронта. М.:

В начале января 1944 года во время автомобильной катастрофы погиб Грефе. Его сменил штурманнфюрер Эрик Хенгельхаупт.

Хенгельхаупт Эрик (Hengelhaupt; 1911 –?) – сотрудник германской политической разведки (СД); штурмбаннфюрер СС. Уроженец Магдебурга. Изучал теологию в Лейпцигском университете (1930). Член НСДАП (с 1931 г.). В сентябре 1938 г. вступил в СС, направлен на службу в РСХА, сотрудник II Управления (Amt II D 1 Ost), работал в «Институте Ванзее». В июле 1940 г. переведен в группу С VI Управления (Gruppe С Amt VI). С сентября 1940 г. по 1942 г. – сотрудник айнзатцкоманды А (Париж). С марта 1942 г. – сотрудник группы VI С. С 1944 г. – начальник реферата VI С/Z («Цеппелин»). После войны служил в «Организации Гелена» (нем. Abwehr – Organisation Gehlen) и «БНД».

Встреча Политова с новым начальником восточного отдела VI Управления РСХА штурмбаннфюрером Хенгельхауптом произошла 1 февраля 1944 года.

На Политова он произвел самое благоприятное впечатление. Он оказался гораздо бдительнее Грефе. 30 марта Хенгельхаупт пригласил Политова в ресторан. У них была непринужденная беседа, но Хенгельхаупт старался убедить Политова в том, что неудачи немцев на советско-германском фронте носят временный характер.

– Война – это победы и поражения. Они чередуются. Наши неудачи временные. У рейха еще достаточно ресурсов, – разглагольствовал Хенгельхаупт и как бы доверительно сообщил: – В ближайшее время в действие вступит чудо-оружие. Это невиданное доселе по своей мощи оружие не только сравняет силы воюющих сторон, но и остановит наступление русских.

– Хотелось, чтобы это было так, – сказал Политов.

– Не сомневайтесь! Я верю в гений фюрера.

Во время застолья Хенгельхаупт хотел убедиться в преданности Политова немцам. Время от времени наполняя рюмку своего собеседника то коньяком, то русской водкой, он незаметно, но настойчиво вызывал Политова на откровенность. Задавал ему вопросы и вопросы. Заставлял больше и больше рассказывать о себе. Хенгельхаупт достаточно знал о Политове, но спрашивал и спрашивал, стараясь поймать его на лжи. В течение длинного вечера в ресторане Хенгельхаупт получил полное представление о предателе и изменнике Политове. «Предатель, предавший своих однажды, может совершить еще не одно предательство, но этот вполне подходит для выполнения специального задания. Обратного пути у него нет. Только такой годится «Цеппелину», – рассуждал Хенгельхаупт. В итоге он остался доволен Политовым и его настроением. К концу вечера, когда на десерт были поданы шампанское и фрукты, Хенгельхаупт сказал: «В ближайшие дни вы поедете в Берлин. Подготовлена программа высшего пребывания там. Вас ожидает там много интересного. Вы ознакомитесь с оружием, специального изготовленным по нашему заказу для вас. Встретитесь с одним из самых выдающихся людей рейха».

«Ого! Что бы это значило?» – мелькнуло в голове Политова. Он чувствовал, что немцы доверяют ему, у него еще не было случая убедиться в том, что в нем заинтересовано РСХА.

– Обещано вам также, – продолжал Хенгельхаупт, – что в скором времени мы пригласим в Берлин и вашу жену. Думаю, что совместное пребывание в Берлине оставит в вашей памяти приятное воспоминание ²⁹.

После упоминания Хенгельхаупта о предстоящей встрече Политова с женой в Берлине предатель расценил эти слова как еще одно доказательство того, что в нем, а еще больше в задании, которое ему поручалось, немцы заинтересованы самым серьезным образом.

Еще Грефе предупредил Политова, что его тщательной и всесторонней подготовкой будет заниматься штурмбаннфюрер Краус.

Краус стал усиленно заниматься Политовым. План диверсии выглядел так: после

Московский рабочий, 1970.

²⁹ Беляев А., Сыромятников Б., Угринович В. Фронт без линии фронта. М.: Московский рабочий, 1970.

приземления он с напарницей-радишкой на мотоцикле добирался до Москвы, имея безупречные документы майора, к тому же Героя Советского Союза, находящегося в отпуске после тяжелого ранения, устраивается на жительство в окрестностях столицы вблизи от трассы поездок руководителей Ставки. После этого ему надлежало завести знакомства в среде старшего комсостава, с техническими работниками, имеющими отношение к обслуживанию высокопоставленных военных, членов правительства. Через них выяснить пропускной режим, места наиболее ответственных совещаний и многое другое, что может понадобиться. Особенно рекомендовалось поближе знакомиться с женщинами-стенографистками, машинистками, телеграфистками, но прежде всего обзавестись постоянной «любовью», обитающей в доме поблизости от дороги на дачу Сталина, почаще бывать у нее, чтобы, как говорится, примелькаться, а заодно выбрать удобное место для засады, определить пути отхода, способы быстрой смены одежды.

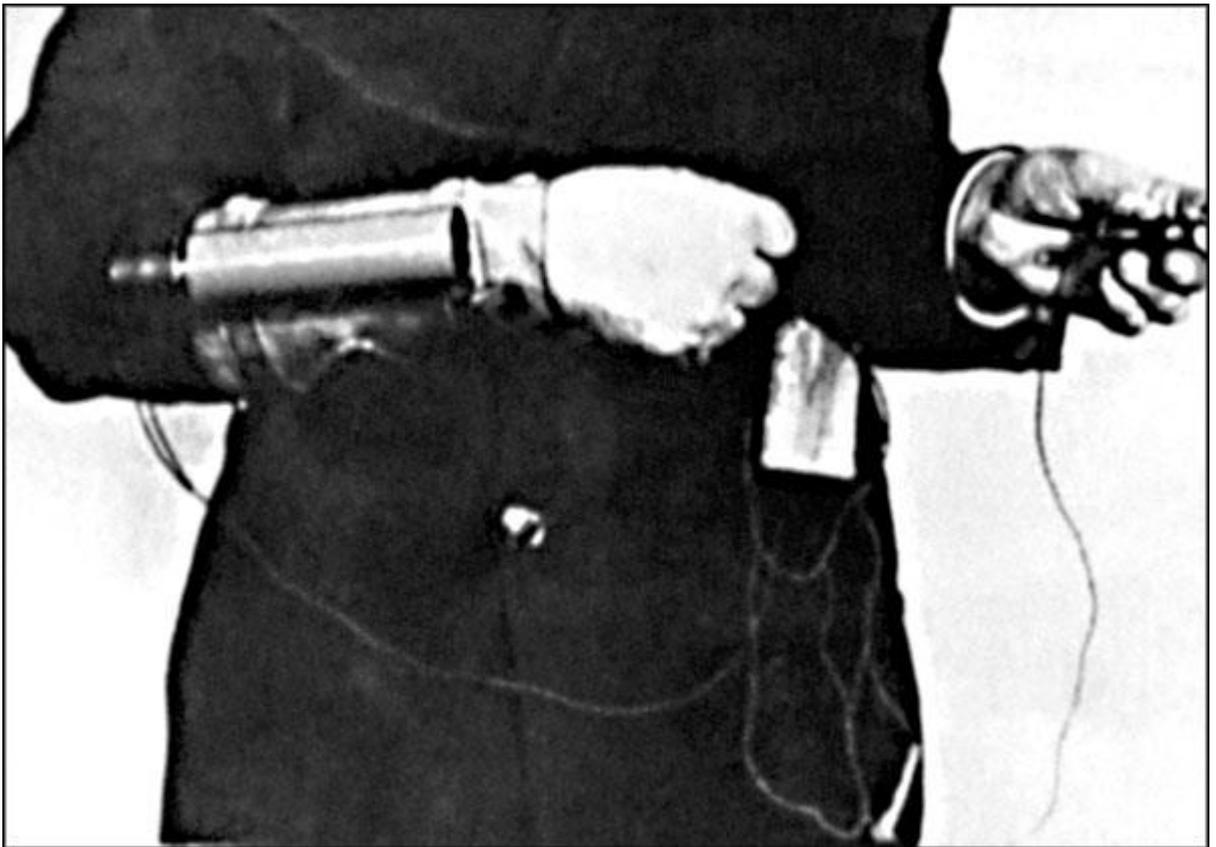
Политов поинтересовался оружием, и Краус заверил его, что оно абсолютно надежное, в чем он сам скоро убедится.

– Потребуется всего один меткий выстрел с довольно приличного расстояния, причем трудно даже определить сразу, откуда он произведен, так что у вас, при соответствующей подготовке, будет возможность скрыться. Разумеется, нельзя пренебрегать и другими видами оружия, прежде всего для самозащиты.

Политов вместе с Краусом и другими работниками отдела, которых он уже хорошо знал, выехал на полигон, расположенный в пригороде Берлина. Бетонная лента дороги долго ныряла под мостами и путепроводами, пока не скрылась в густых зарослях акации. На всем пути следования машину ни разу не остановили, хотя в придорожных кустах Политов замечал патрулей и сторожевые посты эсэсовцев.

На полигоне прибывших встретил высокий капитан с мясистым носом, одетый в форму технических войск. Он проводил их в длинное одноэтажное здание с окнами, заложенными кирпичом. Здесь Политову сначала на схемах, а затем и в подлиннике показали то, что, по мнению руководителей Главного управления, должно было наилучшим образом обеспечить выполнение задания.

На специальном полигоне в пригороде Берлина Политову и Краусу продемонстрировали «супероружие» – портативный реактивный гранатомет «Панцеркнакке» со снарядом кумулятивного действия, способным пробить 45-мм броню на расстоянии до 300 м. Приспособление, состоящее из короткой трубки диаметром 60 мм, кумулятивного снаряда, проводов и кнопочного включателя, с помощью ременных пристяжек прикреплялось к руке, почти бесшумный выстрел производился из рукава костюма диверсанта.

«Панцеркнакке» крепился ремнями на правой руке и был оснащен кнопочным пусковым устройством

Майор обстоятельно рассказывал Политову об оригинальном оружии.

– «Панцеркнакке», – назвал технический майор это небольшое приспособление, состоящее из короткой трубы диаметром миллиметров шестьдесят, ременных пристяжек, проводов и кнопочного включателя. – Безотказное оружие. Стрельба ведется реактивным снарядом кумулятивного действия. Имеет достаточную дальность полета снаряда и пробивную способность на уровне сорокапятимиллиметровой брони. Выстрел производится бесшумно из рукава пальто стреляющего, – давал объяснения майор.

– Безотказное оружие, – сказал Краусс и любовно погладил рукой небольшого размера черные похожие на бутылки снаряды «Панцеркнакке».

Политов спросил:

– А когда можно будет испытать «Панцеркнакке» в действии?

– Скоро, – заверил майор. – Мы работаем по плану. Все будет сделано в срок.

В тот же вечер, 5 апреля 1944 года, Хенгельхаупт пригласил Политова к себе домой. Квартира эсэсовца в Гринвальде произвела на него потрясающее впечатление. Она была оформлена в охотничьем стиле. Хенгельхаупт показал Политову коллекцию ружей.

– После выполнения задания и по возвращении в Берлин вы тоже можете рассчитывать на такие же апартаменты.

Через три дня в Берлин приехала Шилова. Политов в это время был в отъезде, и ее поместили в пансионате на Курфюрстендам, 55.

Политов побывал и на авиационном заводе. Там конструкторы готовили для предстоящей операции специально сконструированный самолет «Арадо-332».

По плану руководства РСХА это должен был быть уникальный десантный моноплан, обладающий высокой скоростью и большим потолком полета. Самолет был оснащен новейшими навигационными приборами, благодаря чему он мог свободно летать как днем, так и ночью, а также совершать посадки в непогоду и на неподготовленную площадку ограниченных размеров. Последнее достигалось специальной конструкцией вездеходного

шасси, смонтированного из двадцати гуттаперчевых колес. Самолет практически был готов, но в самый последний момент Политов вдруг заявил руководству, что ему нужен еще и мотоцикл, чтобы после приземления самолета он мог незамедлительно покинуть район посадки. Поэтому конструкторы должны были сконструировать еще и специальный, убирающийся в фюзеляж самолета трап, по которому Политов и его спутница могли бы легко выехать из самолета прямо на мотоцикле, едва самолет совершит посадку.

Политов остался доволен осмотром «Арадо». Руководство «Цеппелина» – тоже ³⁰. Еще в конце ноября 1943 года Грефе сказал:

– Вас приглашает одно высокопоставленное лицо. Встреча состоится в ближайшие дни.

Осмотрев самолет, Политов окончательно убедился в том, что его акции поднялись очень высоко, но сейчас он терялся в догадках: кто та влиятельная особа, которая пожелала встретиться с ним? Как бы тесно ни было сотрудничество немцев с лицами, перешедшими на их сторону, оно всегда имело определенный предел, за черту которого Политов и ему подобные просто не допускались. Это проявлялось во многом, в том числе и в чопорности старших начальников. В конце концов Политов решил, что его примет кто-нибудь из руководителей «Цеппелина», но действительность превзошла все его ожидания. В кабинет на Потсдамменштрассе, 28, его пригласил не кто-нибудь, а доверенный самого фюрера – штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени. С тех пор как этот опытный и наглый диверсант похитил Муссолини, его имя не сходило со страниц газет и журналов. К нему благоволил фашистский фюрер. Он был героем дня номер один. И этот-то человек, прожженный делец от разведки, пожелал встретиться с Политовым.

---

³⁰ *Беляев А., Сыромятников Б., Угринович В. Фронт без линии фронта.*

Отто Скорцени

Скорцени, герой Абруццо, освободитель Муссолини. Политову было знакомо это имя. О нем много трещала гитлеровская пропаганда. Имя Скорцени не сходило с немецких газет и журналов. Здесь доктор Геббельс постарался. Пропанганда облекла Скорцени ореолом почти мистической славы, превознесла как идола германской расы. Политов видел на киноэкране,

как Гитлер лично вручал двухметроворостому человеку в эсэсовском мундире с лицом, исполосованным шрамами, Рыцарский крест. О «великой» услуге штурмбаннфюрера (тогда он был еще гауптштурмфюрером) самому Гитлеру шумели долго.

Так что такое совершил Скорцени?

25 июля 1943 года лопнул, как прогнивший орех, фашистский режим в Италии. Дуче – вождь, создатель фашистской партии в Италии был арестован. Новый премьер-министр Маршал Бадольо начал переговоры с американцами и англичанами об условиях выхода Италии из войны.

Арестованного Муссолини под строгой охраной секретно переводили с одного корабля на другой, пока, наконец, не поместили в туристском отеле «Кампо императоре», расположенном в труднодоступном горном массиве Гран Сассо в районе Аbruццо. Место было совершенно неприступным: до отеля добирались по подвесной дороге.

По личному приказу Гитлера Отто Скорцени сумел проникнуть в «Кампо императоре». Он с командой головорезов, подготовленных диверсантов, на специальных планерах приземлился возле самого отеля, молниеносно обезоружил растерявшуюся охрану из карабинеров и на легком самолете вывез дуче в Германию.

Тогда-то и подняла нацистская пропаганда невиданный ажиотаж вокруг Отто Скорцени. За плечами Скорцени было немало «подвигов». В 1934 году убийство канцлера Австрии Дольфуса, арест во время «аншлюса» – присоединения Австрии к Германии – президента Шушнига, которого отправили в концлагерь Заксенхаузен.

В VI управлении Главного управления имперской безопасности Скорцени занимал прочное положение. Говорили, что его побаивался сам Вальтер Шелленберг. Ведь на занимаемый Скорцени пост его рекомендовал сам начальник РСХА доктор права Эрнст Кальтенбруннер. А их связывала пятнадцатилетняя дружба.

Вот с таким человеком предстояло встретиться Политову.

Разговор получился живым. Скорцени охотно делился с Политовым своим опытом, объяснял, какими личными качествами должен обладать, с его точки зрения, террорист и как ему следует психологически готовить себя к совершению террористического акта. При этом Скорцени все время подчеркивал, что, если Политов хочет остаться живым, он должен действовать крайне решительно и смело и не бояться смерти, так как малейшее колебание и трусость наверняка погубят его. В подтверждение Скорцени рассказал случай из собственной практики.

Во время похищения Муссолини Скорцени перемахнул через ограду замка и очутился в двух шагах от стоявшего на посту карабинера.

– Если бы я замешкался тогда хоть на секунду, – вспоминал Скорцени, – то наверняка бы погиб, но я без колебаний прикончил карабинера, а затем выполнил задание и, как видите, остался жив.

Рассказав о себе, своих подвигах, Скорцени предложил Политову:

– Расскажите о Москве. Все, что знаете. О советских руководителях, о их жизни. Какие у вас связи с работниками, обслуживающими Ставку Сталина? Как вы собираетесь использовать свое оружие? Какова будет роль в предстоящей операции вашей жены?

Вопросы градом посыпались на Политова. Тот отвечал как мог.

В конце беседы Скорцени спросил ³¹:

– Как вы считаете, господин Политов, возможно в СССР проведение такой операции, какую я так блестяще осуществил в Италии?

Нагловатый, самоуверенный тон, с которым вел беседу Скорцени, не понравился Политову. Рядом с этим матерым бандитом Политов выглядел щенком. Чтобы хоть как-нибудь поднять свой престиж в глазах присутствующих, Политов решился на дерзость:

– СССР – это не Италия, господин штурмбаннфюрер, – не очень громко, но достаточно

---

³¹ Беляев А., Сыромятников Б., Угринович В. Фронт без линии фронта.

твердо ответил он, – и сделать там то, что вы сделали в Италии, значительно трудней.

В новогоднюю ночь 1944 года советскими чекистами был похищен вместе с очень важными документами помощник начальника разведывательно-диверсионной школы обершарфюрер СС изменник Родины Лашков-Гурьянов. Эту необычайно дерзкую по своему замыслу операцию блестяще осуществили чекисты, возглавляемые старшим лейтенантом Георгием Пяткиным.

Задолго до самой операции они установили, что в окрестностях Пскова, в деревне Печки, находится гнездо разведоргана «Цеппелин» – школа по подготовке шпионов и диверсантов, засылаемых в советский тыл. Установив это, они взяли его под наблюдение. Вначале сведения о школе собирались в основном с помощью советских патриотов – жителей деревни и ее окрестностей. Позднее чекистам удалось направить в школу своего человека – лейтенанта Александра Лазарева, который быстро вошел в доверие к немцам и устроился охранником.

13 декабря 1943 года он переправил Пяткину записку:

«Намеченной цели достиг, ваше задание выполнено полностью, прилагаю схему постов «Ш», а также фамилии и их установочные данные. Жду ваших указаний на дальнейшие действия».

Из записки чекисты также узнали, что начальник школы майор СС Хорват и его помощник Лашков-Гурьянов живут в отдельных коттеджах, расположенных на расстоянии 300 метров друг от друга, охраны особой около коттеджей нет, посты охраны территории школы были обозначены.

Пяткин поставил перед Лазаревым ряд новых задач и вскоре получил от него записку следующего содержания:

«Прилагаю декадный пароль, список руководящих лиц школы и др. В настоящий период вхожу в авторитет у командования, назначен командиром взвода охраны школы, имею обильные знакомства».

Занятое Лазаревым положение и представленная им информация позволили оперативным работникам запланировать захват документов и одного из руководителей школы. Выполняя план этой операции, Пяткин подготовил в помощь Лазареву трех «гестаповцев». Ими были партизаны – латыш Бицбул и два эстонца – Виллем и Поханн.

В канун Нового года все трое выехали в Печки.

По первоначальному замыслу предполагалось захватить майора Хорвата. Но его неожиданно вызвали в Берлин. Поэтому чекисты переориентировались на Лашкова-Гурьянова.

Лазарев лично встретил «гестаповцев» у ворот школы и по их требованию препроводил всех троих в коттедж Лашкова-Гурьянова. Ровно в четыре часа утра «гестаповцы» вместе с Лашковым-Гурьяновым и чемоданами, туго набитыми документами, покинули школу. Командир взвода охраны Лазарев опять проводил их до шоссе. В школу он, разумеется, больше не вернулся.

В результате этой операции советские чекисты получили в свои руки исключительно ценные данные о подготовке гитлеровских разведчиков, а штурмбаннфюрер СС Краус был вызван в Берлин и получил такую нахлобучку, от которой долго не мог опомниться.

Поэтому 10 января 1944 года руководство VI управления решило перенести место подготовки Политова из Пскова в Ригу. В связи с этим 12 января 1944 года Политов покинул Псков. Сопровождавший Политова офицер СС устроил его в Риге в гостинице «Эксельсиор» и предложил администрации закрепить за ним лучший номер. Кроме того, Политову была предоставлена квартира в одном из дачных пригородов Риги.

Шилова еще некоторое время находилась в Берлине, где обучалась работать на рации, практиковалась в обращении с радиоаппаратурой, в зашифровке и расшифровке документов, в составлении кодовых таблиц, донесений и схем.

Окончив учебу, она переехала в Ригу и поселилась вместе с Политовым.

Почти сразу же после прибытия в Ригу Краус представил Политова двум новым

инструкторам, которые должны были заниматься с ним ежедневно. Один из инструкторов, Палбицын, имел биографию, как две капли воды похожую на биографию Политова. В прошлом крупный уголовник, осужденный за изнасилования и убийства, он добровольно перешел на сторону немцев и, работая в органах разведки, очень быстро сделал карьеру. Палбицын получил звание капитана СД и был назначен на должность начальника отдела 6-й северной команды разведоргана «Цеппелин».

Специализировался Палбицын в основном на изготовлении фальшивых документов, печатей, штампов, а также на экипировке и снаряжении агентов, засылаемых в Советский Союз.

Второй – П. П. Делле, он же Ланге, – попал на службу к немцам несколько иным путем. Это был типичный отпрыск старого дворянского рода, изгнанного из России революцией, убежденный монархист и лютый антисоветчик. Делле имел чин оберштурмфюрера СС и руководил гатчинской группой безопасности СД.

Краус и Делле иногда вспоминали Гатчину, где оба были еще в сорок первом году.

– Гатчина, Ленинград. К сожалению, нам не удалось покорить этот северный город, – заметил Краус.

Делле Павел Петрович (псевд. «Ланге»; 1907/1908 – после 1990) – сотрудник германской военной разведки; зондерфюрер. Уроженец Хабаровска. Латыш. Из семьи инженера. По специальности архитектор. Политические убеждения – монархист. В начале 1920-х гг. по репарации переехал в Латвию. До 1939 г. проживал в Таллине, затем переехал в Ригу. После оккупации Латвии добровольно поступил на службу в германские карательные подразделения. Принимал личное участие в расстрелах мирных граждан в Риге, затем возглавлял зондеркоманду в Красногвардейске (ныне Гатчина), откуда перешел в отдел 1–А «Руссланд-митте» (с марта 1943 г. – «Цеппелин – Норд»). Исполнял обязанности инструктора по стрельбе и переводчика. Лично руководил подготовкой П. И. Шило-Таврина к покушению на И. В. Сталина. В мае 1945 г. находился в Чехословакии, откуда перебрался в американскую зону оккупации. С середины 1945 г. работал в отделе безопасности т. н. Власовского комитета (КОНР), затем служил в разведшколе в Мариенбаде (недалеко от курорта Карловы Вары). Позже переехал в г. Маннгейм (английская зона оккупации Германии до 1948 г.), заведовал мастерской бытового обслуживания перемещенных лиц. В январе – феврале 1948 г. вместе с семьей выехал в США.

– Какая там у нас была агентура! – заговорил Делле. – Конечно, экземпляры были разные, но проверку им устраивали тщательную. Не все ее выдерживали... Однажды мне пришлось отказаться от услуг одного русского... На первых порах он показался мне ценным приобретением.

– Струсил?

– Не выдержал проверки. Перед ним поставили связанного человека с кляпом во рту, и я сказал: «Это секретарь райкома партии. Стреляй!»

– Он не выстрелил? – с интересом спросил Краус.

Делле не спешил с ответом, закурил:

– Упал в обморок.

Краус засмеялся:

– Может быть, он большевистский агент, а его обморок – игра. Вы не допускаете, что этот человек – хороший актер?

– Для меня главное было в том, что он не выполнил мой приказ, – сказал Деле.

– А как вели себя в подобной ситуации другие? – спросил Краус. – Надеюсь, у вас был еще похожий случай.

– Одному я приказал стрелять сразу в шестерых.

– Пожалуйста, подробнее.

– У стены поставили шесть человек. Разумеется, все меры были приняты... Они были связаны. Рты забиты тряпками. Было сказано: «Вот шесть секретарей райкомов. Стреляй». Мой человек спокойно перестрелял всех.

– Это действительно были коммунисты?

– Всего лишь уголовники.

– Но этот ваш человек, Делле, мог не поверить вам. Люди связаны, рты забиты... Наконец, он мог знать видных коммунистов в лицо. Мог догадаться: ему подсунули не тех, кого назвали.

– Он из другой местности. Но дело не в этом.

При этой акции присутствовали еще люди, и если даже мой агент сомневался, то он не знал, сколько из них считать убитых коммунистами, и ярлык «палач» обеспечен моему человеку до конца жизни. Назад ему уже пути нет.

– Вы все предусмотрели, Делле. Но не учли только одного – ваш человек мог оказаться русским агентом, их разведчиком.

– В таком случае пути Господни неисповедимы.

– Разведка – это огромное поле человеческой деятельности, раскрытия неограниченных возможностей талантливой личности, увлекательнейшее занятие. Из всех видов охот – охота на человека самая интересная. Правда, не всегда безопасная, – улыбнулся Краус.

Как Палбицын, так и Делле с первого же дня принял самое активное участие в подготовке Политова. К этому времени был уже окончательно утвержден план заброски Политова и Шиловой в советский тыл. Было решено, что Политов будет действовать под видом майора Красной армии, получившего отпуск после тяжелого ранения. Учитывая это, новые наставники при подготовке Политова разделили между собой обязанности таким образом: Палбицын занялся с ним стрельбой и изготовлением документов, удостоверяющих личность Политова, а Делле детально разработал легенду о пребывании Политова на фронте, его ранении и лечении в госпитале.

В конце января Политова пригласил к себе Краус.

– В вашей подготовке не должно быть ни малейших упущений, – сказал он. – Вам придется лечь в госпиталь и сделать пластическую операцию.

Политов ответил, что готов.

Вот как об этом на допросе рассказал Таврин:

– Краус несколько раз ставил передо мною вопрос о том, что я должен быть выброшен под видом инвалида Отечественной войны. В этой связи Краус требовал от меня, чтобы я согласился на хирургическую операцию... Я категорически отказался от этого. Тогда Краус предложил мне хирургическим путем сделать на теле следы ранений... В рижском военном госпитале мне под наркозом сделали большие раны на руках. Я пролежал в госпитале 14 дней, после чего у меня в результате операции на теле образовались следы, схожие с зарубцевавшимися ранами.

П.И. Таврин и Л.Я. Шилова перед заброской в СССР

Перед операцией Краус предупредил Политова, но не хотелось бы, чтобы кто-нибудь об этом знал.

– Даже вашу жену не стоит посвящать в эту историю. Что, если мы распространим слух о вашем срочном выезде на фронт?

– Думаю, что это ни у кого не вызовет никаких подозрений, – ответил Политов и в тот же вечер сообщил Шиловой о своей командировке в действующую армию.

Утром следующего дня к гостинице «Эксельсиор» была подана машина, которая якобы должна была отвезти Политова на вокзал. Он попрощался с женой и отправился в путь. Но вместо вокзала очутился в немецком военном госпитале. Здесь под наркозом ему была

сделана сложная операция, а спустя два дня в номер к Шиловой явился Краус и сообщил ей о том, что Политов попал под бомбежку, получил ранения, но вовремя был доставлен в госпиталь и сейчас находится вне опасности. Об этом же были поставлены в известность и некоторые другие лица, имевшие контакт с Политовым, а спустя три недели эту версию подтвердил и сам Политов, вернувшийся из госпиталя.

Пока Политов находился в госпитале, его шефы продолжали работу. Палбицын, посоветовавшись с Краусом, решил, что «Золотая Звезда» Героя Советского Союза повысит шансы новоиспеченного майора Красной армии, и сделал соответствующий запрос в Берлин. Вскоре оттуда были получены орден Ленина и «Золотая Звезда», принадлежавшие генерал-майору Красной армии Ивану Михайловичу Шепетову, отличившемуся в боях 1941 года и замученному впоследствии в фашистских застенках.

Орден Красного Знамени, орден Александра Невского, два ордена Красной Звезды и две медали «За отвагу» Краус и Палбицын без особого труда нашли на месте. На право ношения всех этих наград были изготовлены соответствующие документы, а сам Политов отныне превратился в Таврина.

10 февраля в Ригу из Берлина прибыл уже знакомый Политову капитан технической службы. Он привез изготовленное им дьявольское оружие. С этого дня Политов начал тренироваться в стрельбе из «Панцеркнакке». Привычную стрельбу из пистолетов заменило змеиное шипение реактивных снарядов. «Панцеркнакке» действовало безотказно. Снаряды метко попадали в цель и прожигали броню в 45 миллиметров.

Лучшие специалисты готовили «железные» документы, набор бланков различных советских учреждений, печати, штампы, приспособления для производства оттисков на паспортах. В поте лица трудились оружейники: ведь ясно, что если Сталин куда-то выезжает, то наверняка в бронированном лимузине, в сопровождении сильной и зоркой охраны. Мина не годилась: если бы даже ее и удалось установить, что мало вероятно, то подорвалась бы на ней первая машина в кортеже. Отпадал и фаустпатрон, который готовились принять на вооружение, – слишком заметная и довольно тяжелая штука с дальностью стрельбы до тридцати метров. Требовалось нечто совершенно новое и безотказное. Еще труднее пришлось авиационным специалистам – агента надо доставить как можно ближе к Москве и не сбрасывать его с парашютом, а высадить на землю с каким-то тяжелым грузом, причем с гарантией, что самолет не собьют в полете зенитки или истребители.

Люди живут не в бездушном пространстве. Все, что происходит вокруг них, становится достоянием окружающих, разных свидетелей. Против фронта, видимо, всегда стоит фронт невидимый. Гитлеровцы тщательно скрывали свои разведывательные органы, однако советские чекисты имели о них достаточную информацию. Действовали они и в Риге, где было сосредоточено немало тайных сил врага. Да, активно работали советские чекисты в Риге. Так, в середине марта в одну из пошивочных мастерских, обслуживающих офицеров оккупационных войск Риги, прибыл эсэсовец. Он потребовал директора. Тот незамедлительно явился. Эсэсовец передал ему большой сверток отлично выделанных хромовых кож и вручил записку. В ней было сказано, что из этих кож надлежит самым скорейшим образом сшить мужское пальто и что фасон пальто и все мерки через день директору передадут дополнительно. Директор заверил эсэсовца, что все будет сделано самым наилучшим образом, и после его ухода еще раз перечитал записку. Текст ее не вызвал у него никаких подозрений, но подпись «штурмбаннфюрер Краус» заставила насторожиться.

Через день в мастерскую действительно явился высокий круглолицый мужчина и попросил снять с него мерку для пальто. Директор лично обмерил пришедшего и, любезно разложив перед ним журналы новейших европейских мод, предложил выбрать фасон. Однако пришедший даже не заглянул в журналы.

– Сшейте мне по русскому образцу, – попросил он. Директор не стал возражать. Он сказал, что через два дня пальто будет готово, и при этом вежливо попросил господина указать свой адрес, чтобы можно было доставить заказчику пальто на дом. Однако заказчик от этой услуги отказался и пообещал прийти за пальто лично. Точно в назначенный срок он

снова явился в мастерскую и, примерив уже готовую вещь, неожиданно попросил несколько удлинить правый рукав, а на левой стороне пальто сделать два кармана.

Все это немедленно было выполнено, и посетитель, получив заказ, ушел. Вслед за ним из мастерской вышел мальчик-разносчик. Через час он уже знал, что новый клиент живет в «Эксельсиоре». Это также показалось любопытным. В названной гостинице останавливались только высшие немецкие офицеры.

С этого дня за Политовым стала наблюдать советская разведка, действовавшая в оккупированной Риге. Вскоре был точно установлен круг людей, с которыми он общался, места, где он бывал.

После освобождения Риги сотрудники СМЕРШ Рижского гарнизона нашли не только гостиницу, в которой «Политов» останавливался, когда приезжал в Ригу «Эксельсиор» (на улице Гоголя), но и портного, который сшил ему кожаное пальто «с кармашком».

Спустя некоторое время заказ был готов. «Политов» явился за ним с женой, купил себе еще «лучший гражданский костюм», а супруге – «лучшие предметы дамского одеяния».

Портной рассказал, что в январе 1944 года к нему в ателье пришел человек с запиской из команды «Цепелин» с заданием из привезенных кож сшить пальто «инженеру Политову». Вскоре явился и сам «инженер». Портной предложил изготовить пальто по «существующим европейским модам», на это «Политов» возразил, сказав: «Шейте по такой моде, как у нас, т. е. реглан, но только делайте пошире и подлиннее рукава». Во время второй примерки «Политов» потребовал, чтобы ему в рукаве сделали кармашек, куда можно было бы положить пистолет. Тотчас же был вызван мастер, который и выполнил требование клиента.

Как оказалось, во время оккупации в рижской гостинице «Эксельсиор» гражданские лица не останавливались. Она предназначалась только для офицеров германской армии. «Инженера Политова» с супругой в эту гостиницу привел офицер-эсэсовец и приказал отвести ему лучший номер. «Политов» остановился в № 18. Выезжая из гостиницы, «Политов» сказал одному из служащих, что он «уезжает на фронт обучать, как обращаться с новым видом оружия». Этот служащий также вспомнил, что «Политов» всегда под пиджаком носил маленький пистолет в кобуре «на всякий случай», а все визитеры к нему были одеты в эсэсовскую форму.

В Риге у Политова с Хенгельхауптом с 15 по 26 июля 1944 года деловых встреч было две. Подготовка Политова продолжалась. Автоматическое снаряжение террориста было предложено капитаном Хуль Габль, который впоследствии обучал Политова пользоваться этим видом снаряжения.

Из Берлина привезли какой-то ящик. Внутри оказалась мощная магнитная мина с радиовзрывателем, позволяющим произвести взрыв по радиосигналу с расстояния в несколько километров.

– Это тоже очень хорошая вещь. На нее мы возлагаем свои главные надежды, – показывая мину Политову, сказал Краус. – Как герой своего народа вы должны побывать на одном из торжественных собраний, где будут присутствовать руководители, и принести туда эту мину. Потом вы выйдете из зала и тем самым обезопасите себя. А все остальное сделает ваша супруга. В назначенное время она подаст радиосигнал, и торжественное собрание превратится в торжественные похороны, – захохотал Краус.

– Все будет сделано, – заверил Политов, хотя и почувствовал, что вариант с миной еще более неосуществим для него, чем с «Панцеркнакке».

Политову дали семь пистолетов. В числе их был и пистолет системы «Веблей-Скотт», снаряженный специальными отравленными разрывными пулями. Особенность конструкции этого пистолета состояла в том, что во время выстрела отпирание ствола происходило после его короткого отхода назад с одновременным снижением. Возвратная пружина двуперая, V-образная, расположена в рукоятке под правой щечкой, ее усилие на затвор передается через рычаг. Курок смонтирован на подвижной детали, являющейся автоматическим предохранителем. Другими словами, в умелых руках пистолет этой конструкции являлся

мощным и надежным оружием. (Подробнее о пистолетах фирмы «Веблей-Скотт», выпускавшихся в Великобритании в 1905–1940 гг.³²)

Политов нервничал, боялся. Он понимал, что задуманное немцами – авантюра и вряд ли ему повезет на нашей территории. Однако обратного хода он не видел и смирился с тем, что ему предстояло делать.

Семейный дуэт

Шилова не была тщеславной. Она была скромным бухгалтером, работала у немцев в пошивочной мастерской. И вдруг почувствовала к себе внимание немцев. Галантное отношение, Берлин, где ее учили радиodelу, безусловно произвели на нее, провинциалку, впечатление. Пребывание в Пскове вспоминала нерадостно. От внешнего мира центр подготовки агентов-диверсантов «Цеппелин» отделял двухметровый деревянный забор с колючей проволокой поверху. В охранной зоне находились штаб, казарма, учебный корпус, где велась подготовка особо ценных агентов, обеспечивающих связь с разведгруппами, действующими в тылу Красной армии. В административной части было общежитие офицерского состава, столовая, автопарк, склады, мастерские. Деревня Халахальня была центром «Цеппелина». На Лиду Шилову она действовала удручающе.

Но вот Петр и она оказались в Риге. Этот европейский город очаровал их обоих.

В один из дней в номере рижского фешенебельного отеля «Эксельсиор» (в нем останавливались только высшие немецкие офицеры), где жил с 5 декабря 1943 года Таврин с Шиловой, появился Краус с шарфюрером, молодым ээсовцем. Шарфюрер принес Таврину патефон с пластинками.

– Это скрасит ваш отдых, – сказал Краус. Немцы предоставили возможность Таврину и Шиловой отдохнуть с 5 декабря по 20 января 1944 года. Это была инициатива ГрEFE.

Посмотрев пластинки – там были «Роза Мунде», «Лили Марлен», – Таврин заметил:

– А нельзя что-нибудь русское?

– Вам хочется Петра Лещенко или Вертинского? Будет, – заверил Краус.

В следующий раз тот же шарфюрер принес целую стопу пластинок. «Ах, эти черные глаза...», «Встретились мы в баре ресторана...», «Татьяна...», «Как-то под вечер приходит чеченец к Ахмету...»; «Хочешь получить большую монету? Мы, народ кавказский, любим вино и ласки...» – из песни «Кавказ», пел Петр Лещенко. «В бананово-лимонном Сингапуре», «Ваши пальцы пахнут ладаном» – это уже был Вертинский. И еще принесли пластинки Утесова, Клавдии Шульженко.

– Чтобы вам веселее было, – заметил Краус.

– Да нам в эти дни не грустно, – отпарировал Таврин. Впереди ему предстояло совершить акцию, после которой шансов остаться живым было немного. Однако Таврин не унывал – вариантов было несколько. С большой суммой денег и несколькими комплектами воинских документов, большим количеством штемпелей и печатей военных учреждений легко можно было затеряться на бескрайних просторах великой страны. Этот вариант Таврин рассматривал как крайний и опасный. Немцы не такие уж дураки. Их обдурить не просто. За обман просто убьют. Как это смогут сделать? Да у них возможностей достаточно. Лучше, конечно, выполнить задание «Цеппелин». Тогда его ждут вознаграждение, слава! «Но пусть немчура не думает, что я буду стрелять в Сталина в Кремле отравленными и разрывными пулями. Это верная гибель! А вот мина на его пути – безопаснее для меня, и надежнее». Особенно уповал Таврин на реактивный снаряд из «Панцеркнакке». Снаряд пробивал бронированные плиты толщиной 45 мм. Применить «Панцеркнакке» следует на улице во время прохождения правительственной машины, размышлял Таврин, слушая Утесова: «Из

---

³² См.: Жук А. Б. Стрелковое оружие. Революеры, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулеметы, автоматы. М., 1992. С. 231–232; 285–286.

одесского кичмана бежали два уркана. Бежали на заре...»

Ему нравилась эта пластинка. Он вспоминал, как сам бежал из тюрьмы, когда был арестован в городе Саратове за растрату государственных денег. Он тогда с группой арестованных, проломив стену в тюремной бане, удачно бежал. В 1934 и 1936 годах он также арестовывался милицией за растраты, но в обоих случаях совершал побег.

Шилова не была посвящена в то, что Таврин имел задание по террору. Ее немцы давали ему как радистку. Она чувствовала себя беззаботно. С удовольствием слушала «В парке Чаир распускаются розы...», и особенно «Утомленное солнце»:

Утомленное солнце нежно с морем прощалось.
В этот час ты призналась, что нет любви.
Расставаясь, мы не будем злиться,
Виноваты в этом я и ты...

Почти 80 лет «утомленному солнцу». Она выдержала испытание временем. Многие с удовольствием слушают ее сегодня в исполнении Иосифа Кобзона. А уж фильмы Никиты Михалкова «Утомленное солнце» широко известны.

Шилова после занятия любовью с Тавриным ставила пластинки Клавдии Шульженко: «Руки...», «Встречи...», «Сочи...», «Как часто на Ривьере...» – очаровывал голос Шульженко.

– Мечтала побывать в Сочи, Ялте... – говорила Шилова.

– Побываешь, Лида, – говорил ей Таврин. Шилова его вполне устраивала. Он на нее сам положил глаз, но их супружество организовали немцы. «Она их агент, приставлена ко мне, присматривать за мной», – рассуждал Таврин. Своей жене Лиде он не верил. Вообще-то Таврин никому не верил.

«Цеппелин» тщательно готовил Таврина. Подготавливая его к переброске через линию фронта, Краус несколько раз ставил перед ним вопрос о том, что он должен быть выброшен под видом инвалида Отечественной войны. В этой связи Краус требовал от Таврина согласия на хирургическую операцию, в результате которой он станет хромым. Чтобы уговорить его, Краус связал Таврина с немецкими врачами, которые доказывали ему, что после войны ему сделают еще одну операцию, в результате которой нога будет нормальной. Таврин категорически отказался от этого. Тогда Краус предложил ему хирургическим путем сделать на теле следы ранений. Он и от этого отказался, но под давлением Крауса все же вынужден был на это согласиться.

В Рижском военном госпитале Таврину под наркозом сделали большую рану на правой части живота и две небольшие раны на руках. Он пролежал в госпитале 14 дней, после чего у него в результате операции на теле образовались следы, схожие с зарубцевавшимися ранами. Для того чтобы скрыть этот факт от Шиловой, Таврин по указанию Крауса сообщил ей, что он уезжает в командировку на фронт, а по возвращении из госпиталя домой рассказал, что был ранен. В этой связи Таврин в декабре 1943 года не мог заниматься подготовкой к переброске через линию фронта.

Немцы указали Таврину, что его документы СМЕРШ абсолютно надежны и что он по ним проникнет в Москву, не вызвав никаких подозрений. Но, как объяснил ему Краус, по этому документу находиться длительное время в каком-либо одном месте опасно и что будет значительно надежней, если он по прибытии в Москву изготовит из имеющихся у него чистых бланков документ на имя офицера Красной армии, находящегося в отпуске после ранения. В Москве он должен был подыскать место для жилья на частной квартире и прописаться по этим документам. «Ранение» Таврина могло служить убедительным доказательством его правомочного нахождения в столице.

Завершение операции

В апреле 1944 года план диверсии был окончательно утвержден, проведен заключительный инструктаж исполнителя. Вместе с гранатометом Таврин получил несколько пистолетов, к одному из которых имелись отравленные смертельным ядом пули.

Отравленные пули. Магнитная мина. Таврин подумал, что немцы, должно быть, спятили с ума, потеряв всякое представление о реальности. Даже если ему удастся совершить до этого основной террористический акт и унести свои ноги, то, каким-то чудом заполучив пригласительный билет, он не сможет пройти в зал с портфелем без досмотра. Опять-таки, если чудо произойдет, он будет сидеть далеко не в первом ряду от президиума и не сумеет потом незаметно ускользнуть. Наоборот, сначала взрыв, потом покушение? Тогда о нем можно забыть. Но он предпочел промолчать, тем более что выполнение акции по ряду причин пришлось перенести на конец августа, и никаких торжественных собраний до 7 ноября не предвиделось.

Подготовка Политова фактически заканчивалась. Доделать оставалось очень немного, а именно: сшить Политову и Шиловой форму, дать им возможность в течение нескольких дней обносить ее, хорошо спрятать в мотоцикле радиостанцию, оружие, деньги, запасные документы и всевозможные печати и подготовить мотоцикл к надежной технической эксплуатации.

Но тут Палбицыну пришла в голову еще одна идея. Он раздобыл по экземпляру газеты «Правда» и «Известия» и перепечатал их на чистой бумаге слово в слово, с одним лишь небольшим изменением. В сфабрикованный номер «Правды» он впечатал очерк о подвиге, совершенном майором Тавриным, и тиснул его портрет. А в номере «Известий» подпечатал в Указе Президиума Верховного Совета Союза ССР о присвоении звания Героя Советского Союза рядовому, сержантскому и офицерскому составу Красной армии фамилию, имя и отчество новоиспеченного майора. По мнению Палбицына, это должно было оградить Политова от всяких подозрений надежнее любых документов.

Однако с подготовкой террористического акта в «Цепелине – Норд» что-то не заладилось, начало операции в силу различных причин переносилось семь раз. Первый срок – намечалось прибытие в Москву к 15 января 1944 года. Подготовка включала в себя индивидуальное обучение в стрельбе из пистолета (вылет не состоялся из-за отсутствия транспорта и документов). Во второй раз – 20 февраля – из-за изменения плана. Третий и четвертый – из-за неготовности новых документов и отсутствия самолета. Пятый – 6 июля – из-за неисправности бензобака самолета, шестой – 14 июля – из-за обстрела на линии фронта. Седьмой – 3 сентября – вылет не состоялся из-за метеорологических условий, самолет стартовал лишь в ночь с 4 сентября.

Перед самым отлетом Политова-Таврина Палбицын провел еще одно «хитрое», по его мнению, мероприятие. Улучив момент, он, по заданию Крауса, в последний раз прощупал Политова. Оставшись как-то после занятий с Политовым один на один, Палбицын «разоткровенничался»:

– А дела-то у немцев швах. Похоже на то, что им придется отсюда удирать.

На это Политов ответил неопределенно:

– Нам-то что? Уйдем вместе с ними. Европа большая, места всем хватит.

– Не скажи, – гнул свое Палбицын и зашептал Политову на ухо: – Подумай лучше, не пора ли нам менять хозяев?

Политов понял цену этому разговору и сразу же пресек его.

– А по-моему, особых оснований для беспокойства нет, – отрезал он. – Неудачи на фронте – дело временное. Слышал, что Геббельс говорит о новом оружии? Немцы себя еще покажут.

– Дай бог! – сразу ретировался Палбицын и пожелал Политову успешно выполнить задачу.

Поздним вечером 5 сентября 1944 г. на военный аэродром Риги приземлился «Арадо». В него по трапу закатили мотоцикл советской марки М-72 и закрепили.

После этого к самолету подошли Политов и Шилова. Их провожали Краус, Палбицын и

Делле. Отлетающие были одеты в форму советских офицеров. На плечах у Политова красовались погоны майора. Шилова довольствовалась погонами младшего лейтенанта медицинской службы. Палбицын в последний раз осмотрел своих подопечных, поправил на груди у Политова ордена.

После этого Краус отвел на минуту Политова в сторону и передал ему ампулу с ядом.

– Это на случай, если для вас и для вашей жены создастся безвыходное положение. Вы не должны попасть живыми в руки НКВД.

Политов болезненно поморщился, но уже в следующий момент решительно сунул ампулу в карман.

Взревели моторы, «Арадо» оторвался от взлетной полосы и взял курс на восток.

А там, чего не могли представить и в кошмарном сне организаторы преступления, его уже поджидали советские контрразведчики.

Генерал-предатель

В последние годы о предателе Андрее Власове на печатных страницах говорили немало. С Власовым Таврин встречался четыре раза, в разных местах, побывал у Власова и на квартире.

Поэтому коротко расскажем, что такое Власов.

Власов Андрей Андреевич (1901–1946) – генерал-лейтенант РККА, генерал-лейтенант ВС КОНР. Родился в селе Ломакино Гагинского района Нижегородской губернии в семье крестьянина-кустара. Окончил сельскую школу, Нижегородское духовное училище. Два года учился в духовной семинарии. В 1917 г. поступил в 11-ю нижегородскую единую трудовую школу 2-й ступени, которую окончил в 1919 г. До призыва в РККА учился в Нижегородском государственном университете на агрономическом факультете.

В РККА с 1920 г. Окончил Нижегородские краткосрочные пехотные командные курсы в 1920 г. Высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел» в 1929 г. В 1920 г. участвовал в боях против армии Врангеля, Махно и пр. До ноября 1930 г. занимал должности: командир взвода, роты, начальник полковой школы, командир стрелкового батальона и временно исполнял обязанности начальника штаба 14 Смоленского полка 2-й Донской дивизии. В ноябре 1920 г. был переведен в Ленинград в Объединенную школу им. Ленина, где служил преподавателем тактики и помощником начальника учебного отдела. В феврале 1933 г. переведен в штаб Ленинградского военного округа (ЛВО), где занимал должности: помощника начальника 1 сектора 2 отдела, начальника отдела боевой подготовки, начальника учебного отдела курсов военных переводчиков разведотдела ЛВО. В 1933–1935 гг. окончил 1-й курс Военно-вечерней академии РККА им. М. В. Фрунзе (Ленинградское отделение). С 1937 по 1938 г. – на командных должностях. Осенью 1938 г. находился в Китае в качестве военного советника при оперативном управлении китайской армии. В январе 1940 г. – командир 99-й стрелковой дивизии Киевского Особого военного округа. Член ВКП (б) с 1930 г., член партбюро школы и полка, член Военного трибунала округа, президиума районных организаций Осовиахима и пр. В 1940 г. награжден орденом Ленина, генерал-майор.

В начале войны командовал 4-м мехкорпусом, 37-й и 20-й армиями. В 1942 г. награжден орденом Красного Знамени, будучи генерал-лейтенантом. С 1942 г. – заместитель командующего Волховским фронтом, командующий 2-й Ударной армией. С частями армии попал в окружение. В начале мая получил приказ прорываться из «котла», однако прорваться не удалось. Отказался от эвакуации самолетом. В конце июня штабная колонна армии была рассеяна огнем противника.

12 июля 1942 г. выдан местными жителями дер. Туховежи немецкому патрулю 18-й армии. На допросе в штабе 18-й армии подробно разобрал ход последних боевых действий, перечислил номера армий фронта и фамилии их командующих, хорошо известные немцам. Охарактеризовал Сталина, Жуков, Мерецкова.

Направлен в Летценский лагерь, затем в особый лагерь ОКХ под Винницей. В лагере установил близкие отношения с полковником Боярским. После прибытия в лагерь капитана пропагандистской службы ОКХ В. К. Штрик-Штрикфельдта и длительных бесед с ним согласился возглавить антисоветское движение на оккупированных территориях. Совместно с Боярским составил меморандум германскому командованию, в котором предложил создать политический центр по формированию антисоветской армии. В сентябре доставлен в Берлин в отдел пропаганды ОКВ. Подписал ряд пропагандистских листовок, предназначенных для распространения на Восточном фронте. В конце декабря подписал воззвание Русского Комитета к бойцам и командирам РККА. Весной 1943 г. совершил ознакомительную поездку по оккупированным территориям и во время выступлений перед аудиторией допустил ряд антинемецких высказываний, за что был помещен под домашний арест. Жил в пригороде Берлина – Далеме. Неоднократно посещал Дабендорфскую школу пропагандистов. 16 сентября 1944 г. после встречи с рейхсфюрером СС Г. Гиммлером получил разрешение на формирование собственных вооруженных сил.

1 марта 1945 г. встречался с Й. Геббельсом. Согласился на использование 1-й дивизии ВС КОНР на Одерском фронте. 27 марта председательствовал на последнем заседании Президиума КОНР, утвердил план спасения ВС КОНР путем их объединения в Югославии.

13 апреля 1945 г. вступил в брак с вдовой Аделью фон Билленберг. Отказался от предложения вылететь на самолете в Испанию. Категорически настаивал на невмешательстве ВС КОНР в ход Пражского восстания, после отказа командира 1-й дивизии ВС КОНР С. Р. Буняченко подчиниться – покинул дивизию. Безрезультатно пытался установить контакт с представителями американской армии.

11 мая 1945 г. находился в замке Шлюссельбург (Лнарже) в 50 км от г. Пльзень. Несмотря на уговоры коменданта – капитана армии США Р. Е. Донахью, – отказался выехать в глубь американской оккупационной зоны. 12 мая отдал приказ распустить 1-ю дивизию ВС КОНР и мелкими группами пробираться в глубь американской зоны. В колонне из 7 автомашин вместе с американцами направился в Пльзень на переговоры с командованием 3-й американской армии. Через 3 км колонна была остановлена советскими автоматчиками. На автомашину Власова им указал капитан ВС КОНР П. Н. Кучинский, после чего А. А. Власов и переводчик обер-лейтенант В. С. Ресслер были арестованы и доставлены в штаб 25 танкового корпуса, позднее – в Москву.

Указом Президиума Верховного Совета СССР лишен всех наград. Казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 1 августа 1946 г. Повешен во дворе Бутырской тюрьмы.

Глава седьмая. Чекисты не дремали

Начало радиоигры с противником

В июне 1944 года армейским чекистам стало известно, что на территорию СССР немцами направляется агентурная группа Л. с задачей подобрать площадку для посадки специального десантного самолета.

Вспоминает руководитель операции генерал-майор СМЕРШа Сергей Захарович Остряков:

– В июне 1944 г. в лесах севернее Смоленска немцы сбросили с самолета трех парашютистов с рацией. Они тут же явились в СМЕРШ с повинной, что в то время не было таким уж редким событием. Однако задание, полученное разведчиками в Риге, было необычным: отыскать и осмотреть несколько грунтовых посадочных площадок, которыми пользовалась германская авиация в сорок первом – сорок втором годах, выбрать наиболее сохранившуюся и пригодную для посадки большого транспортного самолета, сообщить ее координаты в рижский филиал «Цеппелина» и по полученной оттуда команде зажечь три

сигнальных костра. Не приходилось сомневаться, что противником готовится доставка какого-то опасного груза, и его необходимо перехватить вместе с сопровождающими и самолетом.

Парашютисты с готовностью выразили желание сотрудничать с нами, и их радист передал в Ригу шифровки о благополучном приземлении и перемещении группы в намеченный район. Отчего бы не «помочь» немцам в выборе посадочной площадки? Мы на самолете У-2 облетели все временные полевые аэродромы, оставленные немцами при отступлении. Наиболее удобный оказался в районе села Батурина. Его быстро расчистили, а для того, чтобы самолет не мог сразу взлететь после приземления, перекопали в точно рассчитанном месте площадку канавой, тщательно замаскировали ее. Наготове находилось воинское подразделение, каждый боец которого знал, что делать.

Замысел был таков: самолет встречает троица бывших вражеских агентов, поздравив экипаж и пассажиров с благополучным прибытием, заводят разговор об их дальнейших намерениях и затем дают знак группе захвата.

Радируем в Ригу: «Площадка подготовлена». В ответ: «Зажечь костры в час ночи» и дата. Но «гости» до рассвета так и не появились.

Утром «хозяевам» последовала злая радиограмма: «Мы здесь рискуем жизнью, а вас это не волнует. При повторении подобного прекращаем выполнение задания». «Цеппелин» ссылается на плохую погоду, просит подождать. Ссылка безосновательна – и у нас, и, по сведениям метеорологов, по трассе полета она отличная. Не доверяют? Через пару дней неожиданный запрос подтвердил предположение: «Немедленно сообщите, где старший группы провел ночь перед вылетом?» И так – проверка, на которую дали точную информацию с агрессивной припиской: «Если нам не доверяете, обойдемся и без вас». Приказ: «Жгите костры в ночь на 6 сентября».

Ночь выдалась пасмурной – и снова никого. Правда, в тишине отчетливо был слышен гул моторов тяжелого самолета, пролетевшего севернее Батурина. «Наш»? Но почему миновал площадку, не увидел сигнальных костров? Сбился с курса? Будет садиться в другом месте? Срочно сообщили органам госбезопасности и пунктам ПВО о ситуации, предупредили: немца не сбивать, будем захватывать.

Что произошло? Линию фронта «Арадо» с Политовым и Шиловой на борту пересек в полной темноте. Где-то внизу, под самолетом, косяками ползли тучи и шел дождь. Об этом агентам сообщил бортрадист самолета. Он же информировал их и о прохождении маршрута. До места посадки оставалось всего лишь полчаса полета.

Вдруг темную толщу неба, словно меч, рассек искрящийся луч прожектора. Справа и слева от него желтым пламенем полыхнули разрывы зенитных снарядов. Пилот сразу же увеличил обороты винтов и повел машину вверх. Очередная серия разрывов легла в стороне. Но сверкающие щупальца прожектора подбирались к самолету все ближе и ближе. Самолет резко изменил курс. Однако и это не помогло. Вспыхнул второй луч прожектора, затем третий. «Арадо» взяли в клещи. Кабину самолета залило ослепительным светом. Она вся вдруг словно вспыхнула. Шилова, никогда не бывавшая в подобных передерягах, побледнела, Политов тоже почувствовал, как по спине у него побежали мурашки.

– Опустите, жалюзи на окнах! – услышал он голос командира корабля.

Политов немедленно повиновался, в самолете стало темно... Зенитные снаряды продолжали рваться и справа, и слева, и спереди, и сзади, и внизу, и вверху. Несколько осколков пробиты фюзеляж. Пилот еще раз изменил курс, и только после этого «Арадо» вышел из-под обстрела. Но пробиться к намеченному месту посадки уже не было возможности.

– Придется садиться на запасную площадку, – передал Политову командир корабля.

– Делайте, что хотите, – мрачно ответил Политов, – но постарайтесь сохранить нас и мотоцикл.

Сотрудники СМЕРШа и НКВД находились в засаде, на лесной поляне ждали немецких агентов. Ночь. В трех шагах ничего не было видно.

– Темно, как у негра в жопе, – с иронией заметил один из смершевцев.

Время тянулось нестерпимо медленно. Должна же вот-вот появиться вражеская агентура... Или же вместо приземлившихся агентов на головы сотрудников СМЕРШа немцы сбросят десяток осколочных бомб – так тоже случалось. Мучительное ожидание и волнения. Вражеские агенты не появились...

Засада – скрытое расположение на местности или в помещении оперативного состава, производящего поимку вражеских агентов. Успех засады зависел от многого: степени доверия немецкого разведчика к радиограм, затеянными чекистами, личных качеств «гостей» – сдадутся они без боя или будут биться насмерть, главное же, от профессионализма, мастерства, выдержки сотрудников СМЕРШа.

Было около трех часов ночи, чекисты немедленно поставили об этом в известность начальника Кармановского районного отдела НКВД. Последний, подняв по тревоге группу оперативных работников и офицеров военного комиссариата, устремился на перехват.

Однако, как ни спешила кармановская оперативная группа, поймать диверсантов на месте приземления она не смогла. Ей удалось лишь захватить самолет, который во время посадки повредил винты и взлететь уже не мог.

Оценив обстановку, чекисты быстро разбились на несколько поисковых групп и заняли места по дорогам.

Начальник Кармановского отдела НКВД старший лейтенант милиции Ветров устремился на перехват гостей с неба.

В одном из селений местная жительница сообщила Ветрову, что мотоциклист-майор расспрашивал ее, как проехать на Ржев, и показала, куда он направился. Группа захвата по проселкам выскочила наперерез на шоссе раньше мотоцикла.

Почему они сухие?

Ветров, полагая, что женщина видела тех, кого они ищут, на велосипеде выехал на шоссе. Вскоре он увидел приближающийся мотоцикл с мужчиной за рулем и женщиной в коляске. Остановил их и попросил предъявить документы. Мужчина предъявил красную книжечку со значительными буквами на обложке – СМЕРШ.

«Майор Таврин, заместитель начальника управления контрразведки СМЕРШ НКО МО 37-й армии» значилось в его удостоверении. У женщины, младшего лейтенанта административной службы, также все оказалось в порядке. Майор, как бы невзначай, распахнул пальто, и на его груди блеснула «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. «Солидная публика», – мысленно отметил себе Ветров. Он был милиционер и не знал, что в 1944 году в СМЕРШе лишь один сотрудник – ст. лейтенант Петр Анфимович Жидков – был удостоен такого высокого звания посмертно. (А всего за всю войну только четыре смершевца: лейтенант Григорий Михайлович Кравцов, ст. лейтенант Михаил Петрович Крыгин и гвардии лейтенант Василий Михайлович Чеботарев – стали Героями Советского Союза, к сожалению, посмертно.) Документы в порядке, но на всякий случай Ветров поинтересовался: «Откуда едете?»

Майор назвал пункт. От места встречи он находился километров за двести. «Значит, ехали часа четыре. А ведь всю ночь шел дождь. А они сухие. И мотоцикл заляпан грязью. Странно», – подумал Ветров и сразу заподозрил неладное. Однако задержать майора СМЕРШа, к тому же Героя Советского Союза, не каждый решится. «А может, это те, кого мы ищем?.. И женщина говорила о мотоциклисте... Как быть?» – лихорадочно соображал милиционер и заявил:

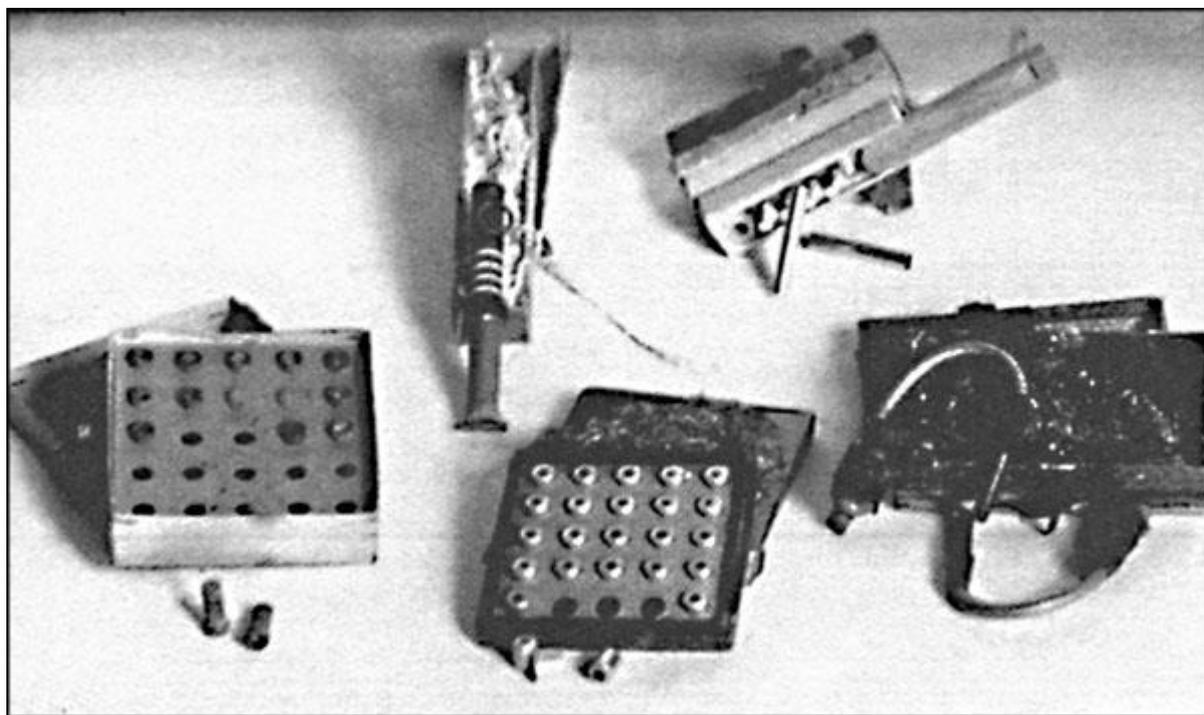
– Вы выезжаете из прифронтового района. Вам необходимо отметить в рейвоенкомате.

– Что за дурь?! – возмутился Таврин. – Я еду по важному делу, спешу. А вы тут придумали.

– Так на следующем посту от вас потребуют то же, – сказал Ветров.

– Ну, хорошо. Показывайте, куда ехать, – примирительно согласился Таврин.

По приезде в Карманово чекисты решили проверить Таврина. Тот ли он, за кого себя выдает. Документы по реквизитам настоящие, но немцы и не такое могут сделать. В Карманово связи ВЧ не было (и быть не могло). Чекисты связались с Москвой через Гжатск, где был аппарат ВЧ. Из Москвы последовал ответ: Таврина в командировку в Москву никто не направлял и вообще такой в штате СМЕРШа в Карманове не числится. Когда же узнали правду, то пошли обыскивать мотоцикл. А там такое нашли!

Оружие немецких диверсантов

При обыске у террористов обнаружили семь пистолетов (разрывные пули, которые предназначались для одного из них, были начинены ядом, вызывающим мгновенную смерть), радиостанцию, «Панцеркнакке» и снаряды к нему, специальную мину, ручные гранаты, 428 тысяч рублей советских денег, 116 подлинных и поддельных печатей и штампов, десятки различных бланков, обеспечивающих изготовление многих документов, действовавших в СССР.

Радиоигры – высший пилотаж военной контрразведки

Высшим пилотажем деятельности СМЕРШ можно считать радиоигры с противником. Они были важны для успешных действий советских войск на фронте. Что такое радиоигры?

Суть их была проста: взятые с поличным (в данном случае – с портативной радиостанцией, предназначенной для приема и передачи сообщений на коротких волнах) немецкие агенты под контролем советских чекистов передавали своему руководству дезинформацию. Эта так называемая «деза» не должна была вызывать подозрения у противника, поэтому требовался тонкий, аккуратный подбор ложных сведений, чередовавшихся с подлинными. Такие же игры проводили и немцы, и союзники СССР – англичане.

В «войне в эфире» у всех участвовавших в ней спецслужб были и успешные операции (как, например, использование гестапо в Париже арестованных радистов «Красной капеллы»), и неудачи. К таковым для немцев в массе своей относятся 183 радиоигры с советскими контрразведчиками.

Арестованный в мае 1945 года бывший руководитель Абвер-III генерал-лейтенант

Франц фон Бентивеньи на допросе в СМЕРШе так оценил эффективность работы своих противников, ссылаясь на данные абвера: «Почти ни один заброшенный в тыл Красной армии немецкий агент не избежал контроля со стороны советских органов, и в основной массе немецкая агентура была русскими арестована, а если возвращалась обратно, то зачастую снабженная дезинформационным материалом»³³.

С момента образования СМЕРШа в его 3-м отделе было создано подразделение радиоконтрразведки под руководством подполковника (затем – полковника) Владимира Яковлевича Барышникова, в 1944 году ставшего начальником отдела. В его ведение были переданы все радиоигры, кроме игр «Монастырь» и «Курьеры», проводившихся 4-м управлением НКГБ (начальник – комиссар ГБ 3 ранга, впоследствии генерал-лейтенант П. А. Судоплатов). Вот как рассказал об этом в воспоминаниях сам Судоплатов: «Возглавлявший СМЕРШ Абакумов неожиданно явился ко мне в кабинет и заявил, что по указанию советского Верховного главнокомандования мне надлежит передать ему все руководство по радиограмм: этим делом должна заниматься военная контрразведка, которая находится в ведении Наркомата обороны, а не НКВД. Я согласился, но при условии, если будет приказ вышестоящего начальства. Через день такой приказ появился, за нами оставили две радиоигры: операция «Монастырь» и «Послушники» (еще одна радиоигра по дезинформации немцев). Абакумов остался крайне недоволен, поскольку знал, что результаты этих операций докладываются непосредственно Сталину...

...После того как Абакумову не удалось подчинить себе радиоигры «Монастырь» и «Послушники», он угрожающе предостерег меня:

– Учтите, я этого не забуду. Я принял решение в будущем не иметь с вами никаких дел!»³⁴

В итоге радиоконтрразведка СМЕРШа была усилена личным составом спецотделения по радиограмм (8 человек), переданным из 2 отдела 2 контрразведывательного управления НКВД. Начальником отделения ранее был Николай Михайлович Ендаков, в прошлом служивший в органах военной контрразведки в ВВС РККА, участник Гражданской войны в Испании (был комиссаром авиации республиканской армии). После перевода отделения по радиограмм в СМЕРШ его начальником вместо направленного на руководящую работу в территориальные органы НКГБ Ендакова был назначен майор Дмитрий Петрович Тарасов. Вместе с Барышниковым и Тарасовым проведением радиоигр занимались сотрудники 3 отдела майоры Сергей Елин, Владимир Фролов, капитаны Григорий Григоренко и Иван Лебедев.

Тематика радиоигр бала разнообразна. Ведущее направление принадлежало, конечно, военно-стратегической дезинформации, передававшейся немцам с целью обеспечить успешное ведение боевых операций Красной армии. Здесь, естественно, нельзя было обойтись без сотрудничества с Генштабом РККА (начальники – генерал армии А. М. Василевский, с 1945 года – генерал армии А. И. Антонов), его оперативным управлением (начальник – генерал-полковник С. М. Штеменко) и Разведупром ПККА (начальник – генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов).

Результатом стали радиоигры «Бурса», «Двина», «Знакомые», «Развод» «Танкист», «Узел», «Явка» и другие, внесшие свой вклад в успех Курской битвы (1943 г.), Белорусской и Яско-Кишиневской операций (1944 г.) и др.

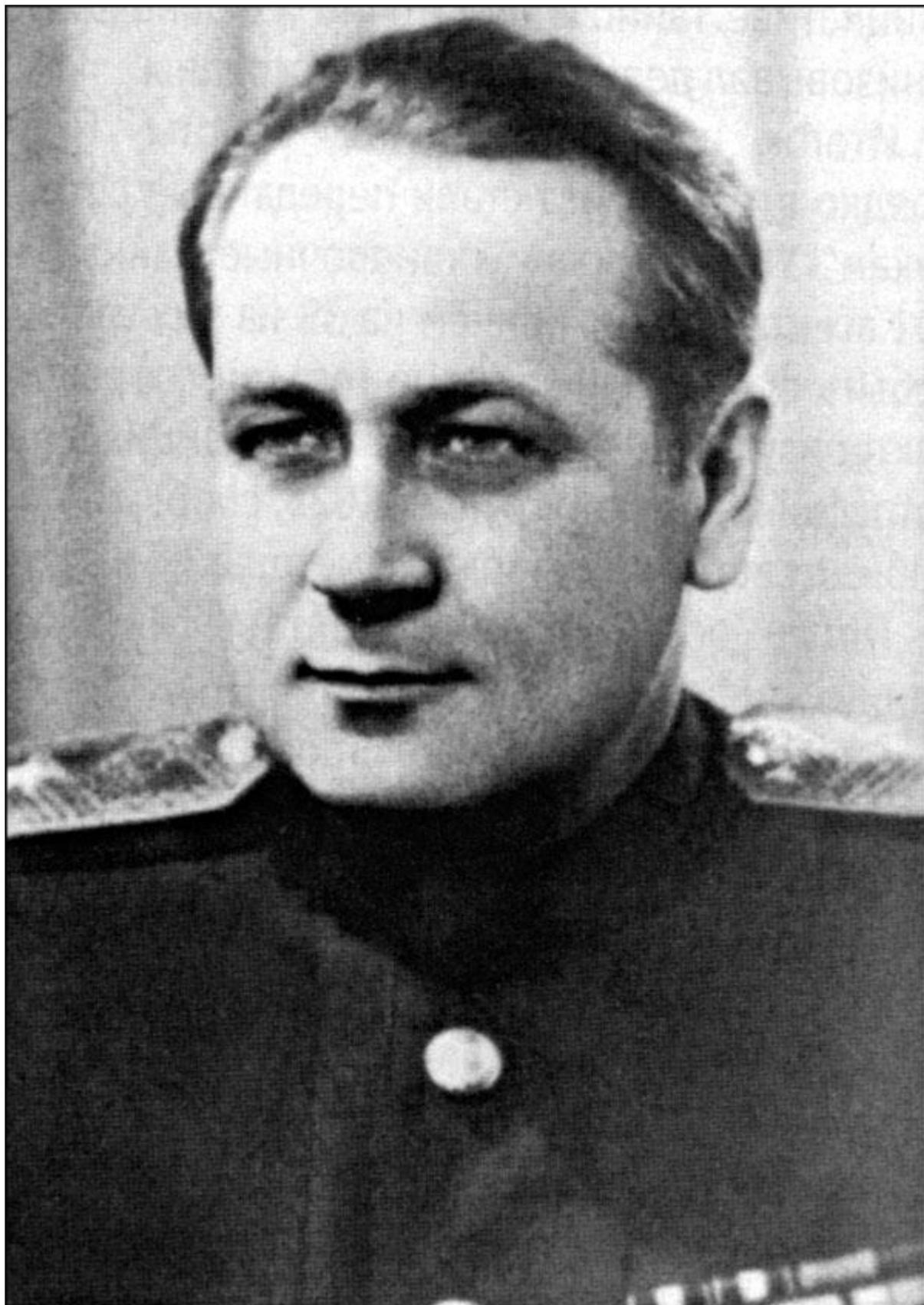
Такие радиоигры находились под контролем Ставки Верховного главнокомандования. В этом плане характерна резолюция Абакумова, адресованная его заместителю Мешкину и начальнику 3 отдела СМЕРШа Утехину, по поводу «дезы» для немцев (радиоигра «Опыт» в

---

³³ СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 193.

³⁴ Судоплатов А. П. Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымысел о моем отце. В 2 кн. Книга 2. М., 1998. С. 86–87.

сентябре 1943 года: «Такие дез. материалы без разрешения т. Сталина передавать нельзя».

Начальник 4-го отдела ГУКР СМЕРШ Георгий Валентинович Утехин

3-й отдел СМЕРШа также проводил с немцами радиогры, дававшие ложную информацию о военных перевозках по железным дорогам («Борисов», «Загадка»,

«Контролеры», «Лесники», «Опыт», «Находка»). Они помогали ликвидировать разведывательную деятельность абвера в районах сосредоточения оборонной промышленности на Урале, в Сибири и в Средней Азии («Дуэт», «Патриоты», «Тайник», «Фисгармония»), предотвратить покушения на руководителей партии и правительства, командный состав РККА («Десант», «Подрывники», «Туман»).

О многих радиоиграх рассказано на печатных страницах, на теле- и киноэкранах. Большинство из них рассекречено сегодня. Однако названия некоторых операций и имена их участников-агентов отличаются от тех, которые приведены в архивных документах Центрального архива ФСБ России. Краткая хроника радиоигр приводится в книгах Вадима Абрамова «СМЕРШ», Эдуарда Шарапова «Судоплатов против Канариса»³⁵.

Глава восьмая. Закономерный финал

Протокол допроса Таврина Петра Ивановича

Милиционер Ветров проявил бдительность. Оказался молодцом. После приезда в отдел старший лейтенант Ветров сообщил в РО НКГБ, что задержанными являются «замначальника КРО СМЕРШ 39-й армии с личной машинисткой в Управлении СМЕРШ НКО г. Москвы». Во время разговора с контрразведчиками Таврин пытался доказать разными документами, что он неправильно задержан. Начальник РО НКГБ Иванов немедленно связался со СМЕРШ НКО и установил, что вызова заместителя начальника контрразведки СМЕРШ 39-й армии не было и документы задержанных являются фиктивными. Лишь после двухкратного запроса по телефону Москвы – Управления КРО СМЕРШ и комиссии по награждению – он вынужден был признать, что специально переброшен из немецкого тыла на самолете, который потерпел аварию... По получении этих данных сотрудники НКВД – НКГБ Таврина со спутницей обезоружили и арестовали. Во время личного обыска у Таврина изъяли два пистолета: один был в кармане брюк, другой – в рукаве кожаного пальто.

На основании всего происшедшего было составлено спецсообщение о задержании агентов немецкой разведки Таврина и Шиловой.

5 сентября с. г. в 6 часов утра начальником Кармановского РО НКВД ст. лейтенантом милиции Ветровым в пос. Карманово задержаны агенты немецкой разведки:

1. Таврин Петр Иванович.
2. Шилова Лидия Яковлевна.

Задержание произведено при следующих обстоятельствах:

В 1 час 50 мин. ночи 5 сентября начальнику Гжатского РО НКВД – капитану госбезопасности тов. Иванову по телефону с поста службы ВНОС было сообщено, что в направлении гор. Можайска на высоте 2500 метров появился вражеский самолет.

В 3 часа утра с поста по наблюдению за воздухом вторично по телефону было сообщено, что самолет противника после обстрела на ст. Кубинка, Можайск – Уваровка Московской обл. возвращался обратно и стал приземляться с загоревшимся мотором в р-не дер. Яковлево – Завражье Кармановского р-на Смоленской обл.

Об этом нач. Гжатского РО НКВД информировал Кармановский РО НКВД и к указанному месту падения самолета направил опергруппу.

В 4 часа утра командир Запрудковской группы охраны порядка тов. Алмазов по телефону сообщил, что вражеский самолет приземлился между дер. Завражье и Яковлево. От

---

³⁵ Абрамов В. СМЕРШ. М.: Яуза; Эксмо, 2005; Шарапов Э. Судоплатов против Канариса. М.: Яуза; Эксмо. О радиоигре «Загадка» обстоятельно рассказали авторы книги «Загадка для Гимлера» Линдер Иосиф Борисович и Абин Николай Николаевич (настоящая фамилия – Лузан).

самолета на мотоцикле немецкой марки выехали мужчина и женщина в форме военнослужащих, которые остановились в дер. Яковлево, спрашивали дорогу на гор. Ржев и интересовались расположением ближайших районных центров. Учительница Алмазова, проживающая в дер. Алмазово, указала им дорогу в районный центр Карманово, и они уехали по направлению дер. Самуйлово.

О необходимости задержания 2-х военнослужащих, выехавших от самолета, начальник Гжатского РО НКВД кроме высланной опергруппы информировал группы охраны порядка при с/советах и сообщил начальнику Кармановского РО НКВД.

Получив сообщение от начальника Гжатского РО НКВД, начальник Кармановского РО – ст. лейтенант милиции т. Ветров с группой работников в 5 человек выехал для задержания указанных лиц.

В 2-х километрах от пос. Карманово в направлении дер. Самуйлово нач. РО НКВД тов. Ветров заметил мотоцикл, движущийся в пос. Карманово, и по приметам определил, что ехавшие на мотоцикле являются те лица, которые выехали от приземлившегося самолета, стал на велосипеде преследовать их и настиг в пос. Карманово.

Ехавшие на мотоцикле оказались: мужчина в кожаном летнем пальто, с погонами майора, имел четыре ордена и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Женщина в шинели с погонами младшего лейтенанта.

Остановив мотоцикл и отрекомендовав себя начальником РО НКВД, тов. Ветров потребовал документ у ехавшего на мотоцикле майора, который предъявил удостоверение личности на имя Таврина Петра Ивановича – зам. нач. ОКР СМЕРШ 39-й армии 1 Прибалтийского фронта.

На предложение тов. Ветрова следовать в РО НКВД Таврин категорически отказался, мотивируя тем, что ему, как прибывшему по срочному вызову с фронта, каждая минута дорога.

Лишь при помощи прибывших работников РО УНКВД Таврина удалось доставить в РО НКВД.

В Райотделении НКВД Таврин предъявил удостоверение за № 1284 от 5/IX–44 г. со штампом начальника п. п. 26224, что он командирован в гор. Москву, Главное Управление НКО СМЕРШ, и телеграмму Главного Управления КРО СМЕРШ НКО СССР № 01024 и такого же содержания командировочное удостоверение.

После проверки документов через начальника Гжатского РО НКВД тов. Иванова была запрошена Москва и установлено, что Таврин в Главное Управление КРО СМЕРШ НКО не вызывался и таковой на работе в КРО СМЕРШ 39-й армии не значится, он был обезоружен и сознался, что он переброшен на самолете немецкой разведкой для диверсий и террора.

При личном обыске и в мотоцикле, на котором следовал ТАВРИН, обнаружено 3 чемодана с разными вещами, 4 орденских книжки, 5 орденов, 2 медали, Золотая Звезда Героя Советского Союза и гвардейский значок, ряд документов на имя ТАВРИНА, денег совзнаками 428 000 руб., 116 мастичных печатей, 7 пистолетов, 2 охотничьих ружья центрального боя, 5 гранат, 1 мина и много боепатронов.

Задержанные с вещ. доказательством доставлены в НКВД СССР.

П. П. Зам. Нач. управления НКВД Смоленской Обл. Начальник Отдела Бб Унквд Смоленской Обл. Оперуполномочен. 7 Отд. Обб Нквд Ссрр.

Протокол допроса Таврина Петра Ивановича 36

Таврин П. И., 1909 года рождения, урожен. с. Бобрик Нежинского района Черниговской обл., УССР, русский, в 1942 г. на фронте вступил в кандидаты в члены ВКП (б), образование незаконченное высшее, до войны работал нач. Туринской геолого-разведочной партии

Исыковского приискового управления, прииск «Урал – Золото». В Красную армию призван 14 августа 1941 года.

П. Таврин

Вопрос: 5 сентября с. г. при вашем задержании вы заявили, что являетесь агентом германской разведки. Вы подтверждаете это?

Ответ: Да, я действительно являюсь агентом германской разведки.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы были привлечены к сотрудничеству с германской разведкой?

Ответ: 30 мая 1942 года, будучи командиром пулеметной роты 1196-го полка 369-й стрелковой дивизии 30-й армии, действовавшей на Калининском фронте, я был ранен, захвачен немцами в плен, после чего содержался в различных немецких лагерях для военнопленных на оккупированной территории СССР, затем на территории Германии. В июне 1943 года в гор. Вене, где я содержался в тюрьме за побег из лагеря для военнопленных, меня вызвали офицеры гестапо БАЙЕР и ТЕЛЬМАН и предложили сотрудничать с германской разведкой, на что я дал согласие.

Вопрос: Когда и каким путем вы были переброшены через линию фронта?

Ответ: Через линию фронта я был переброшен германской разведкой в ночь с 4 на 5 сентября с. г. с рижского аэродрома на 4-моторном транспортном самолете специальной конструкции. Немецкие летчики должны были высадить меня в районе Ржева и возвратиться в Ригу. Но самолет при посадке потерпел аварию и подняться снова в воздух не смог.

Вопрос: В чем заключается «специальность» конструкции самолета, на котором вас перебросили?

Ответ: Этот самолет снабжен каучуковыми гусеницами для приземления на непригодных площадках.

Вопрос: А разве не была заранее подготовлена площадка для посадки самолета, на котором вы были переброшены?

Ответ: Насколько мне известно, площадка никем не была подготовлена и летчики произвели посадку самолета, выбрав площадку по местности.

Вопрос: Для какой цели вы имели при себе мотоцикл, отобранный у вас при задержании?

Ответ: Мотоцикл с коляской был дан мне германской разведкой в Риге и доставлен вместе со мной для того, чтобы я имел возможность быстрее удалиться от места посадки самолета и этим избежать задержания.

Вопрос: С какими заданиями вы переброшены германской разведкой через линию фронта?

Ответ: Я имею задание германской разведки пробраться в Москву и организовать террористический акт против руководителя Советского государства И. В. СТАЛИНА.

Вопрос: И вы приняли на себя такое задание?

Ответ: Да, принял.

Вопрос: Кто вам дал это задание?

Ответ: Это задание мне было дано начальником восточного отдела СД в Берлине подполковником СС ГРЕФЕ.

П. Таврин (справа) и один из руководителей «Цеппелина» Х. Грефе

Вопрос: Кто персонально должен был совершить террористический акт?

Ответ: Совершение террористического акта было поручено мне лично. Для этой цели руководителем органа СД в Риге, именуемого главной командой «Цеппелин» («Норд»), майором КРАУС Отто, я был снабжен отобранными у меня при задержании пистолетами с комплектом отравленных и разрывных пуль, специальным аппаратом под названием «Панцеркнакке» и бронебойно-зажигательными снарядами к нему.

Вопрос: Что это за аппарат?

Ответ: «Панцеркнакке» состоит из небольшого ствола, который при помощи специального кожаного манжета закрепляется на правой руке. Аппарат портативный и может быть замаскирован в рукаве пальто. В ствол помещается реактивный снаряд, который приводится в действие путем нажатия специальной кнопки, соединенной проводом с электрической батареей, спрятанной в кармане одежды. Стрельба производится бронебойно-зажигательными снарядами.

Перед переброской через линию фронта я тренировался в стрельбе из «Панцеркнакке», при этом снаряды пробивали бронированные плиты толщиной 45 мм.

Вопрос: Каким образом вы намеревались использовать это оружие?

Ответ: Подготавливавший меня для террора названный мною выше майор СС КРАУС Отто предупредил меня, что машины, в которых ездят члены советского правительства, бронированы и снабжены специальными непробиваемыми стеклами. «Панцеркнакке» я должен был применить в том случае, если бы мне представилась возможность совершить террористический акт на улице во время прохождения правительственной машины.

Вопрос: А для какой цели предназначались отобранные у вас при задержании отравленные и разрывные пули?

Ответ: Этими пулями я должен был стрелять из автоматического пистолета в том случае, если бы очутился на близком расстоянии от И. В. СТАЛИНА.

Вопрос: Расскажите подробно, каким путем вы должны были совершить

террористический акт? Какие указания в этой части вы получили от германской разведки?

Ответ: Майор КРАУС поручил мне после высадки с самолета, проникнуть в Москву и легализоваться. Для этого я был снабжен несколькими комплектами воинских документов, большим количеством чистых бланков, а также множеством штампов и печатей военных учреждений.

Вопрос: Как вы должны были проникнуть в Москву?

Ответ: В Москву я должен был следовать с документами на имя заместителя начальника контрразведки СМЕРШ 39-й армии 1 Прибалтийского фронта. По прибытии в Москву я должен был этот документ сменить.

Вопрос: Почему?

Ответ: Мне было указано, что документы СМЕРШ абсолютно надежны и что я по ним проникну в Москву, не вызвав никаких подозрений.

Но, как объяснил мне КРАУС, по этому документу находиться длительное время в каком-либо одном месте опасно и что будет значительно надежней, если я по прибытии в Москву изготовлю из имеющихся у меня чистых бланков документ на имя офицера Красной армии, находящегося в отпуску после ранения. В Москве я должен был подыскать место для жилья на частной квартире и прописаться по этим документам.

Вопрос: Что вы должны были делать дальше?

Ответ: Обосновавшись таким образом в Москве, я должен был, расширяя круг своих знакомых, устанавливать личные отношения с техническими работниками Кремля либо с другими лицами, имеющими отношение к обслуживанию руководителей советского правительства. При этом КРАУС рекомендовал мне знакомиться с женщинами, в частности, с такой категорией сотрудниц, как стенографистки, машинистки, телефонистки.

Вопрос: Для какой цели?

Ответ: Через таких знакомых я должен был выяснить места пребывания руководителей советского правительства, маршруты движения правительственных машин, а также установить, когда и где должны происходить торжественные заседания или собрания с участием руководителей советского правительства.

КРАУС предупреждал меня, что такие сведения получить нелегко, и поэтому рекомендовал с нужной мне категорией женщин устанавливать интимные отношения. Он даже снабдил меня специальными препаратами, которые при подмешивании в напитки вызывают у женщин сильное половое возбуждение, что я и должен был использовать в интересах порученного мне дела.

Независимо от степени близости с людьми, сведения о членах правительства мне поручено было выведать в очень осторожной форме.

Для проникновения на торжественные заседания с участием членов правительства я должен был использовать изготовленные немцами на мое имя документы Героя Советского Союза и соответствующие знаки отличия.

Вопрос: Какие именно?

Ответ: Перед переброской через линию фронта германской разведкой мне были даны: Золотая Звезда Героя Советского Союза, орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Красной Звезды и две медали «За отвагу», орденские книжки к ним, а также специально сфабрикованные вырезки из советских газет с указами о присвоении мне звания Героя Советского Союза и награждении перечисленными орденами и медалями.

Должен заметить, что германская разведка своих агентов, забрасываемых в СССР, снабжает фабрикуемыми ею же поддельными орденами, но мне были выданы подлинные.

Проникнув на торжественное заседание, я должен был, в зависимости от обстановки, приблизиться к И. В. СТАЛИНУ и стрелять в него отравленными и разрывными пулями.

Работниками германской разведки, в частности ГРЕФЕ и КРАУС, мне было также указано, что, если представится возможность, я должен совершить террористический акт и против других членов советского правительства.

Вопрос: Против кого именно?

Ответ: Против В. М. МОЛОТОВА, Л. П. БЕРИЯ и Л. М. КАГАНОВИЧА. Причем для осуществления террора против них, я должен был руководствоваться теми же указаниями, какие мне были даны ГРЕФЕ и КРАУС в отношении осуществления террористического акта против И. В. СТАЛИНА.

Вопрос: Чем вы заслужили столь большое доверие германской разведки?

Ответ: Это мне неизвестно.

Вопрос: Вы говорите неправду. Такое большое доверие германской разведки вы могли заслужить только своей активной предательской работой.

Ответ: Нет, предательской работой я не занимался. Видимо, ГРЕФЕ доверил мне это задание потому, что меня соответствующим образом рекомендовал ему Жиленков.

Вопрос: Кто такой Жиленков?

Ответ: ЖИЛЕНКОВ Георгий Николаевич – бывший секретарь райкома ВКП (б) гор. Москвы. Во время войны, будучи членом Военного совета 24-й армии, попал в плен к немцам. В данное время он ведет активную антисоветскую работу по заданию германской разведки.

Вопрос: Где и когда вы установили связь с Жиленковым?

Ответ: С ЖИЛЕНКОВЫМ впервые я встретился в июле 1942 года в Летцинской крепости (Восточная Пруссия), где мы вместе содержались. ЖИЛЕНКОВ рассказал мне тогда, что, попав в плен, он выдал себя за шофера и работал в немецкой воинской части, но затем был опознан и заключен в Летцинскую крепость. Уже тогда ЖИЛЕНКОВ высказывал резкие антисоветские настроения, обрабатывал военнопленных в антисоветском духе и написал антисоветскую клеветническую брошюру под названием «Первый день войны в Кремле».

Позже ЖИЛЕНКОВ вошел в состав так называемого «Русского кабинета».

Вопрос: Что это за организация и кто входит в ее состав?

Ответ: В состав «Русского кабинета» входят: ВЛАСОВ Андрей Андреевич – бывш. генерал Красной армии, возглавляющий «кабинет»; ЖИЛЕНКОВ – ближайший помощник ВЛАСОВА; МАЧИНСКИЙ – бывш. профессор Ленинградского университета, ИВАНОВ и САХАРОВ – белоэмигранты, произведенные немцами в генералы, БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ – бывш. генерал Красной армии, КАЛМЫКОВ – доктор технических наук, ДУБИН – инженер, работавший до войны в Киевском военном округе. Все эти лица тесно сотрудничают с германской разведкой. «Кабинет» называет себя будущим правительством России.

Вопрос: Об антисоветской работе изменников Родины ВЛАСОВА и других вы будете подробно допрошены ниже. Сейчас ответьте на вопрос: чем помог вам ЖИЛЕНКОВ зарекомендовать себя перед германской разведкой?

Ответ: Это произошло при следующих обстоятельствах. После вербовки меня германской разведкой я в августе 1943 года был переведен из венской тюрьмы в специальный лагерь СД близ города Зандберг и зачислен в «Особую команду».

Вопрос: Каково назначение «Особой команды»?

Ответ: «Особая команда» в Зандбергском лагере СД состояла из агентов германской разведки, намеченных для активной работы на территории СССР. В составе команды было 23 человека.

Пробыв некоторое время в Зандберге, я в последних числах августа 1943 года был доставлен в Берлин к подполковнику СС ГРЕФЕ. Последний в разговоре со мной расспрашивал о моих биографических данных, выяснял причины, побудившие меня дать согласие на сотрудничество с германской разведкой, после чего рассказал о заданиях, которые мне могут быть даны для работы на территории СССР.

Вопрос: Что именно вам говорил ГРЕФЕ?

Ответ: Он мне сказал, что может использовать меня для разведки, диверсии или террора, и предложил подумать – какая отрасль работы меня больше устраивает, заявив, что снова вызовет меня из лагеря в Берлин.

Вопрос: Вызывал ли вас ГРЕФЕ снова в Берлин?

Ответ: Да, вызывал. Этому вызову предшествовало одно обстоятельство, которое определило мое дальнейшее поведение при встрече с ГРЕФЕ.

Вопрос: Какое именно обстоятельство, расскажите о нем?

Ответ: В первых числах сентября 1943 года в Зандбергский лагерь, где я в то время находился, прибыли ВЛАСОВ и ЖИЛЕНКОВ для передачи немцам одного из сформированных ими отрядов из русских военнопленных.

Вопрос: Для какой цели создавались эти отряды?

Ответ: Как мне впоследствии объяснил ЖИЛЕНКОВ, ВЛАСОВ сформировал ряд воинских частей из числа советских военнопленных и белогвардейцев и поставил перед немцами вопрос о выделении ему самостоятельного участка фронта, на котором он мог бы воевать против Красной армии силами созданных им частей. С этим якобы немцы не согласились и предложили передать сформированные части в распоряжение германского командования, для направления отдельными подразделениями на различные участки фронта.

Вопрос: Продолжайте ваши показания,

Ответ: Выстроив отряд, ВЛАСОВ произнес речь, в которой объявил, что отряд передается в распоряжение германского командования для отправки на Балканы. Затем ЖИЛЕНКОВ ходил по лагерю и беседовал с военнопленными. Я подошел к нему, и мы разговорились.

Вопрос: О чем вы говорили?

Ответ: Я рассказал ему, что согласился работать на германскую разведку и зачислен в «Особую команду». ЖИЛЕНКОВ одобрил мое поведение, заявив: «Наконец-то я увидел тебя там, где ты должен быть давно».

Затем я сообщил ЖИЛЕНКОВУ о вызове к ГРЕФЕ и о сделанном им предложении о работе в пользу германской разведки в советском тылу.

Вопрос: Как отнесся к этому ЖИЛЕНКОВ?

Ответ: Выслушав меня, он стал в резкой форме высказывать злобу против руководителей советского правительства и доказывать мне, что сейчас самой важной задачей является совершение террористического акта против И. В. СТАЛИНА, так как, по заявлению ЖИЛЕНКОВА, за этим последует развал Советского государства.

В конце нашего разговора ЖИЛЕНКОВ рекомендовал мне принять задание по террору и заявил, что по возвращении в Берлин он примет необходимые меры к ускорению моей переброски в СССР. Тут же он сделал какие-то заметки в своей записной книжке. И действительно вскоре после отъезда ВЛАСОВА и ЖИЛЕНКОВА я снова был вызван к ГРЕФЕ.

Вопрос: Когда это было?

Ответ: Насколько я припоминаю, это было 4 или 5 сентября 1943 года.

Вопрос: О чем в этот раз с вами говорил ГРЕФЕ?

Ответ: ГРЕФЕ интересовался моей жизнью в лагере, а затем спросил, думал ли я над его предложением и какое принял решение.

Вопрос: Что вы ответили ГРЕФЕ?

Ответ: Я сказал ему, что готов принять задание по террору.

Вопрос: Вы и ранее выполняли задания германской разведки по убийству советских людей?

Ответ: Нет, в этот раз я впервые принял на себя задание по террору.

Вопрос: Вы принимали участие в борьбе немцев против партизан и других советских патриотов?

Ответ: Нет, я этого не делал. Для этой цели германская разведка меня не использовала.

Вопрос: Почему же вы тогда по собственной инициативе выбрали для себя задание по террору?

Ответ: В данном случае я руководствовался указаниями, которые мне дал ЖИЛЕНКОВ.

Вопрос: Какое задание вам дал ГРЕФЕ по практическому осуществлению

террористического акта?

Ответ: Получив от меня согласие принять задание по террору, ГРЕФЕ предложил разработать и представить ему в письменном виде конкретный план совершения террористического акта, а также указать, какие средства мне необходимы для этой цели.

Вопрос: Вы разработали этот план?

Ответ: Этот план был разработан ЖИЛЕНКОВЫМ, я его лишь переписал.

Вопрос: Вы показываете неправду, пытаетесь умалить свою роль. Говорите правду.

Ответ: Я говорю правду. Получив от ГРЕФЕ задание составить план совершения террористического акта, я был доставлен одним из сотрудников ГРЕФЕ в гостиницу, где меня поселили. В тот же день ко мне приехал ЖИЛЕНКОВ, которому я рассказал о задании, полученном от ГРЕФЕ, а также о трудностях, возникших у меня при попытке написать план совершения террористического акта. Тогда ЖИЛЕНКОВ предложил мне свою помощь и увез к себе на квартиру. Там он написал этот план, поручив мне переписать его своей рукой и вручить ГРЕФЕ.

Вопрос: Какие мероприятия предусматривались этим планом?

Ответ: Большая часть плана была посвящена всякого рода клеветническим выпадам против советского правительства и декларативным утверждениям о необходимости совершения террористического акта против И. В. СТАЛИНА. Затем было указано, что террористический акт должен быть совершен путем проникновения на какое-либо торжественное заседание. Все это было написано ЖИЛЕНКОВЫМ, я лишь дописал о средствах, необходимых для его выполнения.

Вопрос: Следовательно, вы по своей инициативе потребовали от немцев такие средства, как отравленные разрывные пули и бронебойные снаряды?

Ответ: Нет, я этого не требовал. Все это мне дали немцы незадолго перед переброской через линию фронта. В плане я написал лишь о том, что мне необходимо 500 тысяч рублей денег, документы и пистолеты.

Вопрос: Вы передали ГРЕФЕ этот план?

Ответ: Да, я переписал весь план совершения террористического акта своей рукой и на следующий день вручил ГРЕФЕ. Он одобрил его и направил меня в распоряжение начальника главной команды «Цеппелин» («Норд») майора Отто КРАУСА, под руководством которого я должен был проходить подготовку. КРАУС в то время постоянно находился в городе Пскове, куда я и прибыл 23 сентября 1943 года.

Вопрос: В чем заключалась подготовка вас к выполнению задания по террору?

Ответ: В Пскове я занимался физической подготовкой и тренировался в стрельбе из оружия. 6 ноября 1943 года я был снова вызван в Берлин.

Вопрос: Для чего?

Ответ: Мне это неизвестно, но полагаю, что ГРЕФЕ хотел лично проверить, как идет моя подготовка, так как он в беседах со мной интересовался только этим вопросом и дал мне указание ускорить окончание подготовки.

Кроме того, в Берлине я имел беседу с прибывшим туда из Пскова майором КРАУС. В этой беседе КРАУС известил меня о том, что принято решение о моем переводе в Ригу, так как, по его словам, в Пскове много советской агентуры, которая может узнать о подготовке меня к переброске через линию фронта.

В соответствии с этим указанием я в Псков не возвратился, а 2 декабря 1943 года выехал из Берлина в Ригу, куда прибыл 5 декабря. 20 января 1944 года, в связи с обстановкой на фронте, в Ригу была переведена из Пскова вся команда «Цеппелин».

После прибытия «Цеппелина» в Ригу, я продолжал дальнейшую подготовку к переброске через линию фронта.

Вопрос: В чем заключалась ваша подготовка в Риге?

Ответ: Совместно с переводчиком «Цеппелина» лейтенантом ДЕЛЛЕ я вплоть до моей переброски через линию фронта подготавливал для себя легенду, соответствующие документы и экипировку.

Вопрос: Вы показали, что прибыли в Ригу по указанию КРАУСА 5 декабря 1943 года, а возобновили подготовку к заброске через линию фронта лишь 20 января 1944 г., после прибытия команды «Щепелин». Что вы делали в Риге с 5 декабря 1943-го по 20 января 1944 года?

Ответ: Я ничего не делал.

Вопрос: Почему?

Ответ: Мне дали возможность отдохнуть.

Вопрос: Вы об этом просили немцев?

Ответ: Нет, не просил.

Вопрос: Выше вы показали, что ГРЕФЕ в беседе с вами в Берлине в ноябре 1943 года дал указание ускорить окончание вашей подготовки к переброске через линию фронта, теперь вы показываете, что вам была предоставлена возможность отдохнуть с 5 декабря по 20 января. Мы требуем от вас правдивых показаний, что вы делали в этот период в Риге?

Ответ: Я показал правду. ГРЕФЕ по своей инициативе дал мне возможность отдохнуть. Вообще он проявлял в отношении меня признаки особого внимания. Так, когда я был вызван в Берлин в ноябре 1943 года, для меня по его указанию была куплена хорошая одежда и обувь. Кроме того, по указанию ГРЕФЕ в Берлин была вызвана моя жена ШИЛОВА Лидия Яковлевна, которая прожила там со мной 10 дней, затем мы вместе выехали в Ригу.

Лидия Шилова

Вопрос: Следовательно, задержанная совместно с вами ШИЛОВА Лидия Яковлевна является вашей женой?

Ответ: Да, с ноября 1943 г. она является моей женой.

Вопрос: Какое участие в совершении террористических актов должна была принять ШИЛОВА?

Ответ: ШИЛОВА также является агентом германской разведки и переброшена со мной в помощь мне, но она не посвящена в то, что я имею задание по террору.

Вопрос: Вы говорите неправду. Агент германской разведки, переброшенный совместно с вами для оказания вам помощи в выполнении задания немцев, не мог не знать об этих заданиях?

Ответ: Я говорю правду. ШИЛОВА не знает о заданиях, которые дали мне немцы, я взял ее с собой только как радистку.

Вопрос: Она разве радистка по специальности?

Ответ: Нет, она по специальности бухгалтер, но была подготовлена рижской командой «Цепелин» в качестве радистки и придана мне.

Вопрос: ШИЛОВА находилась в Риге с 5 декабря 1943 года по 20 января 1944 года?

Ответ: Да, это время она также находилась в Риге.

Вопрос: Выше вы показали, что с 5 декабря 1943-го по 20 января 1944 года отдыхали в Риге и никуда из города не выезжали.

Допрошенная нами ШИЛОВА показала, что вы выезжали из Риги в декабре месяце 1943 года. Более того, она показала, что вы вернулись в Ригу раненым. Куда вы ездили?

Ответ: Должен признать, что я скрыл от следствия следующий факт: подготавливая меня к переброске через линию фронта, КРАУС несколько раз ставил передо мною вопрос о том, что я должен быть выброшен под видом инвалида Отечественной войны. В этой связи КРАУС требовал от меня, чтобы я согласился на хирургическую операцию, в результате которой стану хромым. С тем, чтобы уговорить меня, он связал меня с немецкими врачами, которые доказывали мне, что после войны мне сделают еще одну операцию, в результате которой нога будет нормальной. Я категорически отказался от этого. Тогда КРАУС предложил мне хирургическим путем сделать на теле следы ранений. Я и от этого отказывался, но, под давлением КРАУСА, все-же вынужден был на это согласиться.

Вопрос: Какая же операция была произведена над вами немцами?

Ответ: В рижском военном госпитале мне под наркозом сделали большую рану на правой части живота и две небольших раны на руках. Я пролежал в госпитале 14 дней, после чего у меня, в результате операции, на теле образовались следы, схожие с зарубцевавшимися ранами.

Для того чтобы скрыть этот факт от ШИЛОВОЙ, я по указанию КРАУСА сообщил ей, что уезжаю в командировку на фронт, а по возвращении из госпиталя домой рассказал, что был ранен. Именно в этой связи я и не мог в декабре месяце 1943 года заниматься подготовкой к переброске через линию фронта.

Вопрос: Медицинским осмотром вас установлено, что, кроме «ранений», о которых вы только что показали, других ранений на теле не имеется, следовательно, ваши показания о том, что вы захвачены в плен немцами, будучи раненым, ложны?

Ответ: Да, я должен это признать.

Вопрос: При каких же обстоятельствах вы в действительности очутились у немцев?

Ответ: 30 мая 1942 года, находясь на Калининском фронте и будучи послан в разведку, я изменил Родине и добровольно перешел на сторону немцев.

Вопрос: Почему вы изменили Родине?

Ответ: Должен признать, что я скрыл от следствия еще один факт.

Вопрос: Какой именно?

Ответ: В 1932 году, работая в гор. Саратове, я был арестован за растрату 1300 рублей государственных денег. В связи с тем, что меня должны были предать суду, по закону от 7 августа 1932 года, я, боясь строгой ответственности, бежал из тюрьмы, проломав с группой арестованных стену в тюремной бане. В 1934 и 1936 гг. я также арестовывался милицией за растраты, но в обоих этих случаях совершал побег. В 1939 году я по фиктивным справкам получил документы на имя ТАВРИНА и под этой фамилией впоследствии был призван в Красную армию.

Находясь на Калининском фронте, 29 мая 1942 года я был вызван к уполномоченному Особого отдела капитану ВАСИЛЬЕВУ, который интересовался, почему я переименовал фамилию ШИЛО на ТАВРИНА.

Поняв, что Особому отделу стали известны мои преступления, я, боясь ответственности, на следующий день, будучи в разведке, перешел на сторону немцев.

Вопрос: Непонятно, почему вы, боясь ответственности за совершенные ранее уголовные преступления, решились на новое, тягчайшее преступление – измену Родине?

Ответ: Я полагал, что это не станет известным советским властям, а я до конца войны останусь у немцев на положении военнопленного.

Вопрос: Вас допрашивали немцы о мотивах перехода на их сторону?

Ответ: Да, допрашивали. Я не хотел говорить, что совершил уголовное преступление, поэтому сообщил им ложную версию о том, что являюсь сыном полковника царской армии, преследовался органами советской власти, в связи с чем и вынужден был перейти на сторону немцев.

Вопрос: А об обстоятельствах вашей вербовки германской разведкой вы правду показали?

Ответ: Да, я показал правду. После того как я перешел на сторону немцев, ко мне отнеслись как к обычному военнопленному, и все, что я показал выше о моем пребывании в лагерях и обстоятельствах вербовки, соответствует действительности.

Вопрос: Кто вас практически подготавливал на роль террориста, кроме КРАУСА?

Ответ: Практически, кроме КРАУСА, меня никто не подготавливал, если не считать трех бесед со СКОРЦЕНИ.

Вопрос: Кто такой СКОРЦЕНИ и для чего вам были организованы встречи с ним?

Ответ: СКОРЦЕНИ был известен мне из газет как руководитель и личный участник похищения из Италии МУССОЛИНИ, после того как он был взят в плен англичанами. В первой беседе со мной в ноябре 1943 года в Берлине СКОРЦЕНИ расспрашивал о моем прошлом, и беседа носила больше характер ознакомления с моей личностью. Цель этого свидания стала для меня ясна несколько позже, после второй встречи со СКОРЦЕНИ.

Вопрос: Расскажите об этой встрече подробно.

Ответ: В январе 1944 года, находясь в Риге, я получил приказ КРАУСА выехать в Берлин. Сопровождал меня переводчик СД ДЕЛЛЕ. По прибытии в Берлин я узнал от ДЕЛЛЕ, что полковник ГРЕФЕ погиб в начале января 1944 года во время автомобильной катастрофы и что вместо него назначен майор СС ХЕНГЕЛЬХАУПТ.

ДЕЛЛЕ мне сообщил, что ХЕНГЕЛЬХАУПТ вызвал меня для личного знакомства, но придется подождать некоторое время, так как он занят и не может меня принять.

Через два-три дня мне была организована встреча со СКОРЦЕНИ.

Вопрос: Где происходила эта встреча?

Ответ: ДЕЛЛЕ привез меня в служебный кабинет СКОРЦЕНИ на Потсдамельштрассе № 28. Кроме СКОРЦЕНИ в кабинете находились еще два неизвестных мне работника СД.

В беседе СКОРЦЕНИ объяснял мне, какими личными качествами должен обладать террорист. По ходу разговора он рассказывал о деталях организованного им похищения МУССОЛИНИ. СКОРЦЕНИ заявил мне, что если я хочу остаться живым, то должен действовать решительно и смело и не бояться смерти, так как малейшее колебание и трусость могут меня погубить. СКОРЦЕНИ рассказал, как во время похищения МУССОЛИНИ он перепрыгнул через ограду замка, очутился в двух шагах от стоявшего на посту карабинера. «Если бы я тогда хоть на секунду замешкался, – заявил СКОРЦЕНИ, – то погиб бы, но я без колебаний прикончил карабинера и, как видите, выполнил задание и остался жив».

Весь этот разговор сводился к тому, чтобы доказать мне, что осуществление террористических актов в отношении специально охраняемых лиц вполне реально, что для этого требуется только личная храбрость и решительность и что при этом человек, участвующий в операции, может остаться живым и стать «таким же героем», каким стал он – СКОРЦЕНИ.

Вопрос: Вы рассказали только о двух встречах со СКОРЦЕНИ. Когда же состоялась ваша третья встреча с ним?

Ответ: Третья встреча со СКОРЦЕНИ состоялась также в январе 1944 года в Берлине.

Вопрос: О чем вы говорили в этот раз?

Ответ: СКОРЦЕНИ в этот раз расспрашивал меня о Москве и пригородах и под конец прямо поставил передо мной вопрос: возможно ли осуществление в СССР такой операции, какую он провел в Италии? Я ответил, что затрудняюсь судить об этом, но, по моему мнению, проведение такой операции в СССР значительно сложнее, чем похищение МУССОЛИНИ из Италии.

Вопрос: Почему СКОРЦЕНИ интересовался вашим мнением по этому вопросу?

Ответ: У меня создалось впечатление, что СКОРЦЕНИ разрабатывает план похищения кого-то из руководителей советского правительства.

Вопрос: А что вам достоверно известно о планах германской разведки?

Ответ: Мне известно, что главная команда «Цеппелин» («Норд») в Риге готовит выброску через линию фронта нескольких групп агентов с задачей совершения крупных диверсионных актов.

Вопрос: От кого это вам стало известно?

Ответ: Об этом мне лично говорил начальник команды «Цеппелин» КРАУС Отто.

Вопрос: Почему КРАУС посвящал вас в дела, являющиеся служебной тайной?

Ответ: КРАУС относился ко мне с большим доверием, так как видел тот значительный интерес, который проявляло ко мне руководство восточным отделом СД в Берлине, в частности ГРЕФЕ, а после него ХЕЙНГЕЛЬХАУПТ, поэтому, очевидно, он и посвящал меня в свои дела.

Должен вместе с тем заметить, что постановка конспирации в команде «Цеппелин» в Риге такова, что подобные факты становились известными многим агентам.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: КРАУС периодически организовывал так называемые «комрадабенд» – товарищеские ужины, на которые приглашалась доверенная агентура, в том числе и я. На этих «ужинах» происходили обсуждения очередных мероприятий «Цеппелина» и намечались конкретные лица для исполнения заданий.

Из разговоров за «ужинами», а также и из личных бесед с КРАУСОМ мне известно, что на протяжении года моего пребывания в «Цеппелине» было заброшено через линию фронта большое количество агентуры, однако переброска производилась мелкими группами, вследствие чего их работа была малоэффективной. Некоторые группы обосновались в Советском Союзе и поддерживают радиосвязь с немцами, но, как жаловался мне КРАУС, результаты их работы ничтожны.

На одном из таких «ужинов», незадолго до моей выброски, ряд агентов, подготовленных и уже длительное время ожидавших переброски через линию фронта, выражали недовольство тем, что «Цеппелину» предоставляется мало транспортных средств, в связи с чем задерживается отправка агентуры. Особенно активно по этому поводу высказывался «Филистинский».

Вопрос: Кто такой «Филистинский»?

Ответ: «Филистинский» уроженец гор. Москвы, русский, настоящая фамилия его мне неизвестна, ему 38 лет, в прошлом арестовывался органами советской власти за антисоветскую работу и содержался где-то в лагерях. При каких обстоятельствах попал к немцам – не знаю. «Филистинский» активно используется германской разведкой. В Риге он являлся редактором газеты «Новое слово», а затем был подготовлен КРАУСОМ в качестве редактора подпольной газеты в СССР.

Вопрос: Такая газета существует?

Ответ: Насколько мне известно, такой газеты нет, но в Риге подготовлена к выброске в Вологодскую область типография, упакованная в 32 тюка, приспособленных к грузовым парашютам. КРАУС намерен установить эту типографию в какой-нибудь глухой деревушке и там печатать подпольную газету. «Филистинский» должен быть выброшен в то же место для редактирования этой газеты.

Вопрос: Почему немцы намечают выброску типографии именно в Вологодскую область?

Ответ: Мне известно от КРАУСА, что в Вологодской области действует группа агентов «Цепелина», поддерживающая систематическую связь с Рижским радиоцентром германской разведки.

Вопрос: Какие агенты германской разведки находятся на территории Вологодской области и где именно?

Ответ: Я знаю, что эту группу возглавляет СЕМЕНОВ Гордей, возможно, это его кличка. Другие участники группы мне лично неизвестны. Знаю, что их всего 6–7 человек, так как видел их перед отправкой в советский тыл.

Вопрос: Вы не ответили, в каком именно месте Вологодской области работает эта группа и куда должна быть выброшена типография?

Ответ: Это мне неизвестно.

Вопрос: Выше вы заявили об отсутствии конспирации в работе КРАУСА, теперь же, когда мы требуем от вас ответа о местах, где находятся агенты германской разведки, вы пытаетесь уклониться от него, ссылаясь на свою неосведомленность. Непонятно, когда вы говорите правду и когда лжете.

Ответ: Я в обоих случаях показываю правду. Если бы в то время это для меня представляло какой-либо специальный интерес, то я мог узнать об этом от КРАУСА, но меня это не интересовало.

Вопрос: Продолжайте ваши показания об известных вам планах германской разведки.

Ответ: Как я уже показал выше, «Филистинский» на одном из «ужинов» заметил, что отсутствие необходимых транспортных средств тормозит работу Рижской команды «Цепелин». На это КРАУС ответил, что если сейчас нехватает транспортных самолетов, то, видимо, скоро нехватит людей для выброски. Объясняя это, КРАУС заявил, что германская разведка намерена изменить свою тактику. До последнего времени, говорил КРАУС, выбрасывались мелкие группы по 3–4 человека, которые в лучшем случае могли повредить рельсы и на некоторое время вывести из строя какой-нибудь железнодорожный перегон. Такая тактика не оправдывает себя. По словам КРАУСА, немцы намечают теперь выброску крупных групп для диверсионных целей. КРАУС доказывал, что многочисленная группа в областном или районном центре сумеет перебить местное руководство и совершить крупную диверсию.

Вопрос: Какие именно группы подготовлены к выброске?

Ответ: Со слов КРАУСА мне известно, что к выброске подготовлен ряд крупных групп, численностью свыше 100 чел. каждая. Эти группы намечаются к выброске в районах Волги и Камы, с тем чтобы одновременно взорвать мосты через эти реки и отрезать на некоторое время Урал от фронта. Это, по словам КРАУСА, должно будет немедленно отразиться на боеспособности действующей Красной армии, хотя бы на короткий период.

Вопрос: Перечислите известные вам группы германских агентов, подготовленных к выброске в район Волги и Камы.

Ответ: Мне известны четыре таких группы. Первая группа во главе с агентом германской разведки Георгием КРАВЕЦ подготавливается к выброске с задачей совершения крупных диверсионных актов в оборонной промышленности г. Молотова.

Вопрос: Кто такой КРАВЕЦ?

Ответ: КРАВЕЦ – русский, сын генерала царской армии, бывший летчик Гражданского воздушного флота СССР. В 1933 году изменил Родине, перелетев на самолете в Латвию. После этого длительное время проживал в Германии. С начала войны активно используется немцами в разведывательных органах на восточном фронте.

Вопрос: Назовите состав остальных групп.

Ответ: Вторая группа в составе свыше 100 чел. возглавляется «Кином», настоящая фамилия его мне неизвестна. Знаю, что он казак, добровольно перешел на сторону немцев и зарекомендовал себя перед ними многочисленными зверствами над коммунистами и

советскими партизанами.

Вопрос: В какой район должна быть переброшена эта группа?

Ответ: Точно мне неизвестно. Знаю лишь, что группа «Кина» также предназначена для выброски в районы Волги и Камы.

Третью группу возглавляет РУДЧЕНКО. Эта группа также насчитывает свыше 100 чел. РУДЧЕНКО до войны являлся преподавателем истории одного из ленинградских институтов. Во время войны он под Ленинградом перешел на сторону немцев и с тех пор активно работает в немецких разведывательных органах.

Четвертая группа в составе более 200 чел., возглавляется МАРТЫНОВСКИМ.

Вопрос: Что вам известно о МАРТЫНОВСКОМ?

Ответ: Это бывший капитан Красной армии. Попад в плен к немцам, стал сотрудничать с германской разведкой и вел активную борьбу с советскими партизанами. Германская разведка с большим доверием относится к МАРТЫНОВСКОМУ, он награжден тремя Железными крестами. Группа МАРТЫНОВСКОГО готовится к переброске в район Астрахани.

Со слов КРАУСА мне также известно, что для руководства всеми перечисленными группами после их приземления в районе Волги и Камы туда должен быть переброшен через линию фронта бывший полковник Красной армии ЛЕМАН. ЛЕМАНА я знаю лично, он немец Поволжья, во время войны перешел на сторону немецких войск; в Захдбергском лагере он возглавлял «особую команду» германских разведчиков, о которой я показал выше.

Вопрос: Какие известные вам группы германских разведчиков подготавливаются для переброски в советский тыл?

Ответ: Я назвал все известные мне группы. По ряду фактов я могу сделать вывод, что немцы готовят много таких групп для переброски через линию фронта.

Вопрос: О каких фактах вы говорите?

Ответ: За последнее время в Риге в портняжные мастерские СД доставлено большое количество материала для пошивки красноармейского обмундирования и погон. Судя по количеству этого материала, можно на глаз определить, что он предназначен для пошивки многих сотен комплектов обмундирования военнослужащих Красной армии. Кроме того, со слов б. командира Красной армии, ныне офицера СС ЯКУШЕВА, занимающегося в рижской команде «Цепелин» изготовлением фиктивных советских документов, мне известно, что такие документы изготавливаются в последнее время в очень большом количестве.

Вопрос: Каким образом ЯКУШЕВ стал офицером СС?

Ответ: Со слов ЯКУШЕВА мне известно, что весной 1944 года, будучи на командной должности на Западном фронте, он добровольно перешел на сторону немцев, после чего был принят на работу в СД.

Вопрос: Вам предъявляются бумаги, отобранные у вас при личном обыске. На одной из бумаг записаны фамилии: ЯКУШЕВ, ПАЛКИН и ЗАГЛАДИН (последняя фамилия вписана в протокол от руки. – *Ред.*). Кем сделаны эти записи?

Ответ: Это писал я в Риге.

Вопрос: Для чего вы записали эти фамилии и взяли эти бумаги с собой, направляясь через линию фронта с заданиями германской разведки по террору?

Ответ: Я записал фамилии ПАЛКИНА и ЗАГЛАДИНА в связи с тем, что ЯКУШЕВ дал мне к ним явки как к участникам антисоветской организации в Красной армии, именуемой «Союз русских офицеров». По словам ЯКУШЕВА, до перехода на сторону немцев он также являлся участником названной организации.

Вопрос: Вы должны были использовать эти явки для выполнения заданий германской разведки по террору?

Ответ: Нет, ЯКУШЕВ не знал, что я имею задание по террору, во всяком случае, я ему об этом не говорил. Эти явки ЯКУШЕВ мне дал, зная, что я направляюсь с заданием в Москву, с тем чтобы в случае необходимости я обратился за помощью к ПАЛКИНУ и ЗАГЛАДИНУ.

Вопрос: За помощью в организации террористического акта?

Ответ: Нет, я повторяю, что о терроре мы с ЯКУШЕВЫМ не говорили.

Вопрос: Ответьте прямо на вопрос: для чего вам ЯКУШЕВ дал явки к ПАЛКИНУ и ЗАГЛАДИНУ?

Ответ: Имена ПАЛКИНА и ЗАГЛАДИНА мне стали известны из рассказов ЯКУШЕВА о его антисоветской работе в Красной армии. Перед моей выброской через линию фронта ЯКУШЕВ просил меня записать их фамилии и связаться с этими лицами в случае необходимости. В частности, ЯКУШЕВ предусматривал необходимость получения содействия от ПАЛКИНА и ЗАГЛАДИНА для устройства меня на работу в воинскую часть.

Вопрос: Расскажите подробно, что говорил вам ЯКУШЕВ о своей антисоветской работе в Красной армии.

Ответ: 6 июня 1944 года я прибыл из Риги в Минск, откуда должна была осуществиться переброска меня на самолете через линию фронта. ЯКУШЕВ, работавший тогда в Минском отделе СД, производил окончательный осмотр правильности оформления моих документов и обмундирования.

В связи с тем что по техническим причинам переброска меня из Минска через линию фронта не состоялась, я вернулся в Ригу, куда вскоре вместе со всей минской командой СД эвакуировался и ЯКУШЕВ, которого КРАУС определил на должность руководителя группы по изготовлению фиктивных советских документов. В одну из встреч с ЯКУШЕВЫМ, на квартире сотрудника рижской команды «Цеппелин» – лейтенанта ДЕЛЛЕ, ЯКУШЕВ подробно рассказал мне о своей антисоветской работе.

Вопрос: Что именно вам рассказал ЯКУШЕВ?

Ответ: ЯКУШЕВ рассказал, что незадолго до начала войны с немцами он был уволен из Северного военно-морского флота за какие-то проступки, но в связи с войной как специалист был возвращен во флот. Там он связался с антисоветской организацией, именовавшейся «Союз русских офицеров», но вскоре обнаружил за собой слежку и, дезертировав из флота, прибыл в Москву.

В Москве, по его словам, он установил связь со своим знакомым, также участником организации «Союз русских офицеров» – майором ПАЛКИНЫМ.

Далее, по словам ЯКУШЕВА, ПАЛКИН свел его с генерал-майором ЗАГЛАДИНЫМ (звание, как и выше фамилия, вписано в протокол от руки. – *Ред.*), который, также являясь участником организации, назначил ЯКУШЕВА заместителем командира полка на Западный фронт. Командир этого полка (фамилии его ЯКУШЕВ не назвал), в звании майора, также являлся участником «Союза русских офицеров», и ЯКУШЕВ от ЗАГЛАДИНА якобы получил к нему явку.

Вопрос: А что вам рассказал ЯКУШЕВ о своей антисоветской работе в период пребывания его на Западном фронте?

Ответ: ЯКУШЕВ рассказал мне, что он связался по антисоветской работе с командиром полка.

Осенью 1943 года ЯКУШЕВ был вызван для беседы в Особый отдел, где из разговора с сотрудником он якобы понял, что о «Союзе русских офицеров» что-то стало известно Особому отделу. ЯКУШЕВ рассказал об этом командиру полка, и ими было решено застрелить участника организации старшего лейтенанта интендантской службы, которого они подозревали в связи с Особым отделом. Под предлогом расстрела за невыполнение приказа командира полка этот старший лейтенант был убит ЯКУШЕВЫМ.

За это убийство ЯКУШЕВ и командир полка были арестованы и сидели в Смоленской тюрьме. Оба они были приговорены к расстрелу, но ЯКУШЕВУ расстрел был заменен 15 годами заключения с направлением на фронт в штрафную часть, откуда он и перешел на сторону немцев.

Вопрос: Кто вам еще давал явки в Москву или другие города СССР?

Ответ: Больше никто мне явок не давал. Другие адреса, записанные в моих бумагах, были мне даны работниками команды «Цеппелин» в Риге, бывшими военнослужащими

Красной армии, знавшими о предстоящей переброске меня в Москву.

Вопрос: Кем именно и для чего вам были даны эти адреса?

Ответ: Агент СД, бывший летчик Красной армии, попавший во время войны в плен к немцам, ТЕННИКОВ дал мне адрес своей жены ТЕННИКОВОЙ Антонины Алексеевны, проживающей в Москве на Ленинградском шоссе в авиагородке. ТЕННИКОВ просил меня разыскать его жену, сообщить ей, что он находится у немцев, и в случае нужды поселиться у нее на несколько дней.

ЯКУШЕВ мне также дал адрес своей личной знакомой – РЫЧКОВОЙ, работающей на железной дороге в качестве ревизора пассажирского движения. ЯКУШЕВ сказал, что она сумеет предоставить мне возможность пожить некоторое время у нее, так как сама она по роду своей работы часто бывает в разъездах. Он сказал мне также, что если РЫЧКОВА узнает правду обо мне, то она не выдаст меня.

Вопрос: Как вы должны были использовать эти адреса?

Ответ: Я мог их использовать лишь для того, чтобы на время остановиться на квартире у этих лиц.

Вопрос: Может быть, ПАЛКИНА и ЗАГЛАДИНА ЯКУШЕВ вам также назвал для того, чтобы вы могли остановиться у них на квартире?

Ответ: Нет. Как я уже показал, я получил их адреса от ЯКУШЕВА для того, чтобы в случае необходимости использовать этих лиц как участников антисоветской организации.

Вопрос: Как вы должны были разыскать ПАЛКИНА и ЗАГЛАДИНА?

Ответ: ЯКУШЕВ объяснил мне, что к ПАЛКИНУ я могу явиться по адресу: Ярославское шоссе, дом № 85, а к ЗАГЛАДИНУ я должен был под видом офицера Красной армии прийти на службу в Управление кадров НКО (УК НКО вписано в протокол от руки. – Ред.).

Вопрос: При личном обыске у вас также обнаружен адрес Якова ЛЕЩЕВА, проживающего в Кировской области. Кто такой ЛЕЩЕВ и почему у вас записан его адрес?

Ответ: Как я уже показывал выше, 6 июня с. г. германская разведка готовила меня к переброске в советский тыл, и так как я должен был перебрасываться один, без радиста, мне было майором КРАУСОМ указано, что связь с Рижским радиоцентром германской разведки я должен буду поддерживать через немецкую агентурную станцию. Для связи с этой станцией мне и был дан тогда адрес ЛЕЩЕВА Якова, проживающего в деревне Лещево Кировской области.

Вопрос: Каким путем вы должны были связаться с ЛЕЩЕВЫМ Яковом?

Ответ: При необходимости передать радиogramму на Рижский радиоцентр германской разведки я должен был ее текст, написанный тайнописью, переслать в адрес ЛЕЩЕВА, в письме, адресованном ему якобы от товарища его сына, находящегося в рядах Красной армии.

Вопрос: ЛЕЩЕВ лично должен был передавать германской разведке ваши радиogramмы?

Ответ: Об этом мне КРАУС ничего не говорил, возможно, что ЛЕЩЕВ является только содержанием агентурной радиостанции, а радисты заброшены туда германской разведкой.

Вопрос: А каким путем вы должны были получать указания германской разведки?

Ответ: Я должен был сообщить ЛЕЩЕВУ свой адрес, по которому он также тайнописью передавал бы мне указания КРАУСА.

Вопрос: При вашей переброске через линию фронта 5 сентября с. г. указания майора КРАУСА об использовании радиостанции в Кировской области оставались в силе?

Ответ: Заместитель майора КРАУСА по связи ГРЕФЕ перед переброской меня в СССР указывал, что агентурной радиостанцией в Кировской области я могу пользоваться для связи с немцами в том случае, если почему-либо не смогу с ними связаться посредством приданной мне радиостанции с радисткой ШИЛОВОЙ Лидией. Средствами тайнописи для переписки с ЛЕЩЕВЫМ я был снабжен как при первой переброске меня в советский тыл, 6 июня с. г., так и в этот раз.

Вопрос: Какие еще явки вы получили от германской разведки?

Ответ: Других явок мне КРАУС не давал.

Вопрос: А какие явки дали вам другие работники германской разведки?

Ответ: Другие работники германской разведки мне не давали явок.

Вопрос: Кто должен был помогать вам в выполнении заданий немцев по террору?

Ответ: Совершение террористического акта против И. В. СТАЛИНА было поручено мне лично. Никаких помощников для этого немецкая разведка мне не дала. Как я уже показал выше, я имел лишь задание устанавливать связи с людьми, от которых я мог бы в осторожной форме узнавать о месте пребывания членов правительства.

Вопрос: Из всех ваших ответов на вопросы следствия не видно, почему именно вам было поручено совершение террористического акта против главы советского государства?

Ответ: Я уже показал выше, что я сам просил ГРЕФЕ дать мне задание по террору, как мне рекомендовал это сделать ЖИЛЕНКОВ. ЖИЛЕНКОВ говорил мне тогда, что это «великая историческая миссия», которую я должен взять на себя. При этом он обещал мне, что после свержения советской власти я займу видное место в России. Это также сыграло роль в моем решении принять от ГРЕФЕ задание по террору.

Вопрос: Давая вам задание на совершение террористического акта, снабдив вас террористической техникой, германская разведка должна была иметь гарантии, что вы сумеете выполнить это задание. Чем вы убедили германскую разведку в реальности взятого вами на себя обязательства?

Ответ: Мой добровольный переход на сторону немцев, а также и то, что после вербовки меня германской разведкой я, находясь в лагере СД, в резкой форме высказывал антисоветские взгляды, было учтено ГРЕФЕ, когда он мне поручал совершение террористического акта против И. В. СТАЛИНА.

Вопрос: А какие явки вы получили от ЖИЛЕНКОВА?

Ответ: ЖИЛЕНКОВ не давал мне явок.

Вопрос: Вы говорите неправду. Вы переброшены в СССР не только как агент германской разведки, но и как агент так называемого «русского кабинета», о котором вы показывали. ЖИЛЕНКОВ должен был снабдить вас соответствующими явками на территории СССР.

Ответ: Я говорю правду. ЖИЛЕНКОВ не давал мне явок.

Вопрос: Вы ведете себя неискренно. В ходе допроса вы неоднократно были изобличены следствием во лжи. Учтите, что вам придется показать следствию всю правду о вашей предательской работе в пользу германской разведки и полученных вами заданиях по антисоветской работе в СССР.

Ответ: Я показал о самом главном. Возможно, я упустил лишь какие-нибудь детали, но я постараюсь восстановить их в памяти и покажу о них дополнительно.

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан.

(Таврин)

Допросили: Начальник Отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом – Комиссар Госбезопасности 3 ранга –

(Леонтьев)

Зам. начальника 2 Управления НКГБ СССР Комиссар Государств. Безопасности –

(Райхман)

Начальник Отдела ГУКР СМЕРШ НКО Полковник –

(Барышников)

Допрашивали террориста асы советской разведки и контрразведки: начальник отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом комиссар госбезопасности 3 ранга А. М. Леонтьев, заместитель начальника 2 управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3 ранга Л. Ф. Райхман и начальник отдела ГУКР СМЕРШ полковник В. Я. Барышников.

Барышников Владимир Яковлевич (1900–12.11.1971). Генерал-майор. В 1927 году по партийному набору направлен на работу в ОГПУ. Работал в валютной группе Экономического отдела ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе (помощник уполномоченного). Более 20 лет работал в Центральном аппарате контрразведки и разведки НКВД – КГБ. В 1943–1944 гг. – начальник отделения радиоигр 3 отдела ГУКР СМЕРШ, с 1944 г. – начальник 3 отдела ГУКР СМЕРШ. После войны работал в разведке – начальник 3 (нелегальная разведка) отдела представительства МГБ – КГБ в ГДР (1953–1958), зам. начальника управления «С», ПГУ КГБ при СМ СССР. Награжден 2 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды, медалями.

Райхман Леонид Федорович (1908–1990). Генерал-лейтенант (1945). Член партии с 1926 г. Работал в Секретно-политических отделах ОГПУ – НКВД в Ленинграде и в Центральном аппарате (с 1940 г. – начальник отделения 2 отдела ГУГБ). С февраля 1941 г. – зам. начальника 2 (контрразведка) управления НКГБ – НКВД – НКГБ СССР, с июня 1946 г. – зам. начальника 2 Главного управления МГБ СССР. Руководил операциями против вооруженных сил националистов в Прибалтике и на Западной Украине. Арестован 19 октября 1951 г. по делу о «сионистском заговоре в МГБ». Освобожден и реабилитирован в марте 1953 г., с мая того же года – начальник Контрольной инспекции МВД СССР, в июле того же года снят с должности и уволен в запас Министерства обороны СССР, 21 августа 1953 г. арестован. В августе 1956 г. Военной коллегией Верховного суда СССР за нарушения социалистической законности осужден и приговорен к 5 годам заключения и лишен генеральского звания (постановлением СМ СССР). В ноябре 1956 г. освобожден из заключения (с учетом предварительного заключения и зачетов рабочих дней). Занимался исследованиями в области астрономии.

Продолжалась и техническая экспертиза снаряжения террориста.

Результаты технической экспертизы мини-гранатомета и зарядов к нему были весьма впечатляющими: «Выводы: 1. Доставленный патрон является бронебойно-фугасной гранатой кумулятивного действия с большой бронепробиваемостью до 35–40 мм, с дальностью стрельбы до 300 метров. 2. Стрельба этой гранатой может производиться с руки, с жестким упором гранатомета или без упора, в этом случае гранатомет является однострельным, так как силой отдачи он отбрасывается на значительное расстояние (до 10 метров). 3. Скорострельность гранатомета при стрельбе с жестким упором является весьма малой, так как перезарядка гранатомета требует сравнительно много времени (около 3 минут). 4. Для боевого применения в регулярных войсках граната и гранатомет к ней непригодны из-за специфичности их конструкции (малая прицельность при стрельбе с руки, малая скорострельность, неудобство заряжания). Однако, ввиду портативности гранатомета и гранаты, их малого веса и большой сравнительной мощности гранаты, это средство может быть весьма успешно применено для специальных целей».

Не остались незамеченными и боеприпасы к пистолетам, которыми СД снабдило своего диверсанта для покушения на советских лидеров. Из заключения экспертизы «патронов иностранного происхождения» от 18 сентября 1944 года: «На анализ представлены 3 (три) револьверных патрона с маркой RW5-7, 65. При наружном осмотре установлено, что пуля этого патрона имеет вставленную головку и продольные насечки. Кроме того, обрез дульца гильзы и пистон патрона выкрашены в красный цвет. После наружного осмотра два патрона были вскрыты и исследованы по частям. При вскрытии и детальном анализе пули установлено, что она принадлежит к типу разрывных. Разрывается в момент соприкосновения с препятствием с образованием большого количества мелких свинцовых брызг. Кроме того, в пуле обнаружен белый кристаллический порошок, после анализа которого установлено, что он является сильнейшим кровяным ядом и, по предварительным данным, относится к классу алкалоидов типа стрихнина. Токсикологической проверкой этого порошка зафиксирована моментальная смерть подопытного кролика, наступившая от общего паралича».

Для руководства страны был подготовлен доклад.

В государственный Комитет Обороны товарищу Сталину И. В., товарищу Молотову В. М. из НКБ СССР, НКВД СССР и ГУКР СМЕРШ НКО СССР

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА № 4126/М

«5 сентября с. г., близ районного центра Смоленской области – с. Карманово, сотрудники НКВД – НКГБ задержали показавшегося подозрительным неизвестного в форме майора Красной армии. Он следовал на мотоцикле с коляской по дороге на Ржев и предъявил документы на имя Героя Советского Союза Таврина Петра Ивановича. Вместе с ним была задержана женщина, следовавшая в коляске мотоцикла, назвавшаяся женой Таврина – Шиловой Лидией Петровной. При обыске задержанных изъято: а) специальный аппарат «Панцеркнакке» с 9-ю зарядами. При исследовании установлено, что снаряд «Панцеркнакке» калибром 30 мм, длиной 170 мм, весом 235 граммов является бронебойно-фугасной гранатой кумулятивного действия с бронепробиваемостью 35–40 мм при дальности стрельбы до 300 метров. Аппарат соединен тонким проводом с электрической батареей и приводится в действие нажатием кнопки... С сентября 1943 года по август 1944 года включительно сначала в Пскове, а затем в Риге и Берлине под руководством начальника Восточного отдела СД Грефе, сотрудника СД (принимавшего участие в похищении Муссолини) Скорцени и начальника рижского СД – майора СС Крауса проходил в индивидуальном порядке особую подготовку как террорист для совершения террористических актов против руководителей СССР. Кроме того, обработку Таврина на протяжении длительного времени вел находящийся в Германии изменник Родины – бывший секретарь Ростокинского райкома ВКП (б) г. Москвы Жиленков Г. Н.

В ночь с 4 на 5 сентября с. г. переброшен через линию фронта с Рижского аэродрома на 4-моторном транспортном немецком самолете, оборудованном для посадки на непригодных площадках, и высажен вместе с мотоциклом в районе с. Карманово. (При посадке самолет потерпел аварию, вследствие чего улететь обратно не мог. 3 члена экипажа задержаны, 1 убит, 2 разыскиваются.) Переброску организовал германский разведывательный орган СД в Риге, условно именуемый «Цеппелин».

Цель переброски – организовать и осуществить террористический акт против т. Сталина, а при удобном случае также и других членов правительства – Берия, Кагановича и Молотова. ...Прилагается альбом вещественных доказательств по делу».

Л. Берия, Меркулов, Абакумов

Документ был исполнен в пяти экземплярах.

В своих показаниях Таврин рассказал о встречах с генералом А. А. Власовым. Таких встреч у него было четыре.

«Впервые я встретил Власова в 1942 г. в июле мес [яце] в Летценской крепости, где содержался ряд генералов и командиров Красной армии, в том числе и я. После двухнедельного моего пребывания в крепости был привезен как военнопленный генерал-лейтенант Власов, который был также помещен в тот корпус, где находились все военнопленные, но я с ним знаком не был и разговоров в Летценской крепости с ним не имел.

Вторично видел Власова в полной генеральской немецкой форме в спецлагере в Замберге (Восточная Силезия) в сентябре мес [яце] 1943 года, вместе с «генерал-лейтенантом» Жиленковым, которого я также знал по Летценской крепости и был с ним знаком. Жиленков также был в чине генерала немецкой армии с отличительным знаком на фуражке (старая русская кокарда), который производил передачу сформированного батальона добровольцев из бывших военнопленных немецкому командованию для отправки, как говорили, на Балканский фронт. Но и в Замберге я также к Власову не подходил и не имел с ним никаких разговоров.

Третий раз видел Власова в Берлине (Ванзее), у него на квартире, во второй половине

января 1944 года ³⁷ при следующих обстоятельствах. Я находился в Берлине с приставленным ко мне работником гестапо Делле Паулем, к которому однажды вечером в тот пансион, где мы с ним жили, явился неизвестный мне капитан в полной немецкой форме. Как позже сообщил Делле – это его хороший, ближайший друг, который является личным адъютантом генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова, с которым он хочет поговорить, и они ушли в комнату Делле. После происшедшего между ними разговора они вышли из комнаты, и Делле предложил мне познакомиться с этим капитаном. Я назвал ему свою фамилию. Он, оказывается, хорошо говорит по-русски. Делле мне сказал, что капитан может устроить встречу с Андреем Андреевичем Власовым. Я ответил: «Хорошо, был бы рад видеть генерала Власова». На этом разговор о встрече был закончен. После пятиминутного общего разговора капитан уехал. Как объяснил мне Делле позже, заявление этого капитана явилось следствием их приятельских отношений. К концу следующего дня этот же капитан на легковой машине приехал в пансион и сообщил, что мы можем ехать. Собравшись, Делле и я сели в машину и поехали в направлении Ванзее. Неизвестно, по какой причине и по какому поводу, но заехали к Жиленкову, который был дома. Капитан и Делле сообщили ему, что мы едем к Андрею Андреевичу. Жиленков ответил, что, кстати, и ему надо, поедет вместе. Он оделся, сели в машину, и все четверо уехали.

Делле с капитаном (возможно, это был В. К. Штрик-Штрикфельте) занимались неизвестными мне разговорами. А я, Жиленков и Власов сидели у стола. Здесь Жиленков познакомил меня с Власовым и объяснил ему, кто я и что представляю из себя. После общего разговора в течение 1–2 минут, который состоял из задаваемых мне вопросов Власовым чисто биографического порядка и моей жизни, Жиленков спросил меня, был ли я у Скорцени и о чем вели разговор, после чего Власов сказал мне, что, кроме возложенной на меня задачи личного исполнения, я должен заняться также попутно и подготовкой, т. е. разведыванием подходящих мест в Примосковье или недалеко от Москвы, где бы можно было высадиться большой группе людей совершенно безопасно. Он сказал, что в выполнении своей личной задачи я не должен проявлять большой поспешности, должен быть очень осторожным, действовать только тогда, когда будет предоставлен случай наверняка, и что в случае надобности в поддержке во всех отношениях они могут мне предоставлять и средства, и людей, и все, что потребуется, но не назвал, из числа каких людей, какими именно средствами и каким путем это будет сделано. В этом же разговоре им было сказано, что, возможно, в зависимости от обстоятельств и моей информации я могу быть вызван в Германию, но это произойдет тогда, когда дело будет подходить к концу, т. е. не раньше, как он выразился, 1 декабря 1944 года. На этом разговор делового порядка в отношении моей задачи был закончен. Разговор происходил в присутствии Жиленкова. Для меня неизвестно, из каких источников и откуда Власову было известно о том, что я собираюсь ехать в Советский Союз для выполнения такой задачи, хотя фактически он мне моей задачи не назвал, но из разговора было видно, что ему все известно.

Четвертую встречу с Власовым я имел в феврале мес [яце] 1944 года в Морицфельде (Восточная Пруссия – филиал Главного штаба Военно-воздушных сил германской армии), куда я приехал по указанию Крауса для решения вопросов моей транспортировки. Сначала заехал в Кенигсберг, а затем в Морицфельд, где я встретил Власова и Жиленкова, которые, как мне было сказано, занимались вопросами укомплектования и подбора личного состава для власовской армии...»

Судьба немецких летчиков

В ночь на 5 сентября 1944 года начальник Гжатского РО НКВД получил сообщение,

---

³⁷ В других собственноручных показаниях П. Таврин указал более точные даты встреч с Власовым: вторая встреча в Замберге 2–3 сентября 1943 г., в Берлине – 23–24 января 1944 г.

что в направлении Можайска пролетел вражеский самолет, который был трижды обстрелян нашей зенитной артиллерией в районах станции Кубинка Московской области, Можайска и Уваровки. Из-за обстрела самолет повернул на обратный курс. Однако, получив серьезные повреждения, летчики решили совершить вынужденную посадку, так как один из двигателей воспламенился.

Через некоторое время начальнику Гжатского РО НКВД поступило очередное сообщение о том, что неизвестный самолет приземлился в районе деревни Яковлево, а от самолета на рассвете выехали на мотоцикле в направлении поселка Карманово мужчина и женщина. Утром того же дня Гжатское РО НКВД о случившемся уведомило Вяземский горотдел НКВД. Немедленно в готовность были приведены все наличные силы НКВД и НКГБ.

В результате совместных действий силами сотрудников Кармановского РО НКВД и РО НКГБ диверсанты были задержаны.

Но был еще и экипаж самолета.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ СМЕРША

«Из состава экипажа германского самолета «Арадо-232», производившего переброску Таврина через линию фронта, дополнительно разысканы и арестованы командир самолета Фирус Г. Э. и штурман Тидт Г.

Фирус Гельмут Эмиль, 1918 года рождения, уроженец местечка Новый Ульм, округа Фридберг, Неймарской провинции, немец, пилот самолета, обер-фельдфебель немецкой армии.

Тидт Герхард, 1920 года рождения, уроженец Берлина, немец, по профессии слесарь, в 1939 году добровольно вступил в немецкую армию, штурман авиации, фельдфебель немецкой армии.

Экипаж самолета «Арадо», на котором летели Таврин и Шилова, состоял из опытных матерых гитлеровцев. Их нужно было найти, обезвредить. Из шести членов состава экипажа пять человек пойманы и один убит при преследовании. Задержанные германские летчики показали, что они сотрудниками германской разведки специально предупреждались об особой ответственности порученной им переброски в советский тыл Таврина.

...Учитывая имеющиеся материалы о заброске немцами специальной агентуры с заданием по террору, НКВД – НКГБ приняты меры к усилению агентурно-оперативной работы по охране правительственных объектов.

Для поисков экипажа немецкого самолета немедленно были сформированы и выброшены в район поисков три оперативные группы Гжатского РО НКВД (10 человек), Вяземского горотдела НКВД (20 человек) и Кармановского РО НКВД с членами истребительного батальона (30 человек). Из ОКР СМЕРШ МВО прибыла группа красноармейцев в составе 80 человек. У самолета была выставлена охрана из солдат 7 полка службы воздушного наблюдения.

В ходе прочесывания леса, в семи километрах от места падения самолета, были обнаружены следы и место отдыха экипажа (обертка от шоколада, окурки сигарет и т. п.). Двигаясь по предполагаемому маршруту, выбранному экипажем, командир группы установил засаду на мосту через реку Березуйка около деревни Лукьянково Зубцовского района и выставил несколько секретных постов. 9 сентября в 22 часа немцы вышли из леса на дорогу к деревне и цепочкой по одному вошли на мост. После того как немцы прошли мост, старший опергруппы дал команду: «Стой! Руки вверх!» Немцы не подчинились и залегли под откосом дороги. Несмотря на предупредительные выстрелы, экипаж сдаться отказался и вступил в перестрелку. Завязался бой, который продолжался до четырех часов утра. Сопrotивляющиеся были зажаты в кольцо подоспевшей второй группой. В ходе перестрелки был убит бортмеханик Вилли Браун, три человека задержаны и обезоружены:

радист – Герхард Хоберехт и два стрелка – Еуген Хеттерих и Кергард Шнейдер. Двоим, командиру экипажа Хельмуту Фирусу и штурману Тидт Герхарду, под покровом ночи удалось скрыться.

Опергруппа, проводя проческу леса в районе приземлившегося самолета, обнаружила следы летчиков, место их отдыха и по следам установила место направления их на территорию Зубцовского района к Ржеву. Об этом были проинформированы Ржевский горотдел РО НКВД и Зубцовский РО НКВД, а опергруппа тем временем продолжала преследование.

8 сентября немецкие летчики были замечены на лесной опушке в 45–50 км от места приземления, и в ночь на 10 сентября они попали в засаду, устроенную опергруппой (Ветров). Трое летчиков были задержаны, а бортмеханик в ходе завязавшейся перестрелки был убит, еще двум удалось бежать в лес. Их преследование продолжила подоспевшая на место засады опергруппа Калининской области.

Все пилоты входили в состав собой авиагруппы КГ–200, осуществлявшей по заданиям германской разведки заброску в тыл Советского Союза агентов для шпионажа, совершения диверсионных и террористических актов. К полету в советский тыл экипаж готовился офицером отдела «I – Ц» Меттера. По решению Особого совещания при НКВД в августе 1945 г. экипаж самолета был приговорен к ВМН.

Радиоигра «Туман»

Вначале в СМЕРШ радиоигру с «Цепелином» называли «Семейка», но вскоре изменили на «Туман». Под этим названием она вошла в историю СМЕРШа. Проведение радиоигры было санкционировано наркомом Внутренних дел СССР Л. П. Берия.

Игра с «Цепелином» проходила в тесном взаимодействии между соответствующими подразделениями НКВД, НКГБ и СМЕРШем. Так, например, тексты радиogramм в «Цепелин» готовились начальником 3 отдела ГУКР СМЕРШ Барышниковым и утверждались лично начальником ГУКР СМЕРШ Абакумовым или его заместителем – генерал-лейтенантом Бабицем. Кроме того, радиogramмы «Цепелину» согласовывались с начальником 2 управления НКГБ СССР Федотовым и начальником Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Леонтьевым.

Главное в радиоигре не столько введение противника в заблуждение, сколько выявление того, что именно его интересует. В радиоигре «Туман» семейного дуэта Шило – Таврин то, что интересует немцев, было известно. Однако противника дурачили на всякий случай. Ведь если немцы считают, что у Таврина все складывается, как задумано, гладко, то нечего замышлять еще подобную операцию против Сталина. Знать же о всех планах противника в то время наши контрразведчики не могли. У «Цепелина» могли быть самые разные планы. Примеров наглого, изошренного, циничного коварства немецких спецслужб достаточно. Одна из них – начало Второй мировой войны в 1939 году.

Вот и пришел конец радиоигре «Туман». Приговор Военной коллегии Таврин выслушал спокойно, только побледнел, Шилова всхлипнула. Таврин ожидал его давно. Ожидание тянулось семь лет. Предполагалось, что на конспиративную квартиру Таврина и Шиловой может выйти кто-либо из оставшихся в живых бывших сотрудников немецкой разведки, но никто не пришел. И вот настало время на судьбе врагов-предателей ставить точку. Таврин не раз в сознании прокручивал свою жизнь. Хищения, побег, хищения и снова побег из-под стражи, побег из лагеря Маутхаузен... Были в его жизни и яркие страницы: работа в прокуратуре по поддельным документам, общение не с рядовыми немцами, поездки в Берлин, жизнь с Лидой в Риге. Особенно запомнились встречи со Скорцени, Власовым. Он тогда слишком возомнил о себе, переоценил свою личность. После оглашения приговора теплилась надежда на помилование. Шилова тайно надеялась – ее, как женщину, не расстреляют. На какое-то время в Советском Союзе была отменена смертная казнь. Таврин же понимал: его, изменника Родины, провокатора, террориста, ждет один конец – пуля.

Политов-Таврин оказался в руках СМЕРШ, но советские спецслужбы еще долго продолжали следственные мероприятия по делу семейного дуэта.

В ходе Мемельской и Рижской наступательных операций части Красной армии 15 октября 1944 года освободили столицу Латвии Ригу и вышли на Балтийское побережье. После освобождения города органы контрразведки СМЕРШ занялись поиском и арестом лиц, сотрудничавших с оккупантами, очисткой освобожденных районов от агентуры противника, оставленной для подрывной работы в советском тылу. В ГУКР СМЕРШ стали поступать новые сведения о разведорганах «Цет-Норд» и его филиалах. 1 марта 1945 года начальник отдела контрразведки СМЕРШ Рижского гарнизона полковник Бажора доложил в ГУКР СМЕРШ: «В процессе разработки связей официальных сотрудников и агентуры германского разведоргана «Цеппелин» в декабре 1944 года были получены агентурные материалы в том, что в марте или апреле 1944 года русскому инженеру Политову, который находился при команде «Цеппелин», было сшито кожаное пальто с кармашком в рукаве для пистолета, и последний собирался лететь самолетом в Париж или Белград... Прошу ориентировать нас, что вам известно о Политове и его связях...» На тот момент в ГУКР СМЕРШ об «инженере Политове» знали уже немало. На документе стояла резолюция: «Речь идет о деле «Туман».

Сотрудники СМЕРШ Рижского гарнизона нашли не только гостиницу, в которой «Политов» останавливался, когда приезжал в Ригу, – «Эксельсиор» (на улице Гоголя), но и портного, который сшил ему кожаное пальто «с кармашком». Спустя некоторое время заказ был готов. «Политов» явился за ним с женой, купил себе еще «лучший гражданский костюм», а супруге – «лучшие предметы дамского одеяния».

Портной рассказал, что в январе 1944 года к нему в ателье пришел человек с запиской из команды «Цеппелин» с заданием из привезенных кож сшить пальто «инженеру Политову». Вскоре явился и сам «инженер». Портной предложил изготовить пальто по «существующим европейским модам», на это «Политов» возразил, сказав: «Шейте по такой моде, как у нас, т. е. реглан, но только делайте пошире и подлиннее рукава». Во время второй примерки «Политов» потребовал, чтобы ему в рукаве сделали кармашек, куда можно было бы положить пистолет. Тотчас же был вызван мастер, который и выполнил требование клиента.

Как оказалось, во время оккупации в рижской гостинице «Эксельсиор» гражданские лица не останавливались. Она предназначалась только для офицеров германской армии. «Инженера Политова» с супругой в эту гостиницу привел офицер-эсэсовец и приказал отвести ему лучший номер. «Политов» остановился в № 18. Выезжая из гостиницы, «Политов» сказал одному из служащих, что он «уезжает на фронт обучать, как обращаться с новым видом оружия». Этот служащий также вспомнил, что «Политов» всегда под пиджаком носил маленький пистолет в кобуре «на всякий случай», а все визитеры к нему были одеты в эсэсовскую форму.

Следствие выяснило и другие подробности операции «Цеппелин».

В начале декабря 1945 года сотрудниками СМЕРШ в одной из воинских частей Красной армии, находившихся в составе ГСОВ в Германии, был выявлен штатный сотрудник «Цет-Норд», бывший участник советского партизанского отряда Евгений Саруханов. В «Цеппелине» у него была другая фамилия и имя – роттенфюрер СС Ойген Руш. Во время допросов «Руш» дал подробные показания о семи разведывательно-диверсионных группах «Цет-Норд», заброшенных в советский тыл.

Как видно из рассказа «Руша», одна из групп под кодовым наименованием «Л-81» в составе двух человек была предназначена для оказания помощи П. Шило (Таврину) в деле по «центральному террору». Со слов «Руша», группа «Л-81» должна была подыскать безопасное место для посадки самолета, периодически сообщать по радиостанции сведения об обстановке в районе приземления. После приземления агента «Политова» группа «Л-81» должна была вернуться в разведорган.

В советской контрразведке пришли к выводу, что радиоигра «Туман» была проведена

успешно. Из справки заместителю министра госбезопасности Союза ССР генерал-лейтенанту Л. Ф. Цанаву от 15 января 1952 года: «По имеющимся данным... проводившаяся... радиоигра «Туман» у ответственных работников немецкой разведки, ныне предположительно находящихся на службе у американцев и англичан, никаких сомнений не вызывала...»³⁸.

Отступление. О коварстве гитлеровской спецслужбы

В советской литературе и печати по-разному оцениваются операции гитлеровских спецслужб. Однако, безусловно, были среди них и удачные, тщательно подготовленные. Особенность Второй мировой войны заключается, в частности, в том, что в отличие от обычной сложившейся практики спецслужб они применяли новые методы и приемы.

Руководители Третьего рейха, а именно РСХА, не только готовили войну, но ее и начали. В историю XX века это событие вошло как «инцидент Гляйвиц». В РСХА оно называлось «Операция Гиммлер».

Идею операции выдвинул Гейдрих. Еще в 1938 году, перед Судетами, он предложил инсценировать на границе с Чехословакией несколько стычек, чтобы заполучить предлог для вторжения. Мюнхенское соглашение сделало этот вариант ненужным.

Теперь идея пригодилась, и в начале августа Гейдрих с санкции Гиммлера приступил к ее реализации.

План был прост.

В ночь перед вторжением группа эсэсовцев, переодетая в польскую военную униформу, должна была со стороны Польши захватить немецкую радиостанцию в городке Гляйвиц³⁹, сделать в эфире антигерманское заявление, разумеется, на польском языке.

Вторая группа эсэсовцев должна была совершить нападение на контору лесничества близ города Пичен севернее Кройцбурга.

Третьей группе следовало на участке границы между Гляйвицем и Ратибором, в местечке Хохлинден, уничтожить таможенный пункт.

«Польское неспровоцированное нападение» должно было быть подтверждено предъявлением газетчикам «вещественных доказательств» в виде нескольких... убитых «польских солдат». Таковыми предстояло стать заранее умерщвленным инъекциями сильного яда заключенным концлагеря Ораниенбаума. Естественно, предварительно облаченным в польскую униформу.

Осуществить акцию предстояло особо отобранным эсэсовцам, из дислоцированных в районе Гляйвиц – Бойтен – Оппель 23 и 45 штандартов СС. По крайней мере, несколько из них должны были владеть польским языком. В целях обеспечения секретности Гейдрих с присущим ему цинизмом велел именовать трупы несчастных «консервами».

В соответствии с планом были распределены роли всех участников.

Изготовление «консервов», их доставку к Гляйвицу и размещение на «поле боя» обеспечивал шеф Амт-IV обер-фюрер СС Генрих Мюллер.

Шеф Амт-VI, бывший адвокат, а ныне бригадефюрер СС Хайнц Йост должен был раздобыть необходимое количество полных комплектов польской униформы, стрелкового оружия и солдатских книжек. Таковое добро имелось только на складах полка «Бранденбург-800». Пришлось обращаться к адмиралу Канарису. Все заказанное было доставлено в школу СД в городке Бернау севернее Берлина. Здесь же отобранные для участия в операции эсэсовцы репетировали «нападение польских солдат».

Оберфюрер СС Отто Раш должен был возглавить нападение на Пиченское лесничество,

---

³⁸ Макаров В. Лучшие спецоперации СМЕРШа, «Война в эфире». М.: Яуза; Эксмо, 2009.

³⁹ Ныне Гляйвице в Польше.

оберфюрер СС Герберт Мельхорн (тоже бывший адвокат) – на таможенную в Хохлиндене.

Главная роль в нападении на центральный объект – радиостанцию в Гляйвице – отводилась штурмбаннфюреру СС Альфреду Науйоку.

Об этом эсэсовце, которого в исторической литературе нарекли «Человеком, который начал Вторую мировую войну», стоит рассказать подробнее.

В молодые годы студент-недоучка Науйока был подающим надежды боксером-любителем. Гейдрих познакомился с ним еще в Киле, спустя годы знакомство продолжилось уже в СС и СД. Гейдрих прозорливо разглядел в этом парне недюжинные задатки будущего мастера «мокрых дел». А еще Науйока обладал редкой способностью копировать неотличимо от оригинала любую подпись, срисовать печать и т. п. Эти редкие и полезные способности обеспечили ему должность в Амт-VI, в реферате, занимающемся «техническими» вопросами.

В ходе захвата Чехословакии Науйока нелегально находился в пригороде Братиславы, откуда руководил объединенной агентурой СД и абвера, переправлял оружие словацким сепаратистам.

Таков был человек, которому предстояло сыграть в гнусной провокации ключевую роль.

Уже 10 августа Науйока, пятеро его боевиков и переводчик каждый самостоятельно прибыли в Гляйвиц и разместились в двух гостиницах. Оберштурмбаннфюрер лично произвел рекогносцировку на местности, выяснил, что радиостанция находилась за городом, за обычным проволочным ограждением, и почти не охранялась.

По предварительному плану вторжение в Польшу должно было начаться утром 26 августа, провокационные налеты, соответственно, состояться накануне. Однако в последний момент Гитлер вынужден был срочно все отменить. Отсрочку вызвали два события, случившиеся 25 августа. Первое – дуче Муссолини через своего посла сообщил, что не будет участвовать в военной авантюре. Второе – из Лондона неожиданно поступила весть, ввергшая Гитлера в ярость: английское правительство, проинформированное своим агентом в Германии о готовящихся провокациях на границе, спешно заключило с Польшей договор о взаимопомощи.

Сие означает, что СД и гестапо были вовсе не так уж надежны и непроницаемы, как полагали Гейдрих и Мюллер, если абсолютно секретная информация своевременно попала к англичанам. Важно: рядовые исполнители операции ничего не знали о том, что и где им предстоит совершить. Следовательно, источник англичан принадлежал к предельно узкому кругу посвященных.

Однако уже ничто не могло остановить закусившего удила Гитлера. Отказ Муссолини его огорчил, но не более того. Справиться с Польшей немцы могли и без моральной поддержки итальянцев. Решение англичан фюрера взбесило, но тоже – не более того. Он просто не поверил, что Чемберлен действительно поможет Польше и рискнет объявить войну Германии.

В 16 часов 31 августа в гостиничном номере Науйока раздался телефонный звонок и чей-то резкий голос приказал: «Срочно перезвоните!» Штурмбаннфюрер знал куда. Он набрал известный ему номер канцелярии Гейдриха, и тот же казенного звучания голос с нажимом произнес всего два слова: «Бабушка умерла!»

Это был сигнал.

Может возникнуть вопрос: почему помощник Гейдриха сразу, когда сам позвонил, не назвал эти ключевые слова? То была нормальная перестраховка. Перезвонив по секретному номеру, Науйока как прямой исполнитель важнейшей акции должен был быть уверен, что сигнал передан ему именно от Гейдриха.

В 20.00 того же дня группа Науйока ворвалась в здание радиостанции, стреляя в воздух и звучно ругаясь по-польски. Немногочисленный персонал радиостанции был локализован. Науйока достал заранее приготовленный текст, и немец-переводчик, то и дело прерываемый выстрелами, зачитал его.

Хорошо срежиссированный спектакль занял всего четыре минуты. После чего группа Науйока ретировалась, оставив после себя десятки стреляных гильз польского производства и несколько трупов «польских солдат».

Столь же успешно справились со своей задачей группы, атаковавшие лесничество и таможню.

Спустя несколько часов, уже 1 сентября 1939 года, передовые части вермахта перешли границу.

Кампания по разгрому Польши длилась менее четырех недель. Развязанная же этой агрессией Вторая мировая война длилась шесть лет и стоила жизни 55 миллионам человек.

В тот же день Гитлер выступил в рейхстаге. Он заявил, что за истекшую ночь на границе произошло 14 (!) вооруженных столкновений, из них три крупных. Германия вынуждена защищаться. Ему, фюреру и рейхсканцлеру, уже ничего не оставалось, как приказать войскам покарать польских агрессоров. Последние слова Гитлера покрыли бурные аплодисменты.

Прекрасный роман Владимира Богомолова «Момент истины. В августе 1944-го...» заканчивается фразой: «Бабушка!.. Бабулька приехала!!!»

«Бабушка приехала!» Это был условный сигнал для передачи открытым текстом по радио, означавший примерно: «Мы их взяли», означавший, что ядро группы (немецких диверсантов. – *Авт.*) захвачены. Сигнал, означавший успех чекистской операции.

Богомолов в романе использовал сигнал гитлеровцев. Что касается самого Богомолова, то печатные и устные указания о нем как о сотруднике СМЕРШа не соответствуют действительности. В СМЕРШе Владимир Осипович Богомолов не служил! Приведенные им в книге документы он придумал!

Из допроса Шиловой Лидии Яковлевны

При аресте семейного дуэта Таврина-Шило и Шиловой в руках контрразведки оказались шифры, кодированные таблицы и специально оговоренные на случай провала способы оповещения.

Первый допрос радистки Шиловой проходил 8 сентября 1944 года.

Вопрос: Расскажите о порядке организации радиосвязи на приданной вам немецкой разведкой радиостанции. Какое расписание установлено по связи?

Ответ: Расписание по связи с немецкой разведкой на приданной мне радиостанции было установлено каждое нечетное число, начиная с 9 сентября 1944 года. Время работы 10.00 и 13.30 московского времени.

Вопрос: Что должно быть обязательным отражением в тексте, кроме сущности радиограммы? Должна ли быть дата, чья подпись и т. д.?

Ответ: Кроме сущности радиограммы в тексте, я обязана дать ключ для расшифровки радиограммы, который помещается между первой и второй группами текста от начала и конца радиограммы. В том случае, когда поступает от центра запрос о погоде, я обязана показать на четвертом месте от начала и конца радиограммы. Даты нет. Подпись на радиограмме шифруется.

Вопрос: Какая подпись должна быть в радиограмме и обязательна ли она?

Ответ: Подпись в радиограмме должна быть обязательна. У меня подпись предусмотрена «Л. П.»⁴⁰.

«Цеппелин» предусмотрел и другие меры предосторожности на случай провала. «Цет-Норд» разработал одну предосторожность, о которой знал только Таврин. Перед заброской в советский тыл он согласовал с немецким командованием условный сигнал,

---

⁴⁰ Инициалы имени и фамилии, которая Л. Адамчик была присвоена германской разведкой – «Лидия Политова». «Л. Ш.» – инициалы имени и фамилии Лидии Шиловой

который он должен был применить в случае своего ареста советской разведкой для того, чтобы показать, что он работает под ее диктовку. Его жена, выброшенная вместе с Шило-Тавриным в качестве радистки, не знала о наличии этого условного сигнала.

Принцип шифровки условного сигнала состоял в следующем: берется слово, в котором имеются две одинаковых буквы рядом, например «русский» и «коммуна» и т. п. Для подачи сигнала немцам о работе под диктовку Таврин должен был внести в текст радиogramмы два слова, начинающиеся с этих букв, например «Милая мама», «Сильный снегопад», и вставить их в определенное место радиogramмы. Однако более подробно и конкретно объяснить способ кодировки условного сигнала Таврин на следствии отказался.

Шило-Таврин и его супруга содержались под стражей во Внутренней тюрьме. Вместо фамилий им для конспирации присвоили номера 35 и 22 соответственно. Первый выход в эфир состоялся 27 сентября 1944 года. Начиная с этого дня, вплоть до 15 октября, радиостанция неоднократно выходила в эфир. Однако связь с «Цеппелином» умышленно не устанавливали. 15 октября вновь вышли в эфир, слышимость была два балла, но создавали видимость, что «Центр» услышать было невозможно. Наконец, 19 октября в «Центр» радиовали вслепую.

Текст был такой: «Вызывайте дольше и отчетливее. Лида плохо разбирает. Вас слышим редко, почему нерегулярно работаете. Привлеките радиста, который ее тренировал. Примите все меры, чтобы связаться...»

Прошло два дня, и «Цеппелин» ответил: «Были очень обрадованы получить от вас ответ. Вашу телеграмму 230 групп не получили. Повторите, сообщите подробно о вашем положении. Привет».

В последующие дни в СМЕРШе имитировали видимость помех в радиоэфире, демонстрируя «Цеппелину» то, что их радиogramмы принять невозможно. Наконец, 26 октября связь была установлена и Таврин смог сообщить:

«Очень рад, что наконец появилась надежда. Думал, со связью уже ничего не получится. Лида совсем измучилась. Нахожусь в пригороде Москвы, поселок Ленино, Кирпичная ул., д. № 25... Сообщите, получили ли мое донесение о высадке – телеграмма 230 групп. Еще раз прошу, чтобы с Лидой работал опытный радист. Передавайте медленно. С нетерпением жду ваших сообщений. Привет всем. Л. П.»

29 октября в Москву были отправлены две радиogramмы: «Прошу сообщить точно, где остался самолет и его экипаж...» и «Не давайте ваши телеграммы больше чем 50 групп. Повторяйте каждые имена и числа два раза. Работаю с вами сам. Мы еще сработаемся. Привет... Михель».

В ответ из Москвы пошла подробная радиogramма из 280 групп: «В первой телеграмме сообщал, что при посадке самолет врезался в деревья, потерпел аварию, только случайно все остались живы. Летчики оказались малоопытными и растерянными. Кроме того, что не сумели посадить машину, место для посадки почему-то выбрали около деревни. Вскоре после аварии в нашу сторону побежали люди. Я вынужден был действовать быстро и решительно. С трудом вытащил мотоцикл, и с Лидой немедленно отъехали от этого места, экипаж ушел на запад. Из-за плохой дороги мотоцикл отказал, его и все лишнее имущество пришлось уничтожить и двигаться лесом. С трудом добрались до Ржева, где жили 12 дней. Пытались с вами связаться. 28 сентября прибыл в Москву, сейчас живу в пригороде по сообщенному вам адресу. Пока все благополучно, изучаю возможности работы. Сообщите, где семья Лиды. Л. П.»

У СМЕРШ с «Цеппелином» завязался регулярный радиообмен. 2 ноября «Центр» послал в Москву: «Повторите ваш адрес в телеграмме № 3. Привет. Михель».

Через три дня, 5 ноября, в «Цеппелин» радиовали: «Обстановка изменилась, многих людей нет. Имеющиеся люди не могут обеспечить получение приглашительного билета. Приглашительные билеты [на] торжественное заседание 6 ноября высылают Кремль по организациям специального формата с указанием фамилии. Вопрос [о] демонстрации 7 ноября неизвестен. Л. П.»

На следующий день «Цеппелин» ответил: «Сообщите о положении в Кремле и отношении Сталина и Тимошенко, и тут нам нужны постоянно донесения. Каждое донесение для нас важно». Из «Цеппелина» запросили повторить адрес, где остановились агенты...

Из Москвы в «Цеппелин» продолжали посылать «оперативные данные»: «Торжественное заседание состоялось в Кремле. Попасть не удалось. Демонстрации и народов не было». Из «Цеппелина» продолжали слать шифровки с требованием повторно сообщить обстоятельства и место крушения самолета... 23 ноября немцам радиовали: «Работать в Москве оказалось гораздо труднее, чем я думал, приходится начинать все заново, подыскиваю людей. Хочу устроиться работать. Сообщите ваше мнение, прошу ответить, что с семьей Лиды. Привет. Л. П.».

СМЕРШ продолжал радиоигру, немцев «туманили».

27 ноября в «Цеппелин» отправили радиограмму: «Все телеграммы уничтожены. Содержание непонятных вами групп восстановить не могу. В телеграмме № 4 после слов «из-за плохой дороги» сообщал, что мотоцикл пришлось уничтожить. После чего прибыли во Ржев, откуда пытались с вами связаться. Л. П.».

«Цеппелин» дал задание 7 декабря: «Вашей задачей является прочно обосноваться в Москве и подготовить проведение поставленной вам задачи. Кроме того, сообщать о положении в Москве и Кремле».

В тот же день в «Цеппелин» направили тщательно подготовленную шифровку: «Точного места посадки не знаю. После аварии на другой день к вечеру вышли к деревне Баранцево 20 км южнее станции Князьи Горы на железной дороге Ржев – Москва. От деревни Баранцево место посадки по моим расчетам не более 30 км на юг. Л. П.»

13 декабря «Цеппелин» направил Таврину две радиограммы. Первая: «Родственники находятся в безопасности, здоровы и работают; что слышно об основании комитета Власова, сумеете ли вы наладить отношения с комитетом «Свободная Германия» под руководством Зайдлица», и вторая с запоздалым предостережением: «Почему нет у вас возможности получать сведения из Кремля, что слышно про Сталина. Предупреждаю, что ваш зажигательный аппарат радиомины к концу ноября будет непригоден для пользования».

Москва отправила в «Цеппелин» три коротких радиограммы: «О Власове и Русской освободительной армии здесь знают, влияние разное, среди отдельных военных положительное, об основании комитета Власова пока ничего не слышно»; «Комитет «Свободная Германия» активно действует, сужу [по] сообщениям печати, ищу возможности наладить отношения»; «Сведений о Кремле не имею из-за отсутствия нужных людей, продолжаю искать».

Через месяц состоялся сеанс связи. Это было 19 января 1945 года. Тогда в «Цеппелин» передали: «Выезжал [на] Урал [по] личному вопросу и искал Надю, которая в начале войны эвакуировалась в Свердловск. Безуспешно, мобилизовали в армию. Об отъезде хотел предупредить вас, но Лида не могла связаться. Л. П.».

В ответ «Цеппелин» послал три радиограммы: «Зажигательный аппарат радиомины уничтожить. По выполнении доложить. Вблизи от вас работают друзья. Хотите ли для взаимной поддержки быть сведены вместе?»; «Газетные сообщения о комитете «Свободная Германия» здесь известны, передавать не нужно. Важно установить связь и сообщить о месте жительства членов, насколько они свободны»; «Сообщите, составляет ли курс новых печатных чешских денежных знаков; 5,5 чешских крон одному рублю. Повторяю 5,5 крон равны одному рублю».

Руководство советской разведки посчитало, что поспешное согласие на соединение с другой группой немецких диверсантов может вызвать у противника подозрение. Кроме того, предполагалось, что члены этой группы «друзей» являются участниками другой нашей же «радиоигры» – «Загадка»...

Вызвать подозрение у «Цеппелина» было не в интересах СМЕРШа. Дезинформация должна быть тщательно продуманной, без тени сомнения. Тут легко можно было переиграть.

27 января в «Цеппелин» направили радиограмму следующего содержания:

«Зажигательный аппарат радиомины уничтожен. Относительно друзей, в зависимости от вашего решения. Если это поможет ускорению выполнения моего задания, я согласен, но чтобы люди были вами проверены и я их лично знал и им бы доверял»; «Ваша телеграмма № 3 плохо расшифровывается и мне непонятна. О чешских кронах здесь ничего не слышно. Сообщите яснее, что я должен узнать о них». «Грефе. Ваш радист быстро передает, не соблюдает пауз между группами, Лиде принимать тяжело. Прошу указать радисту [на] необходимость отчетливой работы».

31 января СМЕРШ вышел в эфир: «Краус. В час тяжелых испытаний заверяю преданности делу. Что бы ни случилось, буду добиваться выполнения поставленных мне задач и жить надеждой победы. Прошу передать приветы и лучшие пожелания всем друзьям по борьбе. Петр». Из «Центра» радиовали: «Нумерацию ваших телеграмм начинайте каждый месяц с нового номера. Сокращения, употребляемые при сброске груза: сегодня сброски нет – 416; сегодня сброска – 445».

Следующий сеанс – 7 февраля. «Цеппелину» сообщили: «Последняя ваша радиограмма непонятна. О какой сброске идет речь? Если это касается друзей, которых вы имели в виду направить ко мне, то прошу вначале сообщить, кто они и знаю ли я их лично».

«Цеппелин» в тот же день прислал две шифровки: «Петр и Лида, сердечные приветы. Во всяком случае, мы победим. Может быть, победа ближе, чем мы думаем. Помогайте и не забывайте вашу клятву. Петр»; «Слушайте радиостанцию «Комитета освобождения народов России» на волне 1339 метра в 12.45, 14.00, 10.15, 19.05, 22.15 и 01.45 по моск [овскому] времени. Слушать можете только на радиоприемник, но не на вашу рацию».

Следующий сеанс состоялся 13 февраля: «Благодарим за приветы. Преданности делу не сомневайтесь. Сделаю все, что в моих силах. Петр. Слушать станцию комитета освобождения не могу из-за отсутствия приемника, который был вынужден бросить в пути».

В ответ 15 февраля 1945 года «Цеппелин» сообщил: «Вам непонятная телеграмма содержит условные обозначения, чтобы вас скорее известить в случае сброски груза».

«Цеппелину» нужно было показать, что Таврин постоянно думает о реализации плана покушения на Сталина, не сидит без дела. Для «оживления» игры в «Цеппелин» 27 февраля сообщили шифровку, передачу которой санкционировал заместитель наркома госбезопасности Кобулов: «Познакомился [с] врачом – женщиной, имеет знакомых [в] Кремлевской больнице. Обрабатываю».

Немцы дали Таврину задание: обзавестись связями с женщинами, работающими в Кремле. Интересно, как Таврин на улицах Москвы опознал бы сотрудниц Кремля, Совнаркома, ЦК ВКП (б)? По внешнему виду? Здесь немцы проявили свою некомпетентность, незнание советской действительности, порядков. Все технические сотрудники Кремля и ЦК, машинистки, официантки, судомойки и прачки, насквозь просвечивались органами НКВД, изучались их родственники, круг знакомых, многие из них имели воинские звания.

5 марта 1945 года Таврин вновь вышел в эфир и сообщил, что выходить на связь будут только для передачи особо важных сообщений, так как питание батареи на исходе, а приобрести новые нет возможности. В тот же день из «Цеппелина» пришел ответ: «Сообщите, где вы находитесь и как Лида устроилась. Какое внутривосточное положение...»

Из-за якобы помех в эфире окончание радиограммы «Цеппелину» получить не удалось, и 9 марта пришла повторная шифровка из «Центра»:

«Сообщите, где вы находитесь и как Лида устроилась. Какое внутривосточное положение и шансы для проработки ваших планов. Привет от Нины. Краус».

«Цеппелину» радиовали: «Для лучшей маскировки телеграмм меняйте ключевые группы. Первая ключевая остается на старом месте, как вторая группа в телеграмме. Вторая образуется путем сложения первой ключевой с последней гру...»

После Победы СМЕРШ активно разыскивал предателей, изменников Родины, а также сотрудников немецких спецслужб. Так, после войны от разоблаченных и захваченных

советской контрразведкой агентов «Цет-Норд» стало известно, что у немцев содержание радиogramм, поступавших от «Политова», сомнений не вызывало. Однако некоторые сотрудники германской разведки, такие, как П. П. Делле, считали «Политова» авантюристом и «неоднократно высказывали мнение о том, что он, вероятно, оказался предателем и работает по указке органов МГБ». Задержанный СМЕРШем весной 1945 года агент «Цепелина-Норд» – Александр Джон – на допросе 15 мая также подтвердил, что германская разведка доверяла сведениям, полученным от «инженера Политова». Со слов Джона, «Политов» сообщил, что он «добился входа в Кремль и даже присутствовал на одном из совещаний правительства, но тот член правительства, которого он должен убить, отсутствовал, и применить радиобомбу ему не пришлось. В то же время действие радиобомбы было рассчитано только до 1 декабря 1944 года, и в конце ноября того же года она оказалась непригодной, поэтому штурмбаннфюрер Краус (который руководил этим делом) дал (по радио) указание уничтожить эту взрывную радиобомбу. Задание убить одного из членов правительства оставалось в силе и после 1 декабря 1944 года, но каким способом должен был осуществить тот акт «Политов» – мне неизвестно. Радисткой у «Политова» работала его жена. Последнее донесение от них было в апреле 1945 года». По имеющимся данным [...], проводившаяся [...] радиоигра «Туман» у ответственных работников немецкой разведки, ныне предположительно находящихся на службе у американцев и англичан, никаких сомнений не вызывала...»

Что касается радиоигры «Туман», то из-за сильных помех «Центр» пропал в эфире, как оказалось – навсегда. В марте – апреле 1945 радиоточка неоднократно пыталась установить связь, но «Цепелин» в эфире больше не появлялся... Тем временем оперативные сотрудники НКВД и НКГБ параллельно продолжали следственные мероприятия.

Жена Шило-Политова-Таврина Шилова – настоящая фамилия Адамчик – была активным агентом. Таврин полагал, что она влюбилась в него, стала женой и согласилась сопровождать в опасном задании. На самом деле немцы приставили ее к Таврину, чтобы держать его под постоянным контролем, морально поддерживать, а в случае, если тот проявит нерешительность, откажется от исполнения теракта или же – самое страшное – решит явиться с повинной в органы НКВД, то и ликвидировать ⁴¹.

После задержания Таврина и Шиловой следствие по их делу вело НКВД и НКГБ, а радиоигру вел СМЕРШ. В ней проявил себя Григорий Федорович Григоренко. Об этом заслуженном чекисте стоит рассказать подробнее.

Григоренко Григорий Федорович (род. 1918 г.). Генерал-полковник (1982). Член партии с 1944 г. Родился в г. Зенькове Полтавской губернии в крестьянской семье. Окончил семилетнюю школу, рабфак, в 1939 г. – физико-математический факультет Полтавского пединститута, работал учителем в сельских школах, с 1940 г. – красноармеец 442 артиллерийского полка 25 стрелкового корпуса Харьковского военного округа, в том же году был направлен на работу в органы госбезопасности. В 1940–1941 гг. – помощник уполномоченного Особого отдела 151-й стрелковой дивизии. С марта по август 1941 г. – сотрудник Особого отдела 4-й воздушно-десантной бригады. Принимал участие в боях на Юго-Западном фронте, был ранен. В 1941–1942 гг. – в Особом отделе 14-й саперной бригады под Сталинградом. В 1942–1943 гг. учился на курсах при Высшей школе НКВД, после окончания был назначен в 1-й (немецкий) отдел 2 управления НКВД СССР. Входил в группу (в 1943–1946 гг. в составе Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО СССР) по организации радиоигр с немецким командованием с помощью захваченных агентов.

В 1946–1949 гг. – заместитель начальника и начальник отделения 3 отдела 3 Главного управления (военная контрразведка) МГБ СССР. В 1949–1952 гг. – начальник отделения 5 отдела 1 управления (внешней контрразведки) МГБ. В 1952–1954 гг. – заместитель начальника 3-го, 5 (Восточного) отделов ВГУ (контрразведка по странам Ближнего,

---

⁴¹ Гладков Т. Тайны спецслужб III Рейха. М.: Яуза; Эксмо, 2004.

Среднего и Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии). В 1954–1956 гг. – 1-й зам. представителя КГБ в Венгрии, где близко познакомился с послом СССР Ю. В. Андроповым. Во время антикоммунистического народного восстания 1956 г. тяжело ранен.

В 1956–1959 гг. – заместитель начальника и начальник 6 отдела 2 Главного управления КГБ, занимавшегося пресечением антисоветской деятельности эмигрантских организаций. В 1959–1963 гг. – заместитель начальника отдела «Д» (Службы активных мероприятий) при 1-м Главном управлении, начальник контрразведывательного отдела ПГУ КГБ. В 1962–1963, 1966–1969 гг. – начальник, в 1963–1964 гг. – заместитель начальника Службы № 2 (внешней контрразведки) 1 Главного управления. В 1969–1970 гг. – 1-й зам. начальника, в сентябре 1970 г. – августе 1983 г. – начальник 2 Главного управления КГБ. В 1978–1983 гг. – одновременно заместитель председателя КГБ СССР. В 1983–1989 гг. – зам. министра среднего машиностроения СССР.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Октябрьской Революции, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, 3 орденами Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Лауреат Государственной премии СССР (1981).

Радиоигра давала возможность узнать, не бросят ли немцы каких-либо помощников Таврину. Такое было возможно.

Контрразведчики предполагали, что в мирное время на конспиративную квартиру Таврина и Шиловой может выйти кто-либо из оставшихся в живых бывших сотрудников немецкой разведки. Поэтому с ликвидацией семейного дуэта террористов не спешили.

16 августа 1951 года П. И. Шило-Политову-Таврину было предъявлено обвинение в совершенных им преступлениях: «[...] Вопрос: Вам предъявлено обвинение по ст. 58–1 п. «б» и 58–8 УК РСФСР в том, что, являясь военнослужащим Советской Армии, вы изменили Родине и добровольно перешли к немцам, где были завербованы германской разведкой и в ночь на 5 сентября 1944 года переброшены на самолете в тыл Советской Армии со специальным заданием по центральному террору. Содержание обвинения вам понятно?

Ответ: Да, содержание обвинения мне понятно.

Вопрос: Вы признаете себя виновным?

Ответ: Признаю себя виновным только по ст. 58–1 п. «б», т. е. в том, что я, являясь командиром роты 1196 стрелкового полка 359-й стрелковой дивизии 30-й армии Калининского фронта, я 30 мая 1942 года в районе города Ржева добровольно перешел на сторону немцев, чем изменил Родине. По статье 58–8 виновным себя не признаю, так как я никогда не был намерен выполнять задание немцев по центральному террору».

1 февраля 1952 года Военной коллегией Верховного суда СССР Шило-Таврин П. И. и Шилова Л. Я. приговорены к ВМН. 28 марта Шило-Таврин был расстрелян, а 2 апреля того же года в исполнение приведен приговор в отношении Шиловой. В мае 2002 года Главная военная прокуратура отказала в реабилитации «по делу № Н-21098 в отношении Шило (он же Таврин) П. И. и Шиловой (она же Адамчик) Л. Я.». Дело по «центральному террору» и радиоигра «Туман» завершились.

Глава девятая. Миф о покушении на Сталина в Тегеране

Мифы и реалии

В минувшей Великой Отечественной войне советского народа против гитлеровских захватчиков были подвиги, а случалось и предательство. Но это наша история, и ее нужно знать, существует и немало разных мифов вокруг событий того давнего, но героического времени.

Автор обстоятельно рассказывает об одном из таких мифов, вскользь упоминает о других. Попутно повествует о вражеских спецслужбах, их происках. Рассказывает о Герое Советского Союза Никите Федоровиче Кайманове, удостоенном этого высокого звания 26

августа 1941 года. Нацеливает читателя на противодействие тем, кто искажает, извращает нашу историю, занимается ее фальсификацией.

В истории пограничных войск есть замечательная страница, известная далеко не многим, даже специалистам. Это охрана знаменитой Тегеранской конференции.

В то время и по сегодняшний день распространялись слухи о якобы готовившемся заговоре по устранению руководителей государств: Сталина, Рузвельта и Черчилля – «Большой тройки». Эти события нашли отражение в фильме «Тегеран-43», вышедшем на экраны в 1981 году. В нем известный артист Игорь Матвеевич Костолевский сыграл роль разведчика Андрея Ильича.

Слов нет, фильм удался. Однако следует знать, что кино и жизнь – жанры разные. Художественному фильму присущи домыслы, выдумки, события, далекие от действительности. Примером может служить фильм «Семнадцать мгновений весны», полюбившийся миллионам зрителей. В нем немало домыслов, неточностей, авторских выдумок. Об этом подробно рассказал автор ⁴².

Консультантом фильма был Семен Кузьмич Цвигун – первый заместитель председателя КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова. В титрах фильма он указан как Мишин. Куда он смотрел – неизвестно... Ясно, что он совершенно не разобрался в структуре спецслужб противника. Автор сценария – талантливый писатель Юлиан Семенов (Ляндрес). Но он – не ветеран-чекист, не историк органов госбезопасности.

Что касается «Тегеран-43», то это фильм о событиях, которых не было. Судя по всему, любимец фюрера Отто Скорцени не имел никакого отношения к операции «Длинный прыжок», потому что ее в природе просто не существовало. Объективные исследователи, изучив появившиеся в последнее время документы, считают, что гитлеровские спецслужбы, по здравом размышлении, воздержались от ее проведения ⁴³.

Почему? Они слишком поздно узнали, что встреча Большой тройки состоится именно в Тегеране. Решение об этом, как теперь документально известно, было принято только 8 ноября 1943 года. И тогда же названа точная дата проведения – 28 ноября – 1 декабря. Немцы имели в своем распоряжении максимум дней двадцать, а этого времени, учитывая, по тогдашним меркам, колоссальную отдаленность места встречи от основных баз в Германии и оккупированной Европе, совершенно не хватало. А благодаря энергичным контрразведывательным мерам, предпринятым советскими и британскими спецслужбами на территории Ирана, и в особенности в его столице, в прилегающем к ней районе, была разгромлена многочисленная сеть гитлеровских разведывательных структур, их опорные пункты и пронационалистические организации местных националистов. У абвера и немецкой Службы безопасности – СД – просто не оказалось в нужный момент и в нужном месте террористов и диверсантов, способных выполнить сверхсложное задание – ликвидировать Сталина, Рузвельта и Черчилля.

В наши дни некоторые историки и журналисты следуют утверждениям, будто Отто Скорцени участвовал в разработке плана операции «Длинный прыжок» и с этой целью якобы побывал в Иране, да не единожды, а даже дважды. Последний раз «любимца фюрера» будто бы сбросили на парашюте во главе группы диверсантов у озера Кум. Ни в одном документальном источнике не упоминается об этом эпизоде из жизни Скорцени. Желая блеснуть «знаниями», журналисты увлекаются мифотворчеством, не понимая простейшей истины: руководители берлинских служб были не в состоянии дать ему задание провести акцию по ликвидации лидеров антигитлеровской коалиции, не зная ни точного места, ни точного времени встречи. Ведь это было окончательно согласовано между лидерами антигитлеровской коалиции только, как теперь определено известно, 8 ноября 1943 года.

---

⁴² Ленчевский Ю. Правда о СМЕРШе. Газета «Граница России» № 7, февраль 2007 г.

⁴³ Чернявский В. Разведка. Вымыслы и правда. М.: Молодая гвардия, 2004.

Следует заметить, что весной и летом этого года гитлеровские спецслужбы пытались проявлять активность в Иране. Английским и советским войскам пришлось приложить немало усилий, чтобы к осени ликвидировать эту угрозу. Почему-то сейчас никто не пишет об этом, а все СМИ и мемуаристы перетряхивают потрепанные версии мифической операции «Длинный прыжок», начало которой положила странная радиограмма «из ровенских лесов». Об этом автор рассказывает в своей книге «Поединок»⁴⁴.

Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев, командир партизанского отряда «Победители», в котором действовал Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов, увлекался мифотворчеством. В своих книгах кое-что придумал. В том числе и о Тегеране.

Шестьдесят девять лет назад весь мир отпраздновал победу над нацизмом, увы, даже этого времени оказалось достаточно, чтобы родилось огромное количество мифов и легенд о Великой Отечественной, которые, что особенно опасно, вытесняют реальные исторические события. Даже историки и журналисты, писатели, специализирующиеся на военной теме, постепенно принимают их как аксиому. Один из таких мифов, который встречается на страницах газет, журналов, художественных книг и даже в кино, – это о попытке немецких спецслужб устранить Большую тройку.

Бытует мнение, что мистификация «Длинный прыжок» на самом деле имела место. Якобы об этом упоминается даже в документах ЦРУ. Рузвельт благодарил Сталина за предупреждение о покушении на него гитлеровской разведки. Все возможно, такое могло быть. Ведь Рузвельт в целях безопасности поселился в Советском посольстве. Сталин был превосходным психологом и решил воспользоваться несколькими днями тесного, не только политического, делового, но и, так сказать, бытового общения с американским президентом для того, чтобы изменить отношение к себе. Сталин хотел доказать, что ему знаком дух товарищества, что он человек слова, что с ним можно иметь дело. Сталин сумел убедить Рузвельта, что он лидер Советской России, предложивший американскому коллеге кров в опасном для жизни Тегеране, не только радушный хозяин, но и доступный человек, несмотря на его кремлевскую манеру рубить сплеча. Так что мистификация «Длинный прыжок» была нужна. Как говорится, игра стоила свеч. Для убедительности мистификации «Длинного прыжка» приплели штурмбаннфюрера СС Отто Скорцени.

Конечно, мифы зачастую намного красивей реальных событий и больше впечатляют неискушенного читателя, зрителя, слушателя. Но искажение даже незначительных исторических факторов рождает недоверие к ключевым моментам истории нашей страны.

Шестьдесят девять лет – много этого или мало на часах истории? Пожалуй, совсем не много. Но этот временной рубеж очень важен, потому что все меньше остается людей, которые в своих живых воспоминаниях хранят подвиги и трагедии той войны, достоверные исторические факты...

Об увлечении некоторых лиц мифами, в частности о «Тегеране-43», автор поведает читателям ниже. Итак, наш рассказ о том, что было на самом деле в Тегеране в 1943 году.

1943 год... Позади Сталинград и Курская битва. С 5 июля по 5 августа продолжалась Курская битва, обеспечившая коренной перелом в Великой Отечественной войне. Поселок Прохоровка до знаменитого танкового сражения был мало кому известен. Теперь же о нем знают не только у нас в стране, но и за рубежом. А легендарное Прохоровское поле по праву поставлено историей в один ряд с Куликовским и Бородинским. Назапомнились ветеранам бои за Белгород, освобождение его от немецких захватчиков. Белгород – город первого салюта, слава России.

Небывалое в истории сражение длилось пятьдесят дней и ночей. Уже после войны было подсчитано, что немцы бросили для боевых операций на Курской дуге 70 процентов всех боевых самолетов. Гитлер, как азартный игрок, утративший благоразумие, все поставил

---

⁴⁴ Ленчевский Ю. Поединок. М.: Граница, 2011.

на карту и – проиграл!

В исторической победе в Орловско-Курском сражении есть и доля ратного труда чекистов. С конца 30-х до начала 50-х годов с советской разведкой сотрудничал Джон Кернкросс. Он принес неоценимую пользу советскому командованию, сообщая сведения о противнике, в частности по предстоящему немецкому наступлению на Курской дуге. Англичанам досталась шифровальная немецкая машина «Энигма». С ее помощью они смогли расшифровать секретные сообщения немцев. Однако информацией с советской стороны не делились. Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь. Кернкросс имел доступ к этой информации. Он передал 5832 секретных документа нашей разведке.

На связи с ним в Лондоне был чекист Юрий Модин. Кернкросс сообщил даже технические данные немецкой техники. К примеру, за три месяца до Курской битвы советское командование уже знало про толщину брони немецких «тигров».

Маршал Советского Союза А. М. Васильевский вспоминал, что в результате разведки сил и намерений противника в районе Курской дуги «советскому командованию стали достаточно точно известны сроки начала вражеского наступления, которое трижды переносилось Гитлером». И далее: «Как ни стремился враг держать в тайне план своего наступления, как ни старался отвлечь внимание советской разведки от районов сосредоточения своих ударных группировок, нашей разведке удалось определить не только общий замысел врага на летний период 1943 года, но и установить время начала фашистского наступления». После победы Красной армии под Курском в июле – августе 1943 года стало ясно, что поражение нацистской Германии – вопрос времени.

В июне 1943 года в Италии пал режим Муссолини. Это был прямой результат катастрофических поражений и громадных потерь германской и итальянской армий на территории СССР, что вызвало глубокий кризис в Италии. Англо-американские войска без больших усилий высадились 10 июля на острове Сицилия и к середине августа овладели им.

На совещании руководителей США и Англии в Квебеке (Канада) в августе 1943 года был принят план операций в Италии и Южной Франции. Вторжение в Европу через Ла-Манш, то есть открытие второго фронта, который мог бы угрожать непосредственно Германии, еще раньше было перенесено на май 1944 года. Было также секретно решено, чтобы после победы «Германия перестала... существовать как единое государство».

3 сентября 1943 года было подписано секретное соглашение о перемирии с Италией, и в тот же день началось вторжение англо-американских войск в Южную Италию. В ответ немцы оккупировали часть Италии, которая, в свою очередь, 13 октября 1943 года объявила войну фашистской Германии.

В октябре 1943 года в Москве прошла конференция трех министров иностранных дел – СССР, США и Великобритании.

Она опубликовала декларацию о том, что союзники будут вести борьбу до полной и безоговорочной капитуляции противника. Для достижения мира и безопасности после войны будет создана международная организация. В декларации «Об ответственности гитлеровцев за совершенные преступления» было указано, что немецкие военнослужащие и члены гитлеровской партии, принимавшие участие в зверских расправах с населением оккупированных стран или с военнопленными, по окончании войны будут доставлены в те страны, где совершали свои зверства, и подвергнуты наказанию по законам этих стран. Главные виновники войны будут наказаны совместным решением правительств государств-союзников. Это стало грозным предупреждением для фашистских преступников».

Союзники не торопились с открытием второго фронта. Об этом Сталин пишет им: «...Теперь, в мае 1943 года, Вами вместе с г. Черчиллем принимается решение, откладывающее англо-американское вторжение в Западную Европу на весну 1944 года. То есть – открытие второго фронта в Западной Европе, уже отложенное с 1942 года на 1943 год, вновь откладывается, на этот раз на весну 1944 года. Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными

силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет советскую армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом».

Обстановка в Иране

Еще 26 февраля 1921 года в Москве между РСФСР и Ираном подписан советско-иранский договор. Он отменял «все трактаты, договоры, конвенции и соглашения, заключенные бывшим царским правительством с Персией и приводившие к умалению прав персидского народа», а также «заключенные бывшим правительством России с третьими державами во вред Персии и относительно ее». Однако в договоре сохранилась статья 21, дававшая России право ввести войска в Иран, если третьи страны будут использовать его территорию как базу для подготовки агрессии против РСФСР или ее союзников и «если персидское правительство само не окажется в силе предотвратить эту опасность».

По договору РСФСР отказывалась от всяких прав по займам, представленным Ирану царской Россией, от прав консульской юрисдикции для своих граждан в Иране. Правительство РСФСР объявило закрытыми все религиозные миссии, учрежденные царским правительством на иранской территории, передавало их земли для устройства школ и культурно-просветительских учреждений. Стороны согласились, что будут в равной степени пользоваться правом свободного плавания по Каспийскому морю и под своим флагом. Договор предусматривал еще целый ряд положений, способствующих защите национальной независимости Ирана, заложил основы добрососедских советско-иранских отношений.

В начале Второй мировой войны гитлеровская Германия превратила Иран в плацдарм для враждебных действий против Советского Союза и Великобритании. В странах Ближнего и Среднего Востока работало несколько тысяч немецких агентов. Большая их часть действовала на границе с Советским Союзом. В правительственных учреждениях подвизались германские «советники» – агенты абвера и РСХА. Они стремились вовлечь Иран в войну против СССР.

К августу 1941 года СССР ввел свои войска в Северный Иран. Одновременно на юг Ирана были введены английские войска. Вальтер Шелленберг, руководитель зарубежной разведки нацистской Германии, в своих «Мемуарах» рассказывает: «Гитлер потребовал от нас сообщить ему о положении в Иране. Немецкое руководство не могло понять, как русские смогли при столь напряженной обстановке на своем Западном фронте в августе 1941 года высвободить силы, чтобы совместно с англичанами оккупировать Иран. Это наше поражение явилось результатом того, что еще в апреле 1941 года из-за недостаточной поддержки с воздуха провалились наши попытки утвердиться на Востоке с помощью иракского политического деятеля Эль Галани путем организации восстания в Ираке. Была нарушена и работа наших опорных пунктов в Тегеране и Тевризе. Позднее их сотрудникам все же удалось передавать с курьерами, что отнимало много времени, через Турцию неплохой информационный материал. Но понадобился целый год, пока мы сумели полностью восстановить прерванную деятельность».

Как уже говорилось, в начале Отечественной войны по существовавшим договорам наши и английские войска были введены в Иран. Об этом почти нигде не писали. Многим советским шоферам приходилось участвовать в перегоне поставляемых союзниками по ленд-лизу автомобилей из Ирана в Закавказье.

Управлять автомобилями-иномарками они научились быстро. Машины – хорошие, выносливые, с мощными двигателями, высокопроходимые. Были, конечно, недостатки, но бывалые фронтовые шоферы научились с ними успешно бороться.

Передача техники советской стороне проходила быстро, четко и отлаженно. Составление приемо-сдаточного акта, да еще в трех экземплярах – такое только у нас было принято, а на той стороне передача шла без бумажной волокиты, на шутики. Впрочем, в приемке перегонщики не участвовали. Их дело заправить машину, и... с ветерком!

Какие дороги в Иране и на Кавказе? Красивейшие места, но сплошные «тещины языки», «пронеси, господи!», горы, ущелья, лоцины, перевалы, крутые подъемы, далеко не пологие спуски, глубочайшие пропасти. Угодить в такую – костей не соберешь.

Маршрут водители усвоили. Никаких, кстати, потерь не имели, крупных поломок не было. Ну а работы доставалось им по полной выкладке: уставали порядком, да и голодно-вато было. Редко, когда погода хорошая. А обычно ветры, туманы, дожди – видимость нулевая, да и скользко. Если кабина металлическая – терпимо, ну а если брезентовая? Звали такую машину «Прощай, Родина!» – не позавидуешь водителю.

Упоминанье о нелегкой шоферской работе приоткрывает еще одну из страниц советско-иранских взаимоотношений.

Резидент военной разведки в Тегеране полковник Борис Григорьевич Разин – псевдоним «Жорес» – докладывал в Центр:

«...Проводя свою политику, англичане стремятся всячески ослабить наше влияние в Иране путем нахождения своих сторонников в правительстве и в местных органах власти на всей занимаемой ими территории...».

Разин был одним из наиболее опытных сотрудников военной разведки, в которой работал с 1931 года. Он выслал в Москву сводку по англо-американским и польским войскам, дислоцированным в Иране и Ираке. Направил полный доклад о жандармерии Ирана по состоянию на 1 октября 1943 года. В 1943 году Тегеран представлял собой центр всей шпионской деятельности на Среднем Востоке и был переполнен нацистскими агентами.

Весной и летом 1943 года главное внимание руководства гитлеровской разведки, политической и военной, было направлено не на виртуальную операцию «Длинный прыжок», а на вполне реальную акцию, проводившуюся на юге Ирана, где собирались остатки резидентур абвера и службы безопасности РСХА. Их подкрепили несколькими сброшенными на парашютах группами диверсантов и радистов. Используя мятежные племена, это нацистское шпионско-диверсионное воинство в нескольких местах перерезало трансиранские железнодорожную и шоссейные магистрали, по которым западные союзники направляли в СССР военную технику, вооружение и продовольствие. Английским и советским войскам пришлось приложить немало усилий, чтобы к осени ликвидировать угрозу этим коммуникациям и обеспечить безопасную доставку грузов. Почему-то никто не пишет об этой славной истории советских и союзнических спецслужб, а все средства массовой информации, писатели, мемуаристы перепевают версию мифической операции «Длинный прыжок».

Операция «Цицерон»

В истории спецслужб операция «Цицерон» занимает достойное место. Развернулась эта операция в Турции в период с октября 1943-го по апрель 1944 года. Основными фигурами в этой операции были Мойзиш и Эльяс Базна. В то время Мойзиш был торговым аташе немецкого посольства в Анкаре, в действительности он оберштурмбаннфюрер СС и работал в 6-м отделе Амт-VI Главного управления имперской безопасности – РСХА. Мойзиш подчинялся не послу фон Палену, а начальнику РХСА Кальтенбруннеру. Базна – камердинер сэра Хью Нэтчбулл-Хьюгессена, английского посла в Турции. Когда началась операция «Цицерон», война подходила к своему кульминационному пункту. Союзники высадились в Италии. Русские, над которыми год тому назад, когда немцы подходили к Волге и ворвались в Крым, нависла угроза поражения, теперь успешно наступали. Воздушные налеты на территорию Германии стали ежедневными и более мощными. Колоссальная военная машина Гитлера начала разваливаться. Превосходящие силы союзников готовились к нанесению решительных ударов. Дни Третьего рейха были сочтены. Руководители Германии не хотели осознать всю безнадежность создавшегося положения, хотя операция «Цицерон» дала им в руки исчерпывающие сведения о силах и намерениях противника, сведения, подобные которым едва ли удавалось добыть через каналы разведывательной службы кому-либо из

военных руководителей в прошлом.

Анкара имела то преимущество перед другими городами мира, что оттуда лучше всего была видна общая картина войны. Занимая в Анкаре должность атташе немецкого посольства, Мойзиш, естественно, находился в центре дипломатических интриг военного времени; по делам службы часто бывал в Стамбуле – знойном, шумном, оживленном городе, который в то время был самым крупным нейтральным городом на земном шаре.

Посольство в Анкаре служило для Германии окном во внешний мир, а потому должность посла в Турции была наиболее ответственной из всех, какие только могла предложить дипломатическая служба Третьего рейха. Об этом убедительно говорит назначение на должность посла бывшего канцлера Германии Франца фон Папена. Этот пост отнюдь не был синекурой, и для успеха дела требовалась внушительная политическая фигура.

Небезынтересно отметить попутно, что должность первого секретаря германского посольства в Анкаре занимал Енке, который также был непосредственно связан с операцией «Цицерон». Между прочим, его обворожительная, но честолюбивая жена приходилась Риббентропу сестрой. Их присутствие в Анкаре едва ли можно считать случайным.

Английским послом в Турции был сэр Нэтчбулл-Хьюгессен – личность весьма примечательная. Он пользовался большим уважением у турок и действительно был одним из наиболее способных и добросовестных послов своего времени.

Мойзиш доложил послу Папену о встрече с камердинером английского посла, о разговоре с ним. Папен послал телеграмму:

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

Совершенно секретно

Один из служащих английского посольства, выдающий себя за камердинера посла Великобритании, обратился к нам с предложением доставить нам фотопленки подлинных совершенно секретных документов. За первую партию документов, которые будут доставлены 30 октября, он требует двадцать тысяч фунтов стерлингов. За каждую следующую катушку фотопленки нужно будет платить пятнадцать тысяч фунтов стерлингов.

Прошу вашего указания, следует ли принять это предложение. Если да, то требуемая сумма должна быть доставлена сюда специальным курьером не позже 30 октября. Известно, что человек, выдающий себя за камердинера, несколько лет назад служил у первого секретаря нашего посольства. Других сведений о нем не имеем.

Папен

Министр иностранных дел германии Риббентроп через два дня ответил:

Предложение камердинера английского посла примите, соблюдая все меры предосторожности. Специальный курьер прибудет в Анкару 30 до полудня. О получении документов немедленно телеграфируйте.

Риббентроп

30 октября Базна позвонил Мойзишу. Они встретились, и началось их сотрудничество.

Когда пленку Базны проявили и сделали пятьдесят два снимка, Мойзиш был поражен тем, что он увидел.

Из воспоминаний Мойзиша:

«Мое удивление все возрастало. Трудно было поверить, что на моем письменном столе лежат документы, в которых содержатся наиболее тщательно охраняемые тайны нашего противника – как политические, так и военные. Документы настоящие – в этом теперь не было ни малейшего сомнения. О таких материалах агент разведки мог только мечтать в течение всей своей жизни, не надеясь, что когда-нибудь попадут в его руки. Уже один взгляд на документы убеждал, что камердинер оказал Третьему рейху неоценимую услугу.

Назначенная им цена уже не казалась чрезмерно высокой.

Большинство документов было датировано последними числами, давность же остальных не превышала двух недель. Они представляли собой переписку Министерства иностранных дел Англии и английского посольства в Анкаре и включали в себя инструкции, вопросы и ответы на вопросы. Многие из них касались политических и военных событий огромного значения. На каждом документе в верхнем углу стоял гриф «*Совершенно секретно*». Кроме даты было также указано время отправления и получения их радистами. Эта важная техническая пометка оказалась позже, по утверждению Берлина, существенную помощь экспертам в раскрытии английского дипломатического шифра.

Особую ценность для нас имели телеграммы Министерства иностранных дел Англии, касавшиеся отношений между Лондоном, Вашингтоном и Москвой. Из других документов было ясно, что сэр Хью хорошо информирован о политических и военных вопросах, так как занимает очень важный пост и пользуется большим уважением и доверием Лондона.

В руках немца эти документы говорили о еще более важных и зловещих признаках. Невозможно было сомневаться в решимости и способности союзников уничтожить Третий рейх. И это должно было произойти довольно скоро.

Я думал о том, сумеют ли руководители Германии, находящиеся далеко в Берлине или в ставке фюрера, осознать все значение этих документов. Если да, то для них остается лишь один путь.

Но я ошибся. Эти люди, убедившись, наконец, в подлинности документов, не захотели верить очевидным фактам и использовали их лишь как материал для бесконечных и бесплодных споров».

До конца войны в Берлине тешились мыслью, что удалось так ловко похитить у англичан секретные сведения. Но в стратегических целях эти документы никогда не были использованы. Единственное практическое применение они нашли у шифровальщиков. Неприятно сознавать, что тяжелая и опасная работа, проделанная нами, в конечном счете оказалась совершенно бесцельной.

«Цицерон» фотографировал важнейшие документы англичан, когда посол принимал ванну – а он это делал несколько раз на дню, – или когда тот спал. «Цицерон» сделал слепки с ключей посла и беспрепятственно добирался до секретных бумаг.

Документы фотографий, которых Базна приносил немцам, были исключительной важности. От «Цицерона» немцы узнали о Тегеранской конференции, которая проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 года, однако этой информацией они не воспользовались... А ведь могли. Немецкие спецслужбы узнали о намечаемой встрече Большой тройки слишком поздно и против нее что-либо предпринять уже не смогли. Слишком мало времени у них было, и расстояние от Берлина до Тегерана огромное.

В документах, переданных «Цицероном», были также и другие интересные места, например выдержки из протоколов Московской и Тегеранской конференций. Черчилль под влиянием значительного нажима со стороны русских обязался в 1944 году открыть в Европе второй фронт.

Из воспоминаний Мойзиша:

«В течение нескольких недель мы замечали, что во многих недавно доставленных документах от «Цицерона» содержатся намеки на нечто совершенно секретное, носящее название: *операция* «Оверлорд». Я ломал себе голову над тем, что могло бы значить слово «Оверлорд», но все мои попытки оказались безуспешными. В течение долгого времени мы не имели об этом никаких сведений, Берлин тоже не мог ничего придумать. Я убедился в этом после получения директивы, разосланной большинству посольств и миссий. Всем нам давалось указание любой ценой срочно добиться расшифровки таинственного названия. Это распоряжение было в духе многих других, которые нам присылали из Берлина, – мы не видели, каким образом его можно было выполнить.

Я сказал «Цицерону», что если он когда-либо услышит в английском посольстве слово «Оверлорд», то он должен постараться запомнить его значение и немедленно сообщить мне.

Наконец, судя по самому названию операции – «Оверлорд», – западные союзники планировали ее как одну из решающих во Второй мировой войне. Теперь я был вполне уверен, что нашел ответ на мучивший меня вопрос: операция «Оверлорд» была условным названием второго фронта.

Я немедленно послал в Берлин донесение, подробно изложив свою точку зрения и мотивы, которыми я руководствовался. Через неделю я получил лаконичный ответ: «Возможно, но маловероятно».

Итак, окончательное подтверждение настоящего значения этого таинственного зашифрованного слова Германия получила лишь 6 июня 1944 года, когда рано утром у берегов Нормандии появилась англо-американская армада.

Среди документов, полученных от «Цицерона» в декабре, были копии протоколов о переговорах военных представителей на Тегеранской конференции.

Некоторые ошибочно считают «Цицерона» агентом абвера. К этой организации Цицерон не имел отношения. Он был агентом Мойзиша, а тот работал на Амт-VI РСХА. Абвер и РСХА – разные ведомства.

Секретные, но не особенно важные документы хранились в английском посольстве под надзором сильной охраны. Но документы особой важности, над которыми посол хотел подумать в свободное время, сэр Хью брал с собой в спальню⁴⁵.

Кличка «Цицерон» путешествовала из Берлина через Берн, Вашингтон, Стамбул и Софию в Анкару. Она явилась предметом горячих споров, восхищения и возмущения, вызвав тайную, подпольную борьбу в нейтральной Анкаре, где дипломаты враждебных государств холодно приветствовали друг друга.

Можно еще сказать о том, что англичанам досталась шифровальная немецкая машина «Энигма». С ее помощью они расшифровали секретные сообщения немцев. Так что знать о «Цицероне» они могли.

Не случайно в Анкаре появились агенты английской секретной службы, которые усиленно искали подслушивающие устройства. О существовании «Цицерона» они знали. Не знали только, кто он.

Операция «Цицерон» оставила свой след в истории разных спецслужб. То, что «Цицерон» доставлял Германской империи ценнейшие сведения о Тегеранской конференции и других важных событиях, уже известно.

В зарубежной прессе немало сообщалось об этой беспрецедентной операции. Фон Папен позже писал в своих мемуарах: «Информация «Цицерона» была весьма ценной по двум причинам. Резюме решений, принятых на Тегеранской конференции, было направлено английскому послу. Это раскрыло намерения союзников, касающиеся политического статуса Германии после ее поражения, и показало нам, каковы были разногласия между ними. Но еще большая важность его информации состояла прежде всего в том, что он предоставил в наше распоряжение точные сведения об оперативных планах противника».

Рассматривая операцию «Цицерон», следует отметить такой психологический момент: если не всегда, то, во всяком случае, часто, люди хотят верить в желаемое и не воспринимают неприятную информацию. Примеры тому – наша контрразведывательная операция «Трест» и немецкая «Цицерон». В «Трест», легендируемую чекистскую операцию, деятели белоэмигрантского движения поверили, потому что очень хотелось верить в существование организации противостоящей данному строю в России. А бесценная информация немецкого агента СД «Цицерон», камердинера английского посла в Турции, немцами не воспринималась, так как она их не устраивала. Например, планируемое союзниками антигитлеровской коалиции открытие второго фронта никакой радости доставить немцам не могло, и они эту информацию проигнорировали. Немцы не

---

⁴⁵ Посол не соблюдал существующие правила хранения секретных документов. После раскрытия деятельности «Цицерона» всем тем, кого касалось хранение секретов, были направлены новые инструкции и приняты меры с целью предотвратить повторение подобных случаев.

использовали, как следует, то, что им давала операция «Цицерон».

Кто охранял Тегеранскую конференцию

Ее охранял пограничный полк. Приказом Наркома внутренних дел от 20 ноября 1942 года полк был сформирован в г. Бабушкине в бывших казармах Московского военно-технического училища войск НКВД (ныне Московский военный институт ФСБ). В полк отбирались лучшие из лучших. Командиром полка был назначен Герой Советского Союза полковник Н. Кайманов, заместителями командира также Герои Советского Союза – подполковник Н. Руденко и капитан И. Чернопятко. 36 военнослужащих были награждены правительственными наградами. Полк формировался не только лучшими, но и свежими, не уставшими в боях силами. Из общего числа военнослужащих (более одной тысячи личного состава полка) только 327 бойцов прибыло с фронтов. Это, в свою очередь, потребовало проведения боевых стажировок в действующей армии, которые проходили с февраля по октябрь 1943 года на Западном фронте. Всего боевую стажировку прошло 153 снайпера и стрелка.

7 октября 1943 года двумя железнодорожными эшелонами полк убыл со станции Мытищи. Полк двигался быстро, практически без остановок, и на шестой день, 12 октября, прибыл в пограничный город Астара. Здесь и началась работа, знаменующая начало тегеранского периода службы полка.

Условия были жестокие, порой чрезвычайные. У всех военнослужащих были изъяты деньги, часы, партийные, комсомольские и личные документы. Ежедневно проводились беседы, политзанятия с разъяснениями особенностей задач, функций и поведения военнослужащих полка при выполнении ими столь важной политической задачи.

Предстоял нелегкий путь к Тегерану. Иранские горные дороги оказались довольно сложными. Начались дожди. Для транспортировки полка подготовили 75 машин Совирантранса.

До Тегерана полк добирался двумя колоннами машин в соответствии со строгим графиком движения, согласно которому крупные города и населенные пункты он должен был проходить в темное время суток и прибыть в Тегеран после двух часов ночи третьего дня движения. Первая колонна машин уложилась в график и прибыла в Тегеран в 3 часа ночи 17 октября. Машины второй колонны, загруженные боеприпасами и орудиями, не смогли выдержать скорость 30 км/ч и отстали. Кроме того, ночью произошло два столкновения с машинами Совирантранса, после чего обе поврежденные машины были оставлены в советском гарнизоне в г. Решт. Совершившие наезд водители Совирантранса под покровом ночи на большой скорости скрылись, и задержать их не удалось. Так, из-за всех передраг вторая колонна машин опоздала на 5 часов и прибыла в Тегеран в 8 часов утра 18 октября.

В Тегеране полк разместился в военном городке 182 горно-стрелкового полка и начал обустриваться, став со временем основным плацдармом советских войск в Тегеране. Не случайно в целом ряде документов командир полка полковник Кайманов ставит свою подпись как «командир гарнизона советских войск в Тегеране».

По воспоминаниям ветеранов-пограничников и всех, кто его знал, Никита Фадеевич был человеком спокойным, уравновешенным, но твердым. Он никогда не повышал голоса, дисциплинарные взыскания на подчиненных накладывал лишь в крайних случаях. Кайманов считал, что пограничников надо воспитывать в духе сознательного выполнения своих обязанностей. И всегда следовал этому правилу.

Следует отметить, что Иран был основательно очищен от гитлеровской агентуры, но секретные службы Германии продолжали свою подрывную работу. Перед немецким шпионским центром в Иране была поставлена задача нарушать коммуникации между странами Персидского залива и СССР, по которым США и Великобритания поставляли вооружение и снаряжение для Красной армии.

На севере Ирана под видом муллы работал бывший германский генеральный консул в Тавризе – агент Юлиус Шульце. В районе Тегерана орудовал резидент гестапо Майер, маскировавшийся под могильщика на армянском кладбище. Иранское правительство приняло меры в отношении группы Майера, и некоторые ее члены были высланы из страны, но его агенты еще скрывались в Тегеране.

Служебно-оперативная деятельность полка началась с разработки плана рекогносцировки города, согласно которому в ведение полка входила охрана советского государства, консульства, торгпредства, комендатуры, дворца шаха, почты, телеграфа, военных складов, аэродрома, дорог и других советских и иранских объектов. В первые же дни были составлены схемы, маршруты постов по городу и в окрестностях Тегерана.

Первоначально предполагалось установить 40 постов внутри города, но затем были разработаны схемы, предусматривающие 100 постов по 2–3 бойца в каждом. Только для охраны города помимо основного контингента было создано три взвода резерва. Одним словом, пограничники «на каждом шагу».

25 ноября 105 лучших из лучших бойцов были назначены в почетный караул. Вошел в эту команду и взвод музыкантов, который в более поздних документах называется джаз-оркестром.

На охрану посольства выступила 4-я стрелковая рота в количестве 120 лучших стрелков.

28 ноября, в первый день переговоров, был определен состав саперной роты, которая должна была нести службу по городу. На следующий день вышел документ, согласно которому формировались экипажи водителей «Виллис» и мотоциклов для сопровождения членов правительства на визиты. Как свидетельствуют архивные документы, полк был очень хорошо оснащен транспортом. Помимо 6 легковых «Виллис» и 4 М-1 в полку было 80 «Фордов» полутоннажников, 22 ЗИСа трехтонника, 22 танка Т-34, а также около 30 ГАЗов и мотоциклов. Приказом командира полка каждая машина закреплялась за отдельным водителем, с тем чтобы повысить ответственность, обеспечить эксплуатацию, уход и сбережение транспорта.

Строжайшим образом охранялся аэродром особого назначения, куда прибывали делегации трех великих держав. Зоной усиленного внимания являлась трасса, соединяющая посольство и аэродром. 1 декабря, в последний день конференции, когда делегации стали разъезжаться, были внесены изменения в состав охраны трассы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что за каждый день конференции командиры всех подразделений полка предоставляли отчеты о политико-моральном состоянии личного состава. Как свидетельствуют документы, в течение всего периода международных переговоров воинская дисциплина в полку была на высшем уровне.

В целом анализ документов 131 мотострелкового полка дает довольно мирную картину событий во время Тегеранской конференции. Архивные документы показывают, что никаких боевых действий ни в дни переговоров, ни в последующий период на территории Ирана 131-й мотострелковый полк не вел. Главной его задачей после конференции до момента расформирования в октябре 1945 года была охрана советских объектов в Тегеране.

Что делал в Тегеране сын Лаврентия Берия

Сын одного из ближайших соратников Сталина Лаврентия Берии Серго, долгие годы носивший имя Сергея Алексеевича Гегечкори, был радистом разведгруппы за пределами СССР. В своей книге об отце «Мой отец – Лаврентий Берия» рассказал немало о минувшей эпохе. Конечно, в этой книге немало вранья, мифов. Например, «одним из тех, кто поддерживал связь с моим отцом, был Рихард Зорге, которому много лет спустя было присвоено звание Героя Советского Союза» и «...Зорге не признал себя советским разведчиком...» (признал. – *Авт.*) «Мой отец Лаврентий Берия был убит 26 июня 1953 года в городе Москве без суда и следствия».

Однако он был в Тегеране в 1943 году. Сыграл определенную роль в событиях тех дней.

Из воспоминаний Серго Берия-Гегечкори:

«Я уже год учился в академии, когда пришел приказ откомандировать меня в Москву. С чем это связано, я не догадывался. Уезжая из Ленинграда, знал только, что направляюсь в распоряжение Генерального штаба – приказ пришел оттуда.

Не внес особой ясности и разговор, состоявшийся в Москве: «Ты направляешься на спецзадание. Аппаратуру, которую получишь, следует установить в одном месте».

Аппаратура была подслушивающей. Ни о какой конференции речь не шла. Не знал я и о том, что летим в Тегеран. Даже что сели в Баку, узнал только на летном поле.

В Тегеран прилетел все с той же группой офицеров. На аэродроме расстались, и я до сих пор не знаю, кто и с какой целью летел в Иран. Больше мы не виделись.

Встречали нас несколько военных и людей в гражданском. Одного я узнал сразу. Это был специалист из лаборатории НКВД, радист. От него стало известно, что мне предстоит заниматься расшифровкой магнитофонных записей.

По дороге с аэродрома никто не говорил о деле, а спрашивать было не принято».

Серго Берия тогда учился в Ленинграде в Академии связи имени С. М. Буденного, технически он был хорошо подготовленным специалистом. В Тегеране ему предстояло прослушивать высоких лиц.

Средства для прослушки уже тогда были весьма эффективными.

Из воспоминаний Серго Берия-Гегечкори:

«Уровень соответствующих разработок – а это были отечественные системы – всегда был чрезвычайно высок. Технически обнаружить их было невозможно. Что уж говорить о современных системах прослушивания... Но даже тогда в распоряжении советской разведки были не просто микрофонные системы с кабельным подводом электричества, а поистине уникальные устройства. Например, Аверелл Гарриман, посол Соединенных Штатов в СССР в 1943–1946 годах, получил в свое время одну из таких систем... в подарок. Это был преподнесенный советской стороной бюст Авраама Линкольна, шестнадцатого президента США. Вмонтированная в подарок система элементов питания не имела, а работала подсветка снаружи. За счет наружной энергии и шла ретрансляция. (Здесь Серго Берия показывает свою некомпетентность. Устройство было вмонтировано не в бюст Авраама Линкольна, а в деревянный герб США. – *Авт.*).

С точки зрения техники вопросов у меня не возникало, а вот кого и с какой целью мы собираемся прослушивать, было любопытно. Меня вызвали к Иосифу Виссарионовичу...

Сталин поинтересовался, как идет учеба в академии, и тут же перешел к делу:

– Я специально отобрал тебя и еще ряд людей, которые официально нигде не встречаются с иностранцами, потому что то, что я поручаю вам, это неэтичное дело...

Выдержал паузу и подчеркнул:

– Да, Серго, это неэтичное дело...

Немного подумав, добавил:

– Но я вынужден... Фактически сейчас решается главный вопрос: будут они нам помогать или не будут. Я должен знать все, все нюансы... Я отобрал людей, которых знаю, которым верю. Знаю, что вы преданы делу. И вот какая задача стоит лично перед тобой...

Сталин вызывал нас по одному. Я не знаю, кто из них был армейским офицером, как я, кто служил в разведке или Наркомате иностранных дел. Правило ни о чем никогда не расспрашивать друг друга соблюдалось неукоснительно. Я это хорошо усвоил еще в реальной разведке. И это правильно, конечно.

Помню только, что все эти люди были старше меня. И ни один, как говорил Сталин, официально не общался с членами делегаций США и Великобритании и вообще с кем-либо из иностранцев, приехавших на конференцию в Тегеран.

Вероятно, Иосиф Виссарионович такую же задачу поставил и перед моими новыми

товарищами. А речь шла вот о чем. Все разговоры Рузвельта и Черчилля должны были подслушиваться в шести-семи комнатах советского посольства, где остановился президент Рузвельт. Все разговоры с Черчиллем происходили у него именно там. Говорили они между собой обычно перед началом встреч или по их окончании. Какие-то разговоры, естественно, шли между членами делегации и в часы отдыха.

Что касается технологии – обычная запись, только магнитофоны в то время были, конечно, побольше. Все разговоры записываются, обрабатываются. Но, конечно же, Сталин не читал никогда, да и читать не собирался весь этот ворох бумаг. Учтите ведь, что у Рузвельта, скажем, была колоссальная свита. Представляете, сколько было бы часов записи? Конечно, нас интересовал в первую очередь Рузвельт. Необходимо было определить и его, и Черчилля по тембру голоса, обращению. А микрофоны, как я уже говорил, находились в разных помещениях.

Какие-то вопросы, вполне понятно, обсуждали и представители военных штабов. Словом, выбирать из всей этой многоголосицы именно то, что нужно Сталину, было, разумеется, не так просто. Диалоги Рузвельта и Черчилля, начальников штаба обрабатывались в первую очередь. По утрам, до начала заседаний, я шел к Сталину.

Основной текст, который я ему докладывал, был небольшим по объему, всего несколько страничек. Это было именно то, что его интересовало. Сами материалы были переведены на русский, но Сталин заставлял нас всегда иметь под рукой и английский текст.

В течение часа-полутора ежедневно он работал только с нами. Это была своеобразная подготовка к очередной встрече с Рузвельтом и Черчиллем.

Он вообще очень тщательно готовился к любому разговору. У него была справка по любому обсуждаемому вопросу, и владел он предметом разговора досконально. Вспоминаю, как он читал русский текст и то и дело спрашивал:

– Убежденно сказал или сомневается? Как думаешь? А здесь? Как чувствуешь? Пойдет на уступки? А на этом будет настаивать?

Без английского текста, собственных пометок, конечно, на все эти вопросы при всем желании не ответишь. Потому работали серьезно. Учитывали и тот же тембр голоса, и интонацию.

Разумеется, такое участие в работе конференции было негласным. Видимо, о том, чем мы занимаемся в Тегеране, кроме Сталина, мало кто знал. Мы практически ни с кем не общались. Днем и вечером ведем прослушивание, обрабатываем материалы, утром – к Сталину. И так все дни работы конференции. Думаю, работой нашей Иосиф Виссарионович был удовлетворен, потому что каких-либо нареканий не было. А когда конференция закончилась, нас так же тихо вывезли, как и привезли. Меня отправили в Москву, а оттуда я уехал в Ленинград продолжать учебу в академии.

Нравственно ли было так поступать с союзниками? Сталин ведь сам ответил на этот вопрос: «Это неэтичное дело...» Но, как он сказал, другого выхода у него нет. А были у Сталина основания подозревать союзников в неискренности? Более чем достаточно. Вспомните предвоенные годы хотя бы... Например, Черчилль. Известно ведь, что в свое время он примыкал к группе консерваторов, ставящей своей целью уничтожение Советского государства. Да он и сам никогда не скрывал своих взглядов. Лишь после того, как немцы напали на Советский Союз, он счел возможным на короткий период объединиться с нами. Но и тогда он исходил, опять же, из интересов Британской империи.

Почему Сталин должен был ему верить? Даже после того, как англичане заявили о поддержке Советского Союза в этой войне, полтора года союзники ничего не делали. Вмешались, когда поняли, что согнуть нас нельзя, да и то под влиянием американцев, насколько знаю, это произошло.

А как вели себя на международных конференциях? Особенно показательна Тегеранская. И Черчилль, и Рузвельт пытались информировать Сталина вразрез друг другу. Черчилль заявил, что он очень симпатизирует Америке и наполовину американец, но полностью согласиться с позицией президента не может. Рузвельт, в свою очередь, говорил,

что не имеет ничего против британцев, но не намерен отстаивать интересы Британской империи. Соответствующим образом, к слову, вели себя и разведслужбы».

Встреча Большой тройки

Здесь, в Тегеране, решили встретиться поздней осенью 1943-го руководители стран антигитлеровской коалиции – Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина, президент США Ф. Д. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль.

Из воспоминаний Уинстона Черчилля:

«Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моем прибытии на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти трех миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она следует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента. Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал.

Здание английской миссии и окружающие его сады почти примыкают к советскому посольству, и поскольку англо-индийская бригада, которой было поручено нас охранять, поддерживала прямую связь с еще более многочисленными русскими войсками, окружавшими их владение, то вскоре они объединились, и мы, таким образом, оказались в изолированном районе, в котором соблюдались все меры предосторожности военного времени. Американская миссия охранялась американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всего периода конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что советская разведка раскрыла заговор, имевший целью убийство одного или более членов Большой тройки, как нас называли, и поэтому мысль о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызвала у него глубокую тревогу. «Если что-нибудь подобное случится, – сказал он, – это может создать самое неблагоприятное впечатление». Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддержал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в русское владение, где ему было отведено обширное и удобное помещение...»

Из «Истории Великой Отечественной войны»: «Основными на Тегеранской конференции были военные вопросы, в особенности – о втором фронте в Европе, срок открытия которого США и Великобритания переносили в 1942 и 1943 годах. Советский Союз продолжал нести основную тяжесть борьбы с фашистским блоком в Европе. В новой обстановке, сложившейся в результате выдающихся побед Советской Армии (Сталинградская битва, Курская битва, битва за Днепр), англо-американские союзники стали опасаться, что Советские Вооруженные Силы освободят Западную Европу без участия Вооруженных сил США и Великобритании... Советская делегация отмечала, что наиболее эффективным было бы нанесение удара по врагу в Северной или Северо-Западной Франции с одновременной высадкой десанта на юге Франции. В результате дискуссии 30 ноября 1943 года союзники объявили, что операция «Оверлорд» намечается на май 1944 года и будет

проведена при поддержке десанта в Южной Франции. Советская делегация, в свою очередь, заявила, что советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт.

Участники конференции пришли к соглашению о необходимости принять меры для вовлечения Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции и об оказании помощи югославским партизанам... Тегеранская конференция способствовала укреплению антигитлеровской коалиции и подтвердила возможность сотрудничества государств с различным общественным строем в решении международных проблем во имя высших общечеловеческих интересов».

Николя Верг, известный французский историк, научный сотрудник Национального Центра Научных исследований Франции в Париже, доктор исторических наук, сын знаменитого Александра Верта, автора книги «Россия в войне 1941–1945 гг.», писал:

«На проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 года Тегеранской конференции Черчилль, Рузвельт и Сталин, который согласился, наконец, выехать на несколько дней за пределы СССР, впервые собрались вместе. Уже на этой встрече, за пятнадцать месяцев до более известной Ялтинской конференции, началось определение будущего послевоенной Европы. Ловко играя на чувстве вины западных союзников по поводу открытия давно обещанного и постоянно откладываемого настоящего второго фронта и на разногласиях между США и Великобританией, Сталин добился нужных ему решений по ключевым вопросам:

- обещания англо-американской высадки во Франции не позднее мая 1944 года;
- переноса границ Польши на запад до Одера и, следовательно, признания, пусть для начала неофициального, западными союзниками «линии Керзона» в качестве будущей восточной границы Польши;
- признания советских притязаний на Кенигсберг, никогда в истории не принадлежавший России;
- признания аннексии прибалтийских государств как акта, произведенного «согласно воле их населения».

В обмен на эти уступки СССР согласился объявить войну Японии не позднее чем через три месяца после окончания войны в Европе. После этого дипломатического успеха Советский Союз, вооруженные силы которого отныне превосходили вермахт во всех отношениях, начал в январе 1944 года новое наступление...»

Даже сегодня, спустя четыре десятилетия после той памятной встречи Большой тройки, трудно переоценить всю значимость Тегерана для нашей общей Победы. И если согласиться с тем, что Сталин тогда, поздней осенью сорок третьего, переиграл союзников, вспомним добрым словом и тех, кто ему в этом помогал. В сорок третьем выиграл советский солдат, ждавший открытия второго фронта еще с жаркого лета сорок первого...

Виталий Чернявский обстоятельно рассказал об операции «Длинный прыжок»⁴⁶:

«Немцы слишком поздно узнали, что встреча Большой тройки состоится именно в Тегеране. Решение об этом, как теперь документально известно, было принято только 8 ноября 1943 года. И тогда же названа точная дата проведения – 28 ноября – 1 декабря. Немцы имели в своем распоряжении максимум дней двадцать, а этого времени, учитывая по тогдашним меркам, колоссальную отдаленность места встречи от основных баз в Германии и оккупированной Европе, совершенно не хватало. Во-вторых, благодаря энергичным контрразведывательным мерам, предпринятым советскими и британскими спецслужбами на территории Ирана, и в особенности в его столице и в прилегающем районе, была разгромлена многочисленная сеть гитлеровских разведывательных структур, их опорные пункты и пронацистские организации местных националистов. У абвера и немецкой Службы безопасности просто не оказалось в нужный момент и в нужном месте террористов и

---

⁴⁶ Чернявский В. Разведка. Вымыслы и правда.

диверсантов, способных выполнить сверхсложное задание – ликвидировать Сталина, Рузвельта и Черчилля...

Правда, и сейчас некоторые историки, и журналисты следуют утверждениям, будто Отто Скорцени участвовал в разработке плана операции «Длинный прыжок» и с этой целью якобы побывал в Иране, да не единожды, а даже дважды. Так говорится, например, в вышедшей весной 2002 года книге Николая Долгопова «С ними можно идти в разведку», журналиста, давно пишущего о спецслужбах. Последний раз «любимца фюрера» будто бы сбросили на парашюте во главе группы диверсантов у озера Кум. Ни в одном из имеющихся в нашем распоряжении источников не упоминается об этом эпизоде из жизни Скорцени. В книге же Н. Долгополова специально подчеркивается, что рекогносцировка гитлеровского «диверсанта № 1» была нацелена на подготовку террористического акта против Большой тройки. Неужели автор не мог понять простейшей истины; руководители берлинских спецслужб были не в состоянии дать ему задание провести акцию по ликвидации лидеров антигитлеровской коалиции, не зная ни точного места, ни точного времени встречи? Ведь это, повторяю, было окончательно согласовано между лидерами антигитлеровской коалиции только, как нам теперь определенно известно, 8 ноября 1943 года.

Кстати, весной и летом 1943 года, ныне гадать не нужно – это точно известно, главное внимание руководства гитлеровской разведки, политической и военной, было направлено не на виртуальную операцию «Длинный прыжок», а на вполне реальную акцию, проводившуюся на юге Ирана, где собрались остатки резидентур абвера и Службы безопасности. Их подкрепили несколькими сброшенными на парашютах группами диверсантов и радистов. Используя мятежные племена, это нацистское шпионско-диверсионное воинство в нескольких местах перерезало трансиранские железную и шоссейную магистрали, по которым западные союзники направляли в СССР военную технику, вооружение и продовольствие. Английским и советским войскам пришлось приложить немало усилий, чтобы к осени ликвидировать угрозу этим коммуникациям и обеспечить безопасную доставку грузов».

О конференции с участием Рузвельта, Черчилля и Сталина немцы все узнали от «Цицерона». Но слишком поздно и что-либо предпринять не смогли. О «Цицероне» Вальтер Шелленберг в своих мемуарах так высказался: «С документами «Цицерона», похороненными в сейфе, Министерство иностранных дел село в калошу». Гитлер запретил даже информировать посла фон Папена о вновь поступающих материалах «Цицерона». Мы с Гиммлером обсудили это распоряжение и решили смягчить его, дав указание Мойзишу информировать фон Папена, как и прежде, обо всем, что касается германо-турецких отношений. При этом мы нашли формулировку, позволявшую Мойзишу, человеку очень обходительному, сохранить добрые отношения, сложившиеся между ним и фон Папеном».

Итоги Тегеранской конференции

В ходе переговоров на Тегеранской конференции обнаружилось различие точек зрения руководителей США и Великобритании о месте, масштабах и сроках вторжения в Европу около 1 мая 1944 года через Ла-Манш (план «Оверлорд»). Черчилль пытался подменить открытие второго фронта во Франции развитием операций в Италии и на Балканах, чтобы таким путем обеспечить оккупацию Центральной и Юго-Восточной Европы англо-американскими войсками, а вопрос о сроках начала операций через Ла-Манш предлагал передать на рассмотрение «военных специалистов».

Советская делегация отмечала, что наиболее эффективным было бы нанесение удара по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции с одновременной высадкой десанта на юге Франции. Делегация СССР также заявила, что советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт. В принятой 1 декабря 1943 года «Декларации трех держав» участники Тегеранской конференции заявили о полном согласии «...относительно масштаба и сроков

операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга».

Руководители трех держав обменялись мнениями о создании международной организации безопасности после войны. Они приняли также «Декларацию об Иране», в которой подтвердили желание сохранить независимость и территориальную неприкосновенность этой страны.

Подоплека английской стратегии была очевидна. Британский премьер, как и Рузвельт, стремился не допустить глубокого продвижения Советской армии на запад. Но он надеялся достигнуть этого путем развития операций в Италии и на Балканах. В этом случае по его замыслам англо-американские войска могли бы опередить Советскую армию и первыми выйти в Юго-Восточную и Центральную Европу.

Итало-балканские планы Черчилля явно не соответствовали решениям Московской конференции министров иностранных дел, провозгласившей первой целью СССР, США и Англии ускорить конец войны. Создание фронта на Балканах, вдали от важнейших экономических и стратегических центров рейха, привело бы к дальнейшему затягиванию ее и увеличению жертв.

Глава Советского правительства, исходя из настоятельной необходимости скорейшего разгрома врага, предлагал основной операцией 1944 года считать «Оверлорд», а вспомогательной – высадку в Южной Франции. Операция в районе Рима расценивалась им как отвлекающая. Относительно же Турции советские представители считали, что она не вступит в войну, какое бы давление на нее ни оказывали.

Важнейшим результатом Тегеранской конференции явилась координация военных усилий СССР, США и Англии против нацистской Германии, принятие решения об открытии второго фронта в Западной Европе и отклонение «балканской стратегии» У. Черчилля. Решения, принятые в Тегеране, значительно упрочили антигитлеровскую коалицию.

Признание правительствами трех великих держав первой целью ускорения конца войны, принятые на Тегеранской конференции решения о согласованных ударах по Германии явились важной предпосылкой для полного разгрома нацистского блока в Европе, последующего поражения Японии и победоносного окончания Второй мировой войны.

Мифы вокруг Тегерана-43 и некоторые другие

Сначала поговорим о мифах. Случается, что некоторые из наших убеленных сединами, заслуженных ветеранов поведают о своих военных подвигах, слишком их приукрашивая или же выдумывая героические эпизоды. Складно рассказывают, как они бросались на вражескую амбразуру или подбили сразу несколько танков. При этом они порой сами начинают верить в то, что они совершали. Вот такое мифотворчество. Ну что же, пусть потешат себя. Может быть, это для некоторых последняя радость на склоне довольно безрадостной жизни.

Мифотворчеством могут грешить и молодые люди. Это уж зависит от характера того или иного человека. Бывает мифотворчество, связанное с фактами, очень похожими на реальные. Те, кто изучал мифотворчество, пришли к выводу, что мифотворческий потенциал событий тем больше, чем уже круг лиц, вовлеченных в него. И еще количество мифологизированных версий события прямо пропорционально степени секретности посвященного ему служебного документа. Так, если чему-либо присвоен гриф, ограничивающий его распространение, то два участника событий услышат вскоре минимум четыре версии происшедшего. Обычно мифы безобидны. Однако бывает всякое. Возникшие случайно, целенаправленные, злонамеренные...

Бесспорный Герой Советского Союза легендарный партизанский разведчик Николай Кузнецов. О его деятельности в тылу немцев существует много публикаций. Он послужил прообразом героя фильма «Подвиг разведчика». Фильм снят в 1947 году, но интересен и сегодня. Правда, в 90-е годы не обошлось и без того, чтобы пнуть героя, показать его в неприглядном свете в печати.

Однако следует заметить, что вокруг деятельности разведчика не удалось избежать и мифов. Считается, что Николай Кузнецов в апреле 1943 года сумел под видом немецкого лейтенанта проникнуть в кабинет рейхскомиссара Украины Эриха Коха. Он должен был убить Коха, но рейхскомиссар начал рассказывать об операции «Цитадель» – предстоящем наступлении немцев на Курской дуге. Кузнецов решил Коха не убивать, а сообщить об этом в Ставку. (Да и в той обстановке: телохранители, собака – убить Коха было невозможно.) Однако Кох не мог иметь точных данных о предстоящем наступлении, поскольку сам Гитлер еще не принял на этот счет решения. И еще в энциклопедиях указано, что Кузнецов состоял в КПСС. На самом же деле он членом партии не был.

Герой Советского Союза Рихард Зорге, выдающийся советский разведчик, не избежал мифов вокруг своей личности. В печати муссировалось, что Рихард Зорге (псевдонимы «Рамзай» и «Инсон») сообщил о точной дате нападения нацистской Германии на Советский Союз. Якобы в мае 1941 года он узнал точную дату нападения – 22 июня 1941 года. Его информаторы – сотрудники немецкого посольства в Японии, дипломаты и военные, которые приезжали в Токио, – просто не могли знать точную дату. Гитлер переносил сроки нападения и окончательное решение принял только 10 июня. 2 мая 1941 года Зорге сообщил в Москву о возможности скорого начала войны.

Следует заметить, что к сообщениям Зорге относились с сомнением. Почему? Дело было не только в том, что Зорге привлекли к разведывательной работе впоследствии репрессированные Берзин и Борович, руководившие Разведупром Красной армии в 20–30-е годы. В 1937 году исполняющий обязанности начальника Разведупра Гендин в своем сообщении Сталину, подчеркивая двойную игру ценного агента Зорге, добывающего информацию также для Отта, резидента немецкого абвера в Токио, делал вывод, что указанный агент не может пользоваться как источник информации полным доверием. Будучи профессиональным разведчиком, Зорге чувствовал, что в конце 30-х годов Москва перестала ему доверять. Одно время Центр даже отказался финансировать его организацию, а в 1939 году пришла шифротелеграмма: «Рамзая» отзывали из Японии. Под благовидным предлогом Зорге отказался вернуться в Москву. За тысячи километров до него доходили слухи о кровавых репрессиях в СССР. Но он не мог знать, что арестованы его друзья и коллеги по Коминтерну, что расстрелян организатор резидентуры «Рамзая» – начальник Разведывательного управления штаба РККА Ян Берзин, а следователи на Лубянке выколачивали «чистосердечные» признания о шпионаже в пользу Германии и Японии из руководителей отдела Разведупра, курировавших работу советских военных разведчиков за границей.

Осенью 1941 года были сняты с дальневосточных рубежей и переброшены под Москву прекрасно укомплектованные сибирские дивизии. Значительное количество стрелковых, артиллерийских, танковых соединений и частей, сформированных в Сибири, выдвигалось на главных опасных направлениях. Они проявляли стойкость, мужество и героизм при обороне Москвы, контрударах и в наступлении. Приказ Родины «Ни шагу назад!» ими выполнен с честью.

Считается, что ответственное решение о переброске сибиряков под Москву, позволившее остановить врага и выиграть битву за столицу, было принято благодаря разведывательной информации группы Зорге. Однако это не более чем миф.

Исключительно важные данные, полученные от Зорге, о предстоящем нападении Японии на США, о неприсоединении Японии к германской агрессии против СССР в сентябре – октябре 1941 года так и осели в наших архивах. А дивизии с Дальнего Востока перебрали под Москву в октябре 1941 года лишь потому, что у Сталина не имелось других готовых к боям резервных боевых соединений. Положение было отчаянное – необходимо было спасти Москву!

Если же информация Зорге при этом учитывалась, то не играла существенной роли в принимаемом решении. Сообщения о том, что японцы не намерены воевать с нами, регулярно поступали с 1941 по 1945 год от наших проверенных агентов, занимавших

должности советника японского посольства в Москве и начальника службы жандармерии Квантунской армии, который передавал нам документальные данные о дислокации японских соединений в Маньчжурии. Кроме всего прочего, советским спецслужбам удалось расшифровать переписку японского посольства в Москве с Токио, из которой следовало, что вторжение в СССР в октябре 1941 года Японией не планировалось.

Трагедия Зорге состояла в том, что его героическая работа и поступающие от него сведения не использовались нашим командованием. Зорге не верили. К сожалению, не сыграл никакой роли в битве за Москву талантливый разведчик Рихард Зорге.

Некоторые мифы далеко не безобидны. Такой, например, миф: о замысле советского руководства начать войну с Германией 6 июля 1941 года... Этот миф – один из самых гнусных. Его придумал Богдан Резун, выступающий под именем Виктора Суворова. Задача его авторов – умалить значение Великой Победы 1945 года, всячески снизить роль Великой державы, унижить ее народ. В некоторых публикациях сегодняшнего дня делаются попытки поделить вину за развязывание войны между двумя диктаторами – Гитлером и Сталиным. Не будем вступать в бессмысленную полемику. Скажем только, что не наши самолеты ранним утром 22 июня бомбили мирные города и села другой страны, не наши танки подминали под себя чужие пограничные заставы. 22 июня будут долго-долго помнить люди... Этот день принес столько несчастья миллионам.

Не всегда можно отделить мифы от дезинформации. Можно привести блестящие примеры дезы. Вот такой интересный, даже забавный случай, дошедший из глубины веков истории с восковым шариком. Ее изощренность запоминается.

22 июня 1941 г. Так москвичи узнали о начале войны

По соседству с Китаем в XI веке существовало очень могущественное королевство тангутов. Его армию возглавляли очень способные, опытные военачальники. Существование сильного Тангутского королевства сковывало действие Китая. О каких-либо серьезных дипломатических или военных мероприятиях против других соседей думать не приходилось – тангуты всегда могли ударить в спину. С целью устранить постоянную угрозу со стороны тангутов китайцы задумали комбинацию, способную ослабить военную мощь королевства тангутов. Приговоренному к смерти бандиту предложили выполнить тайное поручение, пообещав ему помилование. Бандит с радостью согласился. Его одели монахом, послали в

Синцин – столицу Тангутии и сказали, что по дороге его встретит один человек. Нужно будет запомнить все, что он скажет, и вернуться обратно в Китай.

Бандита привезли на границу и дали проглотить восковой шарик, обмазанный медом, – лекарство, укрепляющее память. Однако бандита не предупредили, что тангутская граница тщательно охраняется. Не успел бандит перейти границу, как сразу же был схвачен тангутами. Его стали допрашивать. В те времена для ускорения следствия применялись психотехнические методы с использованием щипцов, иголок, других орудий и предметов. Бандит не выдержал допроса и признался, куда и зачем он идет, кто его послал. Сказал он и о восковом шарике. Тангутские следователи предположили, что внутри у шарика может оказаться документ. Они дали бандиту слабительное и затем обнаружили в воске документ – секретную директиву китайского императора группе важнейших тангутских полководцев. Им приказывалось убить своего короля и распустить армию. Король тангутов признал директиву подлинной и немедленно распорядился об аресте полководцев. Бандита сразу же казнили. Арестованные полководцы под пытками «признались», что они действительно связаны с китайцами и готовили дворцовый переворот. По приказу короля полководцев казнили и решили проверить всех остальных военачальников и сановников, не замышляют ли они измены. Начались массовые аресты и казни, что сильно ослабило тангутскую армию. Тангутам, занятым самоистреблением, было не до Китая. Таким образом китайцы надолго избавились от угрозы со стороны тангутов. Сколько раз в человеческой истории срабатывал подобный «восковой шарик». А вот еще дезинформация нашего времени. Взять ту же СОИ – «стратегическую оборонную инициативу», или «доктрину» Р. Рейгана. Начиная с марта 1983 года о программе «звездных войн» написано и сказано немало, особенно о технических сторонах «сверхмасштабного проекта». В дискуссии участвовали и именитые ученые, и авторитетные военные специалисты, и политики всех мастей. В чем-то они блефовали, выдавая желаемое за действительное, в чем-то были трезво самокритичны, случалось, что одни и те же лица неуклюже меняли свою точку зрения. Суть не в этом. Еще до объявления СОИ, в первой половине 1982 года, в США была выработана программа, направленная на то, чтобы обеспечить крах советской экономики. Тогда же президент подписал секретную директиву № 32, санкционирующую ряд тайных экономических и дипломатических мер, что могло заставить противника попусту расходовать силы и перехватить инициативу. Многолетняя целенаправленная научная и техническая дезинформация преподносилась как нечто сугубо секретное, но чисто «случайно» просочившееся в печать. Это была сфабрикованная или частично соответствующая действительности тупиковая информация, которая вынуждала Россию принимать ответные меры к решению, исходя из ложных предпосылок, и приводила к пустым тратам огромных денежных средств. На языке разведчиков это называется «пустить по ложному следу». Конкурирующие государства, их спецслужбы всегда пользовались дезинформацией, пользуются ею и долго будут ее использовать в своих интересах. Еще один пример дезы – «патент 4.456.912», датированный «Июль, 26.1984 г.». Этот якобы официальный секретный документ, «загадочно» исчезнувший, содержал некоторые характеристики космического оружия, и в частности СВЧ – система для уничтожения ядерных боеголовок баллистических ракет противника сфокусированным излучением в диапазоне сверхвысоких частот. Иными словами, уже созданным и прошедшим испытания советским противоракетам выставлялась некая «заманчивая» альтернатива. Игра велась достаточно профессионально, информация достигла адресата, один из оборонных НИИ в Советском Союзе был сориентирован на «новую тематику», а естественная в таких случаях секретность способствовала утверждению некомпетентного волюнтаризма в некоторых высокопоставленных структурах. Подстегиваемые карьеризмом, перспективой чинов и наград, «низы» охотно взялись за решение задачи. Справедливости ради следует сказать, что нашлись и трезвые головы. Но когда именитые ученые пытались разоблачить «туфту» и показать, что предполагаемые пути ведут в тупик, их мнение проигнорировалось. Сомнения высказали академики В. Гинзбург, В. Голданский, Б. Раушенбах, один из создателей противоракетных систем,

член-корреспондент Академии наук Г. Кисунько, да и другие научные авторитеты. Следует отметить, что для реализации эффективного СВЧ-оружия необходимы фантастически огромные энергетические мощности, превосходящие в тысячу раз суммарную мощность всех электростанций планеты. В общем, ученые не были «простачками», «лопухами». Беда была в ином: победа чьих-то амбиций, которым покровительствовала некомпетентность, стоила стране огромных средств. Заокеанская деза попадала порой на благоприятную почву лишь потому, что по всей вертикали НИИ – министерство – оборонный отдел ЦК срабатывал эффект обоюдного покровительства, «фирменного» эгоизма, уверенности в бесконтрольности и безнаказанности. К этому можно лишь добавить фразу из американского журнала «Форин афферс»: «Тайные действия и дезинформация, когда они используются с умом, могут быть очень полезным и эффективным дополнением в политике». Итак, деза будет жить. И не только в области науки и техники, но особенно в разведке.

Кроме всевозможных мифов в средствах массовой информации, в книгах, в кино можно встретить и разные «неточности». Что касается кино, то здесь мелкие неточности «обычно» зритель не замечает. Происходят же они в силу недостаточной компетентности авторов фильма, прежде всего режиссера. Возьмем войну... Может ли режиссер фильма, если ему сегодня 40–50 лет, точно показать то время? Фильмы, театральные спектакли о войне все вторичны. Они создаются не на основе виденного лично, а на базе прочитанного, увиденного на экране, в театре. Пара примеров. В фильме «Семнадцать мгновений весны» Татьяны Лиозновой есть кадр, когда Штирлиц провожает Кэт в Париж. Уезжает она в цельнометаллическом вагоне производства вагоностроительного завода в Амендорфе, в Германии. Эти вагоны начали выпускать лишь в 50-е годы. К тому же в Германии они никогда не использовались и не используются сегодня. Конечно, это мелочь, которую вряд ли заметил зритель. Но вот в фильмах, рассказывающих о боевых делах наших войсковых разведчиков, можно увидеть, как они, лежа на спине, разрезают проволоку, делают дырку в немецком заграждении, чтобы проникнуть на территорию противника. Об этом Герой Советского Союза Владимир Васильевич Карпов (а он ходил на ту сторону, за проволоку, более семидесяти раз) сказал:

«Мы проволоку не резали. Ведь дырка в проволоке была бы замечена немцами и навела бы на наш след. Проволоку мы поднимали рогатками, пролезали, а затем опускали. Ну, а в кино показывают, как разведчики режут проволоку. Кино...»

«Да, кино и жизнь жанры разные», – заметил я.

Несколько отвлекшись от темы, автор переходит к мифам вокруг Тегерана-43.

Из воспоминаний командира особого разведывательного партизанского отряда «Победители», действовавшего в 1942–1944 годах на территории Ровенской и Львовской областей, Героя Советского Союза полковника Дмитрия Николаевича Медведева:

«Зиберт и фон Ортель встретились в казино на «Немецкой» улице. И тогда фон Ортель сказал ему, наконец, куда он собирается направить свои стопы. Он едет на самый решающий участок фронта.

– Где же тогда этот твой «решающий» участок?

– В Тегеране, – с улыбкой сказал фон Ортель.

– В Тегеране? Но ведь это же Иран, нейтральное государство!

– Так вот именно здесь и соберется в ноябре Большая тройка – Сталин, Рузвельт и Черчилль... – И фон Ортель рассказал, что он ездил недавно в Берлин, был принят генералом Мюллером».

Мюллер возглавлял Амт-IV – гестапо и не имел отношения к VI – внешней разведка СД, возглавляемой Шеленбергом, подчиненным Шеленберга был и Скорцени. Упоминание в книге Медведева о Мюллере свидетельствует о том, что тот не разбирался в структуре немецких спецслужб, а также подтверждает его мифотворчество. По воспоминаниям Медведева, Ортель якобы от Мюллера получил весьма заманчивое предложение, о смысле которого Зиберт, вероятно, догадывается. Впрочем, он может сказать ему прямо: предполагается ликвидация Большой тройки. Готовятся специальные люди. Если Зиберт

изъявит желание, он, фон Ортель, походатайствует за него. Школа – в Копенгагене. Специально готовятся террористы для Тегерана. Разумеется, об этом не следует болтать.

«В этот день на очередной политинформации Стехов прочитал партизанам сообщение о провале гитлеровского заговора в Тегеране. Разумеется, имя Кузнецова не было при этом упомянуто... Не могло быть сомнения, что гитлеровские агенты, о которых шла речь в телеграмме, в том числе, конечно, и фон Ортель, занимавший среди них не последнее место, вовремя найдены и обезврежены.

– Поздравляю вас, Николай Иванович!

– Ну, я-то, может, здесь и ни при чем, – ответил Кузнецов.

– Тут ведь, надо думать, десятки людей потрудились...»

На печатных страницах и на телевизионном экране не раз было сказано о Тегеране-43, не будем перечислять всех публикаций о разведчике Герое Советского Союза Геворке Вартапяне.

Многие годы он и его жена Гоар – семейная пара нелегалов – находились за рубежом Советского Союза. В 1984 году Президиум Верховного Совета СССР присвоил Геворку Вартапяну звание Героя Советского Союза. Удостоверение подписал Громыко. Видимо, нелегал заслуженно был удостоен такого высокого звания. Однако вокруг его имени возникло немало мифов.

«Геворк и Гоар Вартапяны – семейная пара нелегалов, считающаяся самой результативной в истории разведки. Во многом благодаря им в 1943-м в Тегеране удалось предотвратить покушение на Сталина, Рузвельта, Черчилля» – это из досье РГ, публикации в «Российской газете» от 6 мая 2010 года. Там же: «МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ДЕТАЛИ ПОКУШЕНИЯ НА СТАЛИНА НА КОНФЕРЕНЦИИ В ТЕГЕРАНЕ В 1943 ГОДУ – В НОВОМ ФИЛЬМЕ ДЛЯ ПЕРВОГО КАНАЛА «ВАРТАПЯНЫ ПРОТИВ СКОРЦЕНИ». Из первых уст. Авторы публикации Долгополов, Андрей Васянин. «В «РГ» прошла презентация фильма «Правдивая история. Тегеран-43», в центре событий которого оказалась пара разведчиков-нелегалов. Геворк и Гоар Вартапяны сделали возможным проведение Конференции в Тегеране в ноябре 1943 года.

«Правдивая история. Тегеран-43» – продолжение цикла документально-художественных фильмов «Поединки», подготовленных студией «Артель» для первого канала и повествующих о сотрудниках Службы внешней разведки – участниках ключевых событий Второй мировой. Режиссер картины Владимир Нахабцев, продюсер Майя Тоидзе и непосредственные участники событий супруги Вартапяны рассказали «РГ» подробности проекта. Вартапяны работали в отряде молодых ребят, и именно они обнаружили группу немецких диверсантов, направленных в Тегеран в рамках операции «Большой прыжок», которой руководил Отто Скорцени (штандартенфюрер СС, прославившийся в годы Второй мировой войны своими успешными спецоперациями. Самая известная – освобождение из заключения свергнутого Муссолини). Вартапяны первыми засекли диверсантов, доложили руководству резидентуры, а дальше дело было за сотрудниками, которым предстояло обезвредить диверсантов.

На телевидении можно было увидеть Вартапяна, излагавшего: «Мне было 16 лет, но я разоблачил 400 немецких диверсантов». Увлекался разведчик, поэтому, когда в ЦК были поданы документы на присвоение Геворку Вартапяну звания Героя Советского Союза, там сказали: «Конечно, Геворк Андреевич человек достойный, но в представлении, пожалуйста, напишите правду. Не может же один человек совершить все, что тут изложено!» И впрямь трудно поверить, что операцию, целью которой было убийство руководителей СССР, Великобритании и США, затевали лучшие умы Германии – Канарис, Шелленберг, Кальтенбруннер, Скорцени, а разрушили мальчишки. Ведь тем, кто входил в группу Вартапяна, было в то время по 16–19 лет!»

Документов, прямо указывающих на то, что немцы готовили покушение на участников Тегеранской конференции, не найдено...

Вартапян Георг Андреевич – человек заслуженный. В мартовском номере за 2012 год

«ФСБ – за и против» в публикации Михаила Райского «Путь разведчика» читаем: «Ушел из жизни Геворк Вартамян. С февраля 1940-го по август 1941 года группе Вартамяна из семи разведчиков удалось установить более 400 агентов фашистской Германии в Иране. Летом 1943 году рядом с иранском городом Кум была сброшена группа из шести нацистских парашютистов».

Такой «перехлест» в подвигах разведчика еще можно простить. Что работает на патриотическое воспитание нашей молодежи. Ей нужны подвиги!

Сегодня, когда идет оголтелая фальсификация нашей истории, важно всем знать правду. Поэтому читателю предлагается правдивое повествование о Тегеране-43, а заодно об операции «Цицерон», некоторых других событиях из истории отечественных спецслужб.

Глава десятая. Правда требует точности

Писать правду о минувшем следует не на эмоциях, а постигать историческую правду через документы и факты. Ценность исторического материала – достоверность и непредвзятость. К сожалению, достоверность у некоторых авторов грешит предвзятостью.

Впервые о попытке гитлеровской спецслужбы покушения на И. В. Сталина было рассказано в книге «Фронт без линии фронта» (Московский рабочий, 1970 г.) в публикации под названием «Провал акции «Цепелин» – авторы А. Беляев, Б. Сыромятников, В. Угринович. Один из них – полковник Борис Александрович Сыромятников – опытный чекист, годы и годы отдал службе в военной контрразведке.

В журнале «Вестник границы России» (№ 3 за 2000 год, издательство КЖИ «Граница») Б. Сыромятников в публикации «Покушение на Сталина, которое не состоялось» рассказывал о провале акции «Цепелина».

В начале семидесятых и я рассказывал о неудаче «Цепелина» в периодических изданиях КГБ СССР, упомянув об этом также в пьесе «Выстрел в тумане» (репертуарный сборник «Даль моя океанская» (Воениздат, 1973 г.).

Вокруг каждого события возникает множество домыслов, неточностей, полуправды и откровенного вранья. Можно привести ряд авторов, которые, не зная всех обстоятельств попытки гитлеровцев покушения на Сталина, рассказывают об этом, показывая свою некомпетентность. Не будем подробно останавливаться на публикации украинского журналиста А. Шпаена «Волчья охота». В своей статье он пытается доказать, что Шилова и Таврин выполняли задание не Берлина, а Москвы. О таких авторах, как Шпаен, один читатель сказал: «Таких, как А. Шпаен надо наказывать розгами!» О попытке покушения на Сталина рассуждает такой «историк» и писатель Борис Соколов. В своей книге «Охота на Сталина, охота на Гитлера» («Вече», Москва, 2003) он говорит: «...германские и японские спецслужбы в СССР занимались не только разведкой. Есть сведения, что они готовили покушения на Сталина, однако, как известно, не достигли в этом успеха. Правда, никаких надежных документов на сей счет пока так и не найдено. Все версии основываются только на послевоенных воспоминаниях офицеров разведывательных органов Германии и Японии».

Мелькающий на телеканале Борис Соколов, автор не одной книги, «анализирует» попытку «Цепелина» убить Сталина. В своем «труде» рассказывает об этом обстоятельно.

В книге «историка» Соловьева есть такие перлы: «...версия о Таврине-террористе неудачно выдумана советской стороной».

«...документы о попытке Таврина и протокол его были составлены советскими органами госбезопасности еще позднее, в 1960–1970 годы, когда на Западе уже появились публикации о Таврине».

«Немцы фабриковали для своих агентов поддельные авторские ордена» – это в книге Б. Соколова. «...Абвер наладил выпуск фальшивых орденов Красной Звезды, которыми снабжал агентов. От настоящего не отличить. Только на подлинном ордене красноармеец был в сапогах. На фальшивом – в обмотках», – придумал один ветеран. Зачем немцам

фальшивые ордена Красной Звезды?

В германском плену очутилось свыше трех миллионов советских военнослужащих, и уж не одна тысяча орденов могла оказаться у немцев. А в сапогах или обмотках красноармеец на ордене – ни одна лупа не определит. По мнению писателя, историка спецслужб Теодора Гладкова, кто-то ради смеха запустил этот анекдот про орден Красной Звезды. Это точно! И пошла эта байка гулять в разговорах и даже на печатных страницах ⁴⁷. Соколов о Великой Отечественной войне знает только из книг и кинофильмов, в архив ФСБ его не допускают. И вот такой человек, набравшись нахальства, начинает судить о том, что ему неведомо, к чему никакого отношения не имеет. Что делать? У каждого свой бизнес, а наглости подобным не занимать.

Николай Зенькевич, историк и писатель, автор ряда интересных книг «Вожди на мушке. Теракты и инсценировки» (Минск: Польша, 1996), показывает свою некомпетентность. (Что делать, не специалист спецслужб. – *Ред.*) К реализации попытки покушения он причисляет абвер. Никакого же отношения абвер к этой операции не имел. Ее организовал и осуществлял «Цепелин».

Далее у Зенькевича фигурирует «Панцеркнакке», короткоствольная безоткатная ПУШКА. ПУШКА! Может, еще и танк...

Таврина в районе Ржева проверяет патруль. Не было там патруля, а был один старший лейтенант милиции Ветров.

– Все в порядке, товарищ майор, – весело ответил патрульный. – Можете ехать, только я вам отметку в командировке сделаю. Уж извините – такой порядок. Да и на следующем посту удивятся, ежели без отметки.

– Конечно, конечно, – ответил майор. – Порядок есть порядок.

Комендатура находилась в ближайшем поселке. Туда и подкатили «супруги» вместе с патрульными. Пока Таврин и Шилова отмечали командировки, их мотоцикл обыскали. В коляске солдаты обнаружили портативную рацию, «Панцеркнакке» и кожаное пальто к нему, магнитную мину с приспособлением для дистанционного взрыва, семь пистолетов различных систем и много других интересных вещичек.

«Пока Таврин и Шилова отмечали командировки, их мотоцикл обыскали», – пишет Зенькевич. Хотел бы я видеть того смельчака, который бы обыскивал мотоцикл майора, заместителя начальника контрразведки СМЕРШ 39-й армии, предъявившего удостоверение за номером 298, ничем не отличавшегося от советского аналога. Героя Советского Союза... У Зенькевича Таврин – заместитель начальника отдела дивизии. Небольшая неточность автора. Однако, о чем пишешь, следует знать досконально!

Только после запроса Москвы начальником Гжатского РО НКВД, когда было установлено, что Таврин в Главное управление КРО СМЕРШ НКО не вызывался и таковой на работе с КРО СМЕРШ 39-й армии не значился, он был обезоружен. Был проведен личный обыск Таврина и его мотоцикла. И он был допрошен.

* * *

В еженедельнике «Вечерняя Москва» № 33 (26842) от 21–28 августа 2014 года под рубрикой «Невидимый фронт в публикации «Поквитаться с тираном, история покушений, которых не было» Виктор Сигарев рассказывает и о Петре Шило-Таврине. О том, что его принимал министр пропаганды Германии Геббельс, и о том, что в центре СД по подготовке диверсантов работал советский агент, который сообщил в Москву о деталях готовящейся операции. Поэтому, когда в ночь на 5 сентября 1944 года чудо-самолет высадил в Смоленском лесу террориста и его радистку, у них не было ни единого шанса на спасение. Вся огромная территория к этому часу уже была оцеплена оперативниками НКВД.

---

⁴⁷ Ленчевский Ю. СМЕРШ без грифа «Секретно». М.: Яуза; Эксмо, 2009.

При задержании Петр Шило-Таврин и Лидия Адамчик сопротивления не оказали. Затем он и его жена-радистка участвовали в радиоигре, получивший кодовое название «Туман». То есть долго водили за нос СД и абвер.

Автору публикации Виктору Сигареву, конечно, неизвестно, что абвер к попытке покушения на И. Сталина никакого отношения не имел и не мог иметь. Разные службы. К тому же 12 февраля 1944 года под грифом «Совершенно секретно» был издан приказ Гитлера за № 1/44. В первом пункте приказа фюрер объявил об учреждении единой немецкой разведывательной службы. Во втором пункте он возложил руководство объединенной разведывательной службы на рейхсфюрера СС.

Адмирал Канарис освобожден от должности и отправлен в отпуск. Затем он был назначен на малозначительную должность начальника штаба особого назначения, ответственную за ведение экономической и торговой войны.

Абвер-I и Абвер-II были переданы в РСХА в качестве Управления военной разведки *Militarisches Amt* (Mil Amt). Начальником нового управления был назначен бывший начальник абвера полковник Георг Хансен. Разведка и контрразведка функционируют непосредственно в войсках. Их оставили в армии под общим руководством штаба оперативного командования вермахта под названием «фронтовая разведка». Руководитель МИЛ – АМТ Георг Хансен принимал активное участие в подготовке покушения на Гитлера. После 20 июля был вызван к Кальтенбруннеру, прямо в кабинете шефа РСХА арестован и казнен через полтора месяца. Сегодня известно, что Канарис знал довольно много о заговоре против Гитлера и не донес об этом ни своему начальнику генерал-фельдмаршалу Кейтелю, ни Гимлеру. Канарис был арестован, подвергнут пыткам и повешен 9 апреля 1945 года, ровно за месяц до окончания Второй мировой войны в Европе.

События 20 июля 1944 года подвели черту в истории абвера окончательно. МИЛ – АМТ был ликвидирован. Его рефераты вместе с сотрудниками поделили между собой АМТ-4 (гестапо) и АМТ-5 (внешняя разведка СД).

В сентябре 1944 года никакого абвера не было и в помине. Далее автор В. Снегирев пишет: «Спустя восемь лет, в начале 1952 года, Военная коллегия Верховного суда приговорила обоих к высшей мере наказания. В тот же день приговор был приведен в исполнение».

1 февраля 1952 года уголовное дело по обвинению Шило Петра Ивановича и его жены по статье 53-1-а (измена Родине), 19-58-8 УК РСФСР было рассмотрено в закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР без участия гособвинения и защиты. Обвиняемых приговорили к исключительной мере наказания – расстрелу.

Ходатайство о помиловании Президиум Верховного Совета СССР отклонил. Приговор в отношении Шило-Таврина приведен в исполнение 28 марта 1952 года, в отношении Шиловой – 2 апреля.

Публикация Виктора Снегирева свидетельствует о его некомпетентности, фантазии. К сожалению, многие авторы пытаются рассказывать об Отчественных спецслужбах, не имея о них никакого представления. Как говорится, такие лица с большой амбицией и малой амуницией.